

Сергей ЮЮКИН

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ ДЕДУШКИ ЕРЁМЫ

ДЕДУШКА ЕРЁМА

Отец решил обшить дом тёсом. Сам это делать не умел, поэтому решил пригласить деда Ерёму, который ходил по сёлам и брался за любую плотницкую работу. Для него не существовало того, что он не мог соорудить из дерева. Был мастер на все руки. И хотя Ерёма жил в соседнем селе, его трудно было застать дома. Поэтому, оставляли записку его соседке, щупленькой старушке, и ждали. Оставили записку и родители.

Но зима уже на исходе, а деда нет. Когда надежда почти исчезла, на пороге появилась невысокий в фетровой шапке-ушанке и потёртом полушубке кряжистый мужик. На его обветренном лице добродушно светились глаза. Казалось, что это не плотник, а путешественник, вернувшийся из дальних странствий. Вон и коричневый рюкзак у него за плечами, какие бывают у туристов.

Войдя в дом, Ерёма снял шапку и низко поклонился:

– Здоровья вам, добрые хозяева.

– Еремей Иванович? – всполошились родители.

– Он самый, – улынулся дед.

– Проходите в дом, – засуетилась мать и принялась накрывать стол.

Старик снял верхнюю одежду, скинул валенки и прошёл к столу. Присели за стол и родители. После того, как отведали горячего наваристого борща, завязалась беседа.

Со стороны казалось, что дед пришёл вовсе не для дела, а рассказать о том, где был и что видел. Незаметно перешли к разговору о деле.

– Почему бы не сделать? – говорил дед. – Но для начала надо осмотреть дом. Да и материал бы надо глянуть. Хватит ли его для обшивки.

Вместе с родителями он вышел на улицу. Когда осмотрели дом и Ерёма потрогал рукой тёс, сухой ли он, только тогда вернулись обратно и сели у стола.

Родители выжидающе смотрели Ерёму. Тот некоторое время думал, что-то подсчитывал в уме, а потом сказал:

– Работы на месяц. Стоить это будет вам сто пятьдесят рублей.

– Сколько? – вскинул брови отец.

– Сто пятьдесят рублей, – повторил Ерёма.

– Так... – поперхнулся отец, а потом выдохнул: – мне ж целый месяц надо работать, чтобы восемьдесят рублей заработать. А тут аж сто пятьдесят целковых!

По тем меркам сто пятьдесят рублей были огромные деньги. Некоторым надо было три месяца трудиться, чтобы заработать такую сумму.

– У тебя два выходных, а я с утра до вечера без выходных... – спокойно говорил Ерёма, будто знал цену своему труду. – И питание с проживанием за ваш счёт, – добавил он.

Родители задумались. Потом ушли в другую комнату и долго о чём-то шептались. Когда вышли, отец сказал:

– Ладно. Мы согласны. Только кровати у нас нет. Разве что на печи...

– Печь – это хорошо. На ней от радикулита кости хорошо греть. Не зря старики на них спали. И ещё говорили, что горячий кирпич любые простуды прочь выгоняет.

Я смотрел на Ерёму, и мне подумалось: если он знает о том, что говорили старики, то должен знать много сказок. Он же много ходит по сёлам...

– Приступать когда сможете? – спросил отец.

– Завтра и начну.

– А как же деньги?.. Ты же с калыма.

– Соседке оставил.

– Не истратит.

– Разве что возьмёт сколько нужно. Остальные оставит.

– Куда же ты их деёшь? – глянул отец на бедно одетого деда. – Судя по всему, заработки у тебя неплохие.

– Были бы деньги, а куда их деть – всегда найдётся. В последний раз ездил в детский дом. Ребятишкам подарков разных накупил, обновок новых...

– И не жалко?

– Я накормлен, напоен. Уйду на тот свет, и всёжитое в прах превратится. Там денег не надо. А так, хоть польза какая-то на этом белом свете от меня. Вот и дом вам обошью, и обогрею обездоленных, – сказал дед

и, засунув рюкзак под лавку, взобрался на печь.

На следующий день дед Ерёма вышел на улицу, раскрыл рюкзак и достал два топора. Один большой, а другой поменьше. Потом вытащил пилу и ещё кучу разного инструмента. Отложив рюкзак, приступил брусом точить топоры. Противное шарканье камня о железо вскоре мне надоело, и я ушёл в дом.

Время близилось к обеду и я, поскольку учился во вторую смену, отправился в школу. Когда вернулся, дед на печи грез кости.

– Ну и как учёба? – спросил он.

– Учеба как учеба, – нехотя стал говорить я. – Учительница спрашивала, ребяташки отвечали. Потом ставила оценки. Кому пятерки, а кому двойки.

– Двойки – это плохо. Надо хорошо учиться, чтобы умным быть.

– А вы учились, учились, а теперь на холоде топором машете.

– Топором тоже надо умеючи махать. Чтобы что-то сделать, надо вначале подумать, посчитать, а потом правильно отмерить. Не знай математики, разве что отмеришь?

Я не нашёлся, что ответить.

– Замерз, поди? Полезай на печь. Я тебе сказку расскажу, – пригласил меня дед.

Услышав про сказку, я забыл, что плохо думал о старике, и вмиг оказался на печи. К тому же родители ещё не вернулись с работы и некому заставлять делать уроки.

– Какую тебе рассказать сказку? – улыбался старик.

– Про что-нибудь интересное. Вы много ходили и много знаете.

– Тогда я расскажу тебе про висячий камень, что по пути в Змеиногорск на вершине горы висит.

Я затаил дыхание, а дед начал рассказывать...

ВИСЯЧИЙ КАМЕНЬ

По пути к Змеиногорску на вершине одной из гор лежал огромный ка-

мень. Всей своей махиной он нависал над извилистой дорогой. Люди удивлялись: как такая громадина могла оказаться на горе? Будто это великан, играя в футбол, нечаянно туда его закинул. Но камень-то весом не менее пятисот пудов, а может и на всю тысячу потянет. Какую же надо иметь силищу?

С незапамятных времён лежит этот камень на вершине горы и кажется, что вот-вот сорвётся и подомнёт всех, кто встретится на его пути.

Проезжая мимо, люди с опаской смотрели на него, и со свистом погоняли лошадей...

И вот как-то раз поднялись мужики с ломами на гору, чтобы камень столкнуть. Но у них ничего не получилось. Камень качался, но вниз не падал. Сотен рук не хватило, чтобы хоть чуть-чуть сдвинуть с места эту громадину.

Мало кто помнил старую историю, передававшуюся из уст в уста. Забыли люди о том, как поссорились меж собой Владыка Гор с Владыкой Степей.

Красивы степи и зимой и летом. Цветёт цветами степь – хочется песни петь. Но а когда ковыль-трава цветёт – то степь сама поёт. А если ветер набегает, волнами ковыль-траву качает. По полю идёшь, будто по морю плывёшь. От горизонта до горизонта серебром волны качаются. Не хватает глаз, чтобы охватить эту красоту. Кто хоть раз в таких степях побывал, захочет возвратиться и навсегда здесь поселиться. Потому Владыка Степей, хан Кочувей, тысячу лет здесь живёт и не может налюбоваться дивной красотой.

Но и Владыка Гор не налюбуется своими владениями. Как только солнце взойдёт, спешит посмотреть, как вершины гор золотом наливаются, а потом багрянцем покрываются, и как днём с небесами сливаются, белками спят, к себе манят. А когда солнце спать уйдёт, хан Горей на самую высокую гору поднимется и красотой звездного неба до утра любит.

Увидит, какая звезда с пути сбилась, рукой её поймает и на место возвращает. Негоже, чтобы звёзды на землю падали. Они должны исправно светить, путь указывать.

В мире жили меж собой два хана. Нечего им было делить, у каждого было много дел в своих владениях. Так бы и жили, не окажись, что богата земля Алтайская камнями самоцветными, да рудами драгоценными. И медными, и серебряными и золотыми. Открылись эти богатства там, где степи плавно перетекают в горы вершинные.

Заспорили хан Горей с ханом Кочувеем, кому принадлежат эти богатства.

– Это мои богатства! В моих горах хранятся! – кричит хан Горей.

– Нет, мой! – отвечает ему Кочувей. – Разве не мой ветер со степей дует, и дыханием своим богатства омывает? Поэтому, докуда его дыхание доходит – все моё!

Долго они спорили, а потом сцепились, и давай друг друга за бороды длинные таскать. Хоть и Владыки они, но тоже, как люди, ссориться и драться умели. Долго за бороды таскали друг дружку, кулаками били по головам, да так, что искры молниями из глаз вылетали и ночную тьму на сотни верст в округе освещали. Бились, пока не выдохлись. А потом сели спиной к спине, чтобы отдохнуть. А пока отдыхают, и поговорить можно.

Первым заговорил Горей:

– Зачем нам с тобой, Кочувей, друг друга бить? Так можем и убить. А убьём, кому достанутся наши богатства спорные? Ворогам нашим?

– Верно говоришь, – согласился Кочувей. – И за моими степями не будет пригляду. Зарастут сорняками.

– И горы некому будет поправлять. Рассыплются они. В груды беспорядочные превратятся.

– Не лучше ли нам богатырей своих позвать?

– Правильно. Негоже нам Владыкам самим драться. Мы должны со стороны наблюдать, как богаты-

ри наши силушку свою будут казать. Мой богатырь Кидай-Камень может за сотню вёрст громадину стопудовую закинуть.

– Ваша сила камни поднимать и горы из них складывать. Для этого ума не надо. А вот ветры степные нагонять, чтобы семена трав за сотни вёрст рассеивать, для этого искусство надо иметь. Да такое, чтобы семена и в горы заносились, и на склоны крутые ложились. Чтоб земля всегда цвела и корм животинам разным давала. Поэтому я приглашу лучшего своего богатыря Ветродуя. Стоит ему дунуть, и закувыркается твой богатырь, как перекасти-поле трава.

– А ну посмотрим, – сказал Горей и так свистнул, что земля под ногами загудела, а потом затряслась.

Владыка Степей с испугу голову в плечи вжал. Слышал он про землетрясения в горах, но впервые испытал на себе. Пока он трясся от страха, появился богатырь роста богатырского, плечами так широк, что дверь в избу для него узка. Чтобы ему в неё войти, топором косяки уширять потребуется.

Потом Владыка Степей свистнул, да так, что сосны на горах закачались и затрещали. И вот предстал пред ним богатырь богатырский. Грудь у него широка, что степь привольная, что меха кузнечные. Если дунет, дубы вековые с корнями вырвет, и долетят те до самых высоких небес.

– Как соревноваться будем? – спрашивает Владыка Степей у своего противника.

Отвечает тот:

– Пусть богатыри сойдутся в борьбе и кто кого повалит, того правда и окажется.

– Согласен, – сказал Владыка Степей.

Ударили они по рукам. А когда ударили, тогда и богатыри сошлись в борьбе. Но сколько те ни старались друг к другу силушку применить, сколько пота ни проливали, не могут друг друга одолеть, только в землю по колени погрузились. А там и по пояс вскоре провалились. А то и гляди,

под землёй окажутся. Тогда не увидят Владыки, на чьей стороне правда.

– Пусть лучше мой богатырь вон тот камень в тысячу пудов на гору закинет, а твой попытается его сдуть. Если сдует, твоими богатства подземные станут. А не сможет – моими будут.

Ударили Владыки опять по рукам.

Кидай-камень подошёл к валуну трёхметровой высоты, пальцем одним его подцепил и играючи с руки на руку стал перекидывать... Хочет чтобы все видели силу его богатырскую.

– Так и я смогу, – говорит Кочувей. Понял он, что ничего не стоит Кидай-камню взойти на гору и положить на её вершину валун-камень. Поэтому и задумал он одну хитрость. Заулыбался лукаво: – А сможешь ли ты камень этот, не сходя с места, на вон ту вершину закинуть? – указал он на самую далёкую и высокую гору.

– Мне, что поднимать, что кидать – одно и то же, – ответил богатырь.

“Ах, хвастунишка. Камень-то весом в тысячу пудов будет. И гора острая. Какой камень на ней удержится? К тому же надо ещё суметь точно попасть”, – радуется Кочувей своей хитрости.

Кидай-камню невдомёк, отчего так весел Владыка Степей. Перекинул он с руки на руку валун и... Как метнул! Взвился камень выше гор и за небесами скрылся, невидимым глазу стал.

Долго ждали возвращения камня, а потом и вовсе устали. В сон потянуло, и глаза слипаться стали. Когда задремали, свист свистящий уши пронизывающий болью больной сверху послышался. Затрясся Владыка степей и за спину своего богатыря спрятался. А камень так раскалился, что пламенем огненным засветился. Видать до самого солнца он долетел. Летит камень всё ниже и ниже. И кажется Владыкам, что прямо на них. Попадали они, головами в землю уткнулись и сверху руками укрылись. Только богатыри стоят и не движутся, за камнем наблюдают. А потом Ветродуй ноги расставил, в грудь как мож-

но больше воздуха вобрал и дунул в сторону камня.

– Что ты, делаешь?! – возмутился Кидай-Камень.

– Хочу его остудить и от нас отворотить.

– Не надо! Я всё рассчитал. Камень на вершину горы сам ляжет. А когда ляжет, тогда дуй, сколько хочешь.

– Извини друг, я не хотел тебя обидеть, – сказал Ветроудй.

Богатыри никогда меж собой не дрались, как их хозяева. Разве что силой иногда мерялись.

А камень всё ниже и ниже, со свистом летит, да так, что свист за ним уже не поспекает, хвостом следом тянется. С грохотом упал камень на вершину горы, да так, что большая часть нависла над дорогой, что протянулась у подножия горы. Если бы не Ветроудй, не свисал бы камень, а точно на вершину бы лёг и никого потом не пугал бы.

Очнулись от испуга Владыки, головы приподняли и диву даются. Владыка Гор искренне удивляется, как можно камень на вершину горы закинуть? А Владыка Степей радостью великой радуется тому, что неуклюже положил валун на гору богатырь Кидай-Камень. На него и дуть не надо. Сам от легкого дуновения ветра скатится.

– Теперь наша очередь, – сказал Кочувей. – Если мой богатырь сдует этот камень с одного раза, все богатства подземные станут моими.

Заперевивал Горей. Как же так могло получиться, что его богатырь камень неудачно кинул? Если так и дальше дело пойдёт, то и горы как попало сложенными окажутся.

Приказал Кочувей своему богатырю дуть. Дунул тот раз, дунул второй, а камень как висел, так и висит, и не качается.

– Что ты балуешься! – закричал на него Кочувей, – А ну дуй изо всех сил своих, да так, чтобы не только камень вниз скатился, но и горы сложились!

Напрягся Ветроудй, что было сил. От науги красней заката огненного

стал. Грудью воздух так втянул, что хозяина своего чуть внутрь себя не затянул. Тот только шапку на лету успел поймать. Расширилась грудь богатыря, как сотня кузнецких мехов. Даже гор из-за неё не стало видно. А потом так дунул, что сосны вековые с корнями из земли вырвались и выше солнца взлетели. А камень как висел, так и продолжает висеть. Даже не дрогнул.

Хотел Ветроудй ещё раз дунуть. Но Владыка Гор остановил его.

– У меня, – говорит, – одна попытка была, а вы все три хотите использовать. Так не годится. Поэтому все богатства подземные теперь мои.

Но Владыка Степей не сдаётся:

– Так, нечестно. Ветер встречный дунул и ослабил силу моего богатыря. Пусть дунет ещё раз.

Владыка Гор не знал, что ответить. Ведь, как только дунул Ветроудй, пыль столбом вокруг поднялась, глаза запорошила. В ушах засвистело и зазвенело, и чтобы с ног не свалиться и самому на гору не укатиться, упал Владыка Гор и за ногу своего богатыря уцепился. Так и удержался и не видел, как дул Ветроудй.

– Ну ладно. Но только один раз, – кивнул головой Горей, а сам спрятался за спину своего богатыря и оттуда выглядывает.

А Ветроудй побагровел от напряжения, ещё больше воздуху в себя втянул, круглым стал, как шар воздушный, того гляди, лопнет. А потом как дунет! Сопка, что на пути была, с равниной сравнялась. Камни мелкие, что вокруг валялись, как ядра пушечные со свистом полетели. Видит это Горей и молится, чтобы они в валун-камень не попали и не сшибли его, а мимо пролетели. Но несколько камней попали в валун-камень и как мячики отлетели в сторону. А Валун-камень как висел, так и остался висеть.

В третий раз хан Горей не разрешил дуть на камень, поскольку всё сам видел.

Ушёл Владыка Степей с затаённой злобой. И стал, когда Владыка Гор занимался своими делами, заставляя

своего богатыря тайком дуть на всякий камень. Но сколько тот ни старался, не смог скатить под гору камень. Только ветер ураганный со степей на предгорья время от времени нагонял, да такой, что тот людей с ног валил, да дома сугробами по самую крышу заметал. Одни лишь только трубы печные из белых сугробов дымом серым виднелись.

А камень как висел, так и продолжал висеть, пока в один из летних дней ни скатился он к подножию горы, а как – никто не видел. Не видел этого и Владыка Степей. Да и к чему ему теперь видеть, если люди, прознав о богатствах Алтайских, вскрыли недра земные и овладели всем, что в них находилось...

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА

На следующий день, прибежав из школы, я без приглашения залез на печь.

– Ну что принёс? Пятёрки или четвёрку? – улыбнулся дед.

– Да-а-а... Тройку по русскому, – нехотя ответил я.

– Это плохо. Наверное, я виноват.

– Почему?

– Тебе надо делать уроки, а я тебя отвлекал, сказку рассказывал.

– Нет. Просто трудное задание было.

– Трудное тогда, когда не знаешь. А когда знаешь, всё легким кажется. Только для этого надо не лениться.

– Дедушка, а ты расскажешь мне ещё одну сказку?

– Я бы рассказал, а вдруг ты завтра двойку принесёшь. Тогда твои родители меня заругают.

– Не заругают. Ты мне сказку расскажи, и я сразу сяду за уроки. Пока родители придут, я их все выучу.

– Не обманешь?

– Не обману.

– Смотри. Слово дороже золота. Дал слово – держи. Только вот какую тебе сказку рассказать? – задумался старик.

– Страшную. Про разбойников.

– А если я расскажу, а ты забоишься, и спать не будешь?

– Буду! Буду! – стал я уговаривать старика.

– Тогда слушай.

* * *

В давние времена, когда правила страной царица Елизавета, появились под Змеиногорском разбойники. Много они людей погубили. Посылала царица на разбойников, и солдат и казаков, но те, как ни старались, никак не могли поймать разбойничью свору.

Разбойники появлялись неожиданно и также неожиданно исчезали. Мчатся на конях за ними казаки, казалось, вот-вот догонят и посекут грабителей шашками, а те в лес шмыг... Ни следов, ни отметин. Нет ни одной поломанной веточки, ни одной прямой травинки. Стали поговаривать, что это непростые разбойники, а злыми силами заговорённые.

Боятся люди выезжать из Змеиногорска, особенно по одному. Если кому невтерпёж – только того и видали. Попытается несчастный пересечь густые заросли, что в логу недалеко от всячего камня растут, как выскочат разбойники и коня под уздцы... После этого об несчастном одни воспоминания...

А тут золото надо из рудника в царскую казну везти. Как быть – не знали. Поэтому стали раз в месяц собирать большие обозы. К казакам, охранявшим золото, присоединялись и купцы. Только так могли пересечь опасное место. Дороги-то другой не было. Горы вокруг высокие и леса непроходимые. С гиканьем и свистом мчались казаки с обозом через лог, а за ним старались поспеть остальные люди. Только бы удержаться и не свалиться с воза. Если что обронил – забудь. Лучше узел потерять, чем жизнь в придачу к нему.

И как-то раз возвращался Ефим Коротов, самый богатый купец Змеиногорска, из города Барнаула. Накупил товара разного для своей лавки

и подарков дивных для дочери любимой, Варвары-красавицы. Не заметили, как выросла дивчина и расцвела в красе своей, невестой на выданье стала. Из самого Питера богатые купцы сватались. Но Ефим не спешил, искал выгодную пару для дочки любимой.

У лога, опасного места, куда подъехал Ефим, скопилось подвод двести, только казаков не было. Не вернулись те из Барнаула. Решили купцы, что их уже много и разбойники побоятся напасть. Поэтому выдвинулись, не дожидаясь охраны. Ефим пристроился в хвост обоза, но не последним, потому и рад – если выскочат разбойники, не его схватят, а последнюю подводу.

Крутят по воздуху вожжами купцы, кричат, да посвистывают, коней погоняют, да так, что грохот от колёс оглушающий и топот копыт за версту слышен и пыль чёрной тучей повисла над логом. Вместе со всеми гонит Ефим своих коней. Только бы не отстать! Оборачивается и на узлы поглядывает – не развязались ли они, не свалилось ли что на землю.

Обернулся Ефим в очередной раз и не увидел ямы, что впереди. Попало колесо в неё, подводу подкинуло, а когда колесо опустилось на дорогу, треснуло и развалилось пополам. Накренилась подвода на бок, Ефим плечом её приподнимать, но тяжёл груз, одному не справиться.

– Брось! – кричат ему.

Но жалко Ефиму товар. Много золотых червонцев отдал за него. Когда опомнился – вокруг разбойники. Задрожал Ефим, на колени упал и пощады просить.

– Здорово, Ефим, – услышал он знакомый голос, обернулся, а это Иван Самойлов, который три года назад с возом пропал.

– Это ты, Иван? – не поверил глазам Ефим.

Счастье вот оно, родственная душа, брат двоюродный, который крёстным отцом его дочери доводит. Не даст пропасть.

– Что, не узнал? – ощерился брат.

– Как не узнать! Мы думали, ты

пропал, а ты жив... В разбойники подался...

– В них самых.

– Говорят, они всех убивают... Без разбору. Как же ты жив остался?

Загоготали дружно разбойники. А самый главный из них, что в синих атласных шароварах, выступил вперед и, блеснув белком, второй глаз был выбит, чмокнул языком:

– Говорят у тебя дочка красавица. За морем такой не найти.

– Есть у меня дочка, – похолодело внутри у Ефима. – Единственная она у меня. Ждёт с подарками. Не губи. Прошу тебя... Иначе дочка на слёзы изойдёт, а вместе со слезами красоты своей дивной лишится.

– Для кого красу бережешь? Не для меня ли? – ощерил главарь кривые жёлтые зубы. И шрам вдоль лица исказился, превратив разбойника в не человека, а в зверя лютого. Страшней самого страшного чудища. Как подумал Ефим, к чему клонит главарь, так рассудка чуть не лишился, за сердце рукой схватился:

– Иван! Спаси меня! Не троньте мою дочку! Она тебе крестной дочерью доводится. Не пожелай для своей дочки названной мук лютых, которые с самой страшной смертью не сравнятся. Всё отдам. Всё своё богатство, что везу.

Загоготали разбойники страшным хохотом, а когда смахнули слезы с небритых и невымытых лиц, главарь сказал:

– Не нужны мне твои товары жалкие. Дочка мне твоя в жёны нужна. Отдашь – живым останешься.

– Смилостивься, атаман-разбойник, – вытянув руки, пополз к нему Ефим. – Всё отдам. Магазины свои. Золото отдам и серебро, которое я копил всю свою жизнь. В тайном месте оно у меня хранится. На всю твою шайку хватит. И не только на шайку. Внуки твои и правнуки ни в чём нуждаться не будут. У меня золота столько, сколько ты в жизни не видал.

– Золото, говоришь, – задумался атаман-разбойник. – Да что мне твоё

золото. У меня своего столько, что царская казана по сравнению с ней былинкой кажется. Всё у меня есть. Только жены красавицы нет. Поэтому, если хочешь остаться жив, дочку свою за меня под венец веди.

– Не губи, господин-разбойник, дочку мою, – и Ефим, упав лицом вниз, стал хвататься за хромовые сапоги разбойника и лобызать их.

– Ты, Ефим, не спеши и подумай, – сказал Иван. – И жизнь свою погубишь и добра лишишься. И дочка твоя по миру в лохмотьях нищенкой пойдёт. Нужда хуже старости. Человека быстро старит и на тот свет отправляет. Была дочка – и нет её. А выдашь замуж за моего атамана-предводителя, богаче самой царицы Елизаветы станешь. Дворцов хрустальных строишь, реки молочные с кисельными берегами вокруг дворцапустишь. И внуков своих обеспечишь, и дочь твоя в злате-серебре будет купаться. Каменьев у неё драгоценных столько будет, что у озера Кольванского берега на десять верст вокруг засыпать сможешь.

Но Ефим бьётся в истерике, ушами он слышит, но разум от горя на замке – ничего внутрь не пускает.

– А ну! – крикнул атаман.

Подхватили Ефима разбойники под руки, на ноги поставили, завязали глаза и на коня посадили.

Долго ли коротко ли ехали – Ефим не знает. Он от горя сухие слёзы проливает. Сырые-то все выплакал.

Когда остановились, завели Ефима в пещеру, осветили её факелами и развязали глаза. Глянул Ефим и глазам не верит. Вокруг грудками лежат цепи золотые, кубки винные бриллиантами, рубинами и изумрудами разными сверкают. А червонцев золотых – счесть, не перечесть, возами не перемерить. Столько их много, что горы Кольванские по высоте с ними не сравниваются. Под самый свод пещеры золотом засыпана. Шагнул Ефим вглубь пещеры, а там каменьев драгоценных столько, сколько песка в море-океане, а то и того больше. За-

кружилась голова у Ефима. Хватает они каменья и себя ими осыпает. Хоть перед смертью вдоволь напиться богатствами несметными, которые во сне не снились и о которых мечтать мечтами не приходилось. Даже думать не думалось, что столько богатств может быть спрятано в подземном царстве-государстве.

– Владеть будешь всеми богатствами мира, царствовать будешь над всеми царствами-государствами. Всеми землями со всеми их народами будешь повелевать, если выдашь за меня свою дочку, – сладостно шепчет ему на ухо атаман-разбойник.

Иван же корону золотую с невиданными тонкими узорами и камнями сверкающими на голову Ефиму надевает и приговаривает:

– Вот и корона твоя, всем коронам царица. Коронуем тебя, и твоих детей, и детей твоих детей, и потомство твоё до тридесятого колена над всеми людьми будет править и властвовать. Ни в чём нуждаться не будут. Подумай о потомках твоих. Не царица ли такого богатого человека, как Демидов, всех заводов лишила – золотые и серебряные с медными рудами прииски отобрала и в могилу мужика свела. Откажешься, тоже самое и с тобой случится. Не пожалеет мой атаман ни злата ни серебра, нищим тебя по миру пустит, и твою дочь опозорит и нищенкой уродливой сделает. Захочешь за атамана отдать – поздно будет. Другие красавицы в очереди стоят. А так – и жизнь свою спасёшь и царицей дочь свою сделаешь. Ни в чём не будешь нуждаться. Всю оставшуюся жизнь будешь заморскими лакомствами питаться. Всё что ни пожелаешь, в ту же секунду исполнится.

Закружилась от вида богатств у Ефима голова. От сладостного шёпота потерял рассудок. Согласился отдать свою дочь единственную в жёны атаману-разбойнику.

Завязали разбойники Ефиму глаза, вывели на дорогу, прикрутили новое колесо к телеге и отпустили с условием, что через три дня он дочь краса-

вицу привезёт в разбойничье логово и там они справят свадьбу.

Как услышала про свадьбу Варвара, так в слёзы ударились.

– Ты, батенька, – говорит она, – обещал выдать меня по моему сердца желанию-велению за того, кого люблю.

– Дочка моя единственная, – стал уговаривать её Ефим, – разве я зла тебе желаю. Разве красивей богатств имеется что? Любовь к человеку милому временна, а к богатству она нескончаема. Не было на моей памяти, чтобы любовь к богатству заканчивалась. Чем больше его имеешь, тем пуще прежнего любовь к нему проявляется. Сжался над отцом своим. Не губи. Не для себя старюсь, для тебя и внуков своих. Хочу видеть их царствующими и счастливыми. Не смотри, что бандит-разбойник страшен на лицо. Поживёшь и поймёшь, что не лицо красит человека, а богатство его.

– Ничего мне батенька не надо. Люблю я кузнеца Максима.

– Одумайся! – рассерчал Ефим. – Он же гол, как сокол! Будешь в грязи и копоти меха в кузне ему качать. И дети твои, они же внуки мои, грязными будут. А своим внукам я не дам копотью всю жизнь дышать.

– Он мне колечко медное уже сковал-выточил.

– Какое колечко! – побагровел Ефим. – Я тебе тыщу золотых усыпанных бриллиантами куплю!

– Ты купить, а он дарить. Лучше подарка, чем подарок от милого, ничего красивей не бывает.

– Что ты в жизни понимаешь?! – взбеленился Ефим. – Ты жизни ещё не видала...

Но, как ни уговаривал купец дочку свою, ничего не получилось. Та ночами напролёт на слёзы исходит, на глазах тает. Решил Ефим пойти на хитрость. Говорит:

– Дочка моя, от жалости к тебе сердце моё разрывается на части. Ночей я не спал, все думал и понял, что быть тебе счастливой только с куз-

нецом Максимом. А что до богатств, то дам я тебе приданное – половину всего, что имею. А по смерти моей всё богатство тебе отпишу. Будет твой Максимка самым старшим над кузницами всего Змеиногорска. И лавки в придачу ему передам. Наймёт он торговцев и ими управлять будет. Хочу как можно скорее свадьбу тебе справить, – говорит, а сам на календарь поглядывает. Завтра последний день, когда он обещал с дочкой к разбойникам вернуться.

– Ах, батенька, – припала к его груди Варенька. – Какой ты у меня милый и хороший. Как я тебя люблю. Всю оставшуюся жизнь и после жизни буду тебя любить и благодарить.

– Только вот надо, доченька моя, в Барнаул поехать и товара разного к свадьбе прикупить. Платье тебе из самого Питера у купца Агафонова уже ждёт-ждётся и ни одно, а целый десяток. Какое примеришь, такое и куплю. А для этого мне придётся с тобой в город поехать.

– Ах, спасибо тебе, батенька. Давно ты в город меня обещал свозить, лишь теперь это случилось.

На следующий день разбудил Ефим дочку, и стали они собираться в дорогу дальнюю. Когда солнце взошло и обогрело землю, выдвинулся обоз. Ефим решил схитрить, самым последним пристроился к длинной веренице. Когда к логу подъезжали, шкворень незаметно выдернул, колесо соскочило и в кусты покатилося. Ефим за ним и задержался там, пока разбойники не подоспели.

Окружили они подводу, от радости хохочут. А Варенька испугалась, к груди отца прижалась. Побледнела, вся дрожит. А Ефим ей:

– Не бойся доченька. Это те самые бандиты-разбойники, которые меня поймали, а потом отпустили.

– Ну, покажи мне невесту мою, – криво ощерился атаман-разбойник.

Как взглянула на него Варенька, сразу лишилась чувств. Когда опомнилась, увидела пещеру, а в ней в свете факелов горы драгоценных ка-

меньев, золотых украшений разных дивных, ножей и мечей. Да разве упомнишь всё? Слепит золото-серебро глаза, сразу всего не рассмотришь.

– Всё, доченька моя, это будет твоим. Ни в чем нуждаться не будешь. Бери и выходи замуж за атамана-разбойника. Не смотри, что он на лицо кривой, зато душой золотой.

А тут и крёстный для успокоения и говорения на глаза появился.

Стоит Варенька бледная и не движется. В статую каменную из белого мрамора превратилась.

– Кольцо обручальное, кольцо! – кричит атаман. Спешит он, пока не опомнилась Варенька, золотое кольцо с бриллиантом в семь лучей света на палец надеть. Кольцо то не простое, а заговорённое. Как только окажется у Вареньки на пальце, так разума-ума она лишится.

Кинулись разбойники кучи-горы золота разгребать, кольцо заговорённое искать, а Варенька сунула руку в кошель, извлекла из него медное колечко.

– Не спешите, я нашла, – прошептали её губы бледные. Но своды пещеры усилили её слова.

Взревел атаман и бросился к ней. Но не успел. Надела колечка на палец себе Варенька. Нельзя было, чтобы она сама надевала, иначе на всю жизнь останется без любимого.

И только надела колечко, как задрожали-затряслись разбойники. Одежды на них в хлам превратились и истлевшими тряпками на пол осыпались. И кожа на их лицах-телах стала усыхать и лопаться, кости мертвецкие оголять. А потом скелеты закачались и на пол с грохотом осыпались. Камни рубиновые в кровь человеческую невинно убиенных разбойниками превратились. Алмазы солёными слезами засверкали и, стекая, ручьями вдоль пещеры потекли. Цепи золотые зашевелились и в змей ядовитых обратились. Кубки на глиняные черепки развалились. Червонцы же царские скорлупой ореховой на каменный пол просыпались.

Стоит Ефим ни жив ни мертв. Забыл, что его в пещеру привело. А потом выскочил на свет Божий и бежать. Опомнился, когда у дома оказался, тогда и вспомнил, что дочь наедине со змеями осталась. Бросился обратно, а Вареньки нет. Куда она делась – не знает.

Зарыдал он дико. Волосы на себе рвать, но что сделано, того уже не исправить. И готов он дочку любимую за кузнеца замуж выдать, но уже не выдашь. Готов он всё богатство нищим раздать, только бы вернулась его дочка.

Долго искали Вареньку, все пещеры обошли-облазили, но не нашли её. Обезумел купец и вскоре умер от горя горького. Говорят, когда хоронили купца, прилетала на его могилу бабочка дивной красоты. Разные бабочки живут в этих краях, но такую видели впервые. А потом улетела, а куда – никто не знает. Некоторые говорят, что в тёплые края. Другие, что в пещеру подземную. Якобы это Варенька превратилась в ту бабочку и прилетала, чтобы попрощаться с отцом любимым.

ДАНИЛА И ЧЁРТ

Вечером я не выучил уроки. Поэтому, проснувшись, сразу взялся за учебники. Родители с удивлением посмотрели на меня. Никогда не было, чтобы сын без напоминаний и так рано садился за уроки. Но мне хотелось не подвести старика. Иначе его наругают, и закончатся интересные сказки...

Вечером я вбежал в дом и, достав из портфеля дневник, радостно закричал:

– Посмотри дедушка! Я по математике получил пятёрку! А по русскому четвёрку!

– Молодец, – погладил шершавой ладонью по голове старик. – Опять за сказочкой пришёл?

– Угу.

– А как ты спал?

– Крепко.

– Не боялся?

– Мне даже ни один разбойник не приснился. А если приснится, я ему так кулаком в живот дам, что больше никогда не захочет сниться.

– Ну, если ты не забоялся разбойников, тогда расскажу сказку про чертей. Но после этого ты обязательно сядешь за уроки.

Я согласился.

* * *

Жил-был молодец Данилушка – не меряна силушка. Камни пятипудовые с руки на руку играючи перекидывал. Жил, никого не обижал, только иногда сам битым ходил.

– Что же ты сдачи не дал? – удивлялись люди.

– Как же дам, если щелчком камень в пыль превращаю? А рукой махну – до беспамятства зашибу, а сильней задену – голову с плеч снесу, – отвечал Данилушка.

Много приходилось ему терпеть от обидчиков. Не думали те, что им защитник самим Богом дарован.

А тот выйдет в поле, кинет в небо камень пудов так двадцать весом, а сам среди трав душистых на спину приляжет, руки за голову заложит, лежит и смотрит, как камень в точку превращается. А когда тот совсем из виду исчезнет, Данилу в дрёму клонит. Не от запахов трав медовых клонит, а от долгого томления – возвратится ли камень на землю или за звезду какую зацепится? А когда ресницы сомкнутся, свист свистящий уши глушащий о камне весточку подаёт. Кто слышал этот свист – на ногах устоять не мог. Ноги сами подгибались и человека наземь опрокидывали. Стоило камню о землю удариться, он гулом в подземное царство уходил, да тех, кто в нём жил, в дрожь приводил.

И вот в один из дней кинул камень Данилушка раз, потом второй... А после третьего раза испугались черти. Боятся, что молодец царство их чёртово погубит. Поэтому и собрались на совет. Лбы руками подпирают, дума-

ют, как Данилушку со свету извести. Хитрость чертячья, как наивность свинячья. С самого рождения с ними живёт и до смерти не покидает. Потому черти свинячьи пяточки имеют.

Первое слово дали самому маленькому чёрту. Ведь у чертей не как у людей. Сначала младшего слушают, а последним самый старый чёрт говорит. И как он скажет, так и будет.

Говорит младший чёрт:

– Надо с Данилушкой перегонки устроить.

– Да ну... – недовольно загудели черти. – Он вон какие камни в небо кидает, что те своды пещерные нам на головы осыпают. Не обогнать его.

Но младший чёрт не сдаётся:

– Камни кидать – ума не надо. Это каждый умеет. А наперегонки бегать, надо ноги кривые иметь, как у меня. Когда я бегу, они у меня как колёса крутятся. И то, если я в полсилы бегу. А если во всю мощь пушусь, они у меня как веретёна закрутятся.

Знает чертёнок, о чём говорит. Он мог пулю налету догнать и зубами поймать.

Загудели черти на разные лады, да так, что вихри по земле закрутились маленькие и большие. Да такую пыль подняли, хоть глаз коли, ничего кругом не видно. Темь землю окутала, и люди по домам попрятались.

Долго спорили черти, а потом согласились. Никто не мог обогнать младшего чертёнка. Слишком прытким тот уродился. Наперегонки с ветром бегал и не раз обгонял. Потому черти посылали чертёнка в другие царства-государства, чтобы весточку иностранным чертям вовремя донести и при этом не опоздать. И тот никогда не подводил.

Согласились черти все до единого после того, как старый седоусый чёрт последним слово взял. Решили они послать наперегонки с Данилушкой чертёнка. Тот решил выйти из подземелья и посмотреть, что делает Данила. К тому же маленького чертёнка трудно заметить. Закрутился чертёнок вихрем по земле. Смотрит

Данила – что за чудо катится? Наклонился и палец внутрь вихря сунул. Но что-то упругое палец обратно вытолкнуло. Данила тогда решил пошекотать невидимое чудо, и стоило ему это сделать, что-то хохотнуло, потом мелькнула из середины круговорота рожица и тут же исчезла. После этого вихрь рассыпался и никого на пути не оказалось

Вернувшись, чертёнок рассказал, что Данила опять отправился кидать камни. И что он один. Поэтому, если всем скопом навалиться на одного, можно справиться.

Обрадовались черти, вылезли из царства тёмного, через головы кувыркнулись и в парней нарядных превратились. В это время Данилушка камень по весу подбирал, с руки на руку перекидывал. Не видел, откуда черти появились и как в парней превратились. Делом был занят.

Кашлянул в кулак старый черт, чтоб внимание привлечь:

– Ты, Данилушка, силен, коль такими камнями играешь. Потому и пришли на тебя посмотреть. Неужели ты их до неба докидываешь?

– Не только до неба, но и за небо забрасываю. Хочу до звёзд докинуть.

Задрожали от страха черти. Не хватало им того, чтобы звёзды с неба посыпались. Только седоусый чёрт спокоен. Спрашивает:

– А умеешь ли ты наперегонки бегать?

– Было дело, когда маленьким был. Теперь у меня другая забава.

– А давай, попробуем, – заулыбался чёрт. – Мы выставим самого младшего брата, но с условием. Если ты обгонишь его, кидай камни, как кидал. А если он тебя – то забудь о своей забаве.

– Почему бы не попробовать? – отвечает Данилушка.

Хочется ему испытать силушку сильную в новом деле.

Сощурился чертёнок: “Эх, глупец. Такого и обмануть одно удовольствие”. И другие черти обрадовались. Чем больше они обманывают, тем

гуще шерсть на их телах растёт. У самого же хитрого завитушек на рогах больше всех – по количеству обманов.

– И ещё, – говорит старый чёрт. – Дается всего одна попытка. Проиграешь – бросишь своё занятие. А не бросишь – в подземное царство спустишься жить, и чертям будешь денно и ночью служить.

– Ладно, – согласился Данила.

– Ну, давай, обгоняй! – крикнул чертёнок и с ног сорвался. Бежит, словно конь ветроногий по небу летит. Только успевает оглядываться.

А Данилушка не торопится. Выбрал камень покрупнее и как метнул! А сам руками за него уцепился. Только и успели черти ахнуть, как камень над чертёнком просвистел. Данила рук не отпускает, крепко за камень держится. Чертёнок этого не замечает, бежит потом обливается. Когда до черты мерной добежал, Данилушка уже на камне сидит и улыбается.

– Как это ты меня обогнал? – выпучил чертёнок глаза.

– Как умел, так и летел.

Следом прибежали другие черти и закричали:

– Так мы не уговаривались!

А старый чёрт вперёд выступил.

– Ты, – говорит, – обманом нас взял.

– Как умел, так и делал. В чём тут обман? – удивился Данилушка.

Он хитрость чертячью сразу разгадал. Когда чертёнок в бег пустился, хвост не удержал, оттопырил.

Старый чёрт не сдаётся, говорит:

– Ты вдвоём с камнем на обгонки пустился. А будь один, наполовину медленней бежал бы. Надо ещё одну попытку сделать.

Но Данилушка не соглашается. Отвечает:

– Чертячий уговор, что приговор. Если человек нарушит – рога у него вырастут. Если черти – хвосты у них отвалятся.

Завертел старый чёрт задом, проверяет, на месте ли у него хвост. А потом решил опять на хитрость пойти и говорит:

– Коли ты наполовину с камнем моего брата младшего обгонял, то и в небо будешь наполовину камни кидать.

– Как это?

– А так, чтобы в небо они улетали, а назад на землю не падали.

– Хорошо, – согласился Данила.

Вернулись черти довольные в царство подземное и только улеглись отдышать, как пещера над их головами затряслась, и камни со свода посыпались. Выскочили они наружу, смотрят – Данила камни в небо кидает, да так ловко, что они на небо ложатся и в звёзды превращаются. А взамен тех камней звёзды с неба срываются и метеоритами на землю падают.

Как Данулушку обвинить – черти не знают. Потому и взмолились:

– Ты, Данила, камушки поменьше поднимай и на небушко кидай.

– Как же я силушку свою буду проверять? Так и ослабею. А если враг на землю нашу ступит? Уговор я не нарушаю. Ни одного камня моего с неба не падает.

– Эх, Данила, жалко мне тебя, – пошёл на хитрость средний чёрт. – Чем крупнее ты камни кидаешь, тем больше силушки с ними отправляешь.

– Неужели? – удивился богатырь.

– Если не веришь, давай проверим. Если я тебя щёлкну в лоб, и ты на ногах не устоишь, то покинула тебя силушка. Сам знаешь, если силушка вся иссякла – три века лёжма надо будет лежать, сил набирать.

Знают черти, о чём говорит их брат. От его щелчка конь замертво с ног валится. А тут человек... Упадёт и не встанет. Так и Данилушка. А если попытается встать, уговор про три века нарушит, остаток века чертям служить придётся. А с его силушкой они ох как разгуляются! Ну а если Данилушка останется лежать и силушку набирать, то три века он не пролежит. Человеческий век всего ста годкам равняется.

Согласился Данилушка поиграть на щелчки.

– Только, – говорит, – если я на ногах устою, что взамен получу?

– Камнями драгоценными тебя из Колыван-горы одарим.

– Хорошо, – согласился Данилушка и лоб наивно среднему чёрту поставил.

Прицелился тот, да как щёлкнет! Другой бы сразу замертво упал, а Данила на ногах устоял. Только в землю по колено погрузился. Обрадовались черти, и хоровод вокруг завели. А некоторые в пляс пустились. Радуются, что теперь они справятся с богатырём. А чертенята под землёй веревками Даниле ноги путать и к скалам вязать...

Дёрнул Данила одной ногой, она не вынимается, дернул другой – но и другая не движется, только в суставе трещит.

Захрюкали от радости черти.

– Тянем, потянем, пока ноги в земле не оставим, – запели они.

– Не беда, что ноги застряли. Как бы они полцарства вашего подземного не отняли.

Невдомёк чертям к чему это богатырь клонит. Только средний чёрт испугался: где же они жить будут, если Данила царство их подземное разрушит?

А тот уже руками о землю опёрся, и гору, под которой черти обитали, на дыбы ставить... Задрожали от страха хвостатые. Только старый чёрт не дрогнул.

– погоди. Видим, что ловок ты, парень. Не только камни кидаешь, но и горы переворачиваешь. А если вдруг ты ноги не освободишь, так и будешь с горой на ногах ходить? Давай, мы тебе поможем, изнутри пещеры раздолбим камни, – говорит, а сам своей хитрости удивляется.

Ведь Данилушка под землю провалится. А в царстве тёмном у нечисти силы удесятерятся. Там-то и навалятся на него всем скопом и одолеют молодца-богатыря.

– Я и сам сумею, – сказал Данила и опёрся в обратную сторону.

Трещины в земле образовались и углубились в сторону подземного царства. Данилушка внутрь прова-

лился и в пещере подземной оказался. На солнце черти парнями казались, а когда в пещеру спустились – облик прежний приняли и за Данилой вдогонку пустились.

Тот идет и преграды руками раздвигает. Если скала на пути, кулаком ударит, та в песок превращается.

Бегут черти за Данилой, хвостами виляют, ухватить богатыря по рукам ногам стараются, но спотыкаются и ничего у них не получается. Когда совсем выдохлись, взмолившись, захрюкали:

– Данила, стой! Не спеши, мы так не уговаривались.

Тот обернулся и чертей во всём их обличье узрел.

– Ах вы, чёртово отродье, решили со мной поиграть? – сказал, старого чёрта за рога поймал и над собой поднял.

Черти, видя, что смертушка их пришла, хотя и бессмертными они считались, упали на колени и взмолись:

– Не губи нас, Данилушка, что угодно по твоему желанию исполним. Хочешь, земли Алтайские самоцветами усыплем.

– Это первое моё желание, – ответил богатырь.

Черти кувыркнулись, в недра земные окунулись, камни разные из глубин извлекли и землю Алтайскую ими украсили. А сами радуются: “Хитро мы придумали. Не камни нам нужны, а души человеческие. Поиграет человек камушками, умрет, с собой их не унесёт. Нам они останутся, чтобы продолжать души человеческие на них скупать”.

– Ну, Данила, выполнили мы твоё первое желание. Говори второе.

– Чтобы вода в реках Алтайских серебром напиталась и больных людей на ноги ставила.

– Это для нас не проблема, – хлопнули в ладоши черти и насытились воды родниковые серебром.

– Ну, а третье твоё желание, – осмелели черти.

Нет для них ничего невозможного, что не пожелал бы человек.

– Третье моё желание будет таково. Кто не успеет с глаз моих сгинуть, тому щелчок в лоб. Если с первого раза лоб не расколется, второй раз повторю. Ведь за вами должок за поставленный мне щелчок.

Как представили черти, что у Данилушки сила не меряна, что он одним щелчком до центра земли вобьёт, рванули со всех ног туда, не разбирая куда. Когда опомнились – понять не могли, где находятся. По сей день там плутают и людей не беспокоят.

А Данилушка выбрался на свет Божий и перестал камни в небо кидать. Зато черти ждут и не дождутся, когда земля начнёт сотрясаться – обратную дороженьку им укажет.

ВОЛШЕБНАЯ БАБОЧКА

С вечера я выучил уроки, поэтому утром вышел посмотреть, что делает старик. Увидев меня, он улыбнулся.

– Дедушка, а что это? – показал я на рубанок.

– Рубанок. Им доски строгают, чтобы были гладкими.

– А это?

– Фуганок. Им выравнивают поверхность. Пойдём, поможешь.

– А ты сказку расскажешь?

– Расскажу. Но каждой сказке своё место. Сначала надо поработать, а когда сядем отдыхать, тогда и расскажу.

– А как ты края досок делаешь ровными? – увидев доску с ровными краями, заинтересовался я.

– Для этого надо провести ровную черту.

– Чем? У тебя линейки нет. Давай я принесу свою.

– Эх, милый, – рассмеялся старик. – Можно и без линейки обойтись.

– Как?

– Для этого у меня шпагат имеется. Давай его размотаем и прочертим.

Мне было интересно узнать: как можно какой-то тонкой верёвочкой начертить ровную линию?

– Держи вот за этот конец, – сунул он мне шпагат, – а я бобину буду дер-

жать. И отходи вон до того угла, – показал старик.

Когда шпагат был раскручен, старик взял обугленную головёшку, подошёл ко мне и, натягивая шпагат, попятился, не забывая водить головёшкой по шпагату. Тот окрашивался в чёрный цвет. Когда был намазан весь шпагат, старик взял доску и, сделав насечку на её торце, вставил туда конец шпагата.

– На, тяни, – сказал он. – А теперь приложи вон к тому краю доски, натяни и не отпускай.

Я натянул шпагат, старик подошёл к середине доски, оттянул шпагат, а потом резко отпустил. Шпагат щёлкнул по доске, и вдоль её края появилась ровная чёрная полоса.

– Вот и отчертили, – сказал старик.

Он взял топор и начал делать насечки, которые не пересекали линию. А потом, держа доску на весу, принялся стесывать кромку, оставляя нетронутой линию. После этого закрепил доску на верстаке и рубанком прошёлся по неровностям.

– А мне, дедушка, можно попробовать? – не надеясь, что тот позволит взять в руки рубанок, спросил я.

– Конечно, можно, – сказал он.

Но рубанок не слушался меня, заворачивался куда-то в сторону. Вот он стругнул немного лишнего, и я испугался, что испортил доску. Теперь дедушке придётся переделывать работу. Но тот подошёл, посмотрел и похвалил:

– Молодец! С первого раза и так хорошо у тебя получается. Не как у меня в детстве. Если тебе немного поучиться, превзойдёшь меня. Только для этого надо вот так, – взялся он за мои руки, и мы вместе повели рубанком по доске.

– На пятку сильно не дави. Равномерней... равномерней... Чуть сильнее на носок, – крепко держал мои руки. А потом я не заметил, как он перестал меня направлять и рубанок уже сам делал то, что требовалось от него.

– Хорошо, – когда я закончил строгать, сказал старик.

– Но край неровный. Ямок много, – сказал я разочаровано.

– Для этого фуганок есть. Для тебя он тяжеловат, поэтому буду работать им сам. Но ты не расстраивайся. Если научился рубанком, сумеешь и фуганком, – и старик повёл фуганком по краю доски.

Вначале из-под него выходили короткие стружки, а потом потянулась длинная лента, которая закручивалась в светло-жёлтую, пахнущую смолой, спираль. Я стоял и смотрел, как завоженный.

– Вот готово. Теперь можно и отдохнуть, – присел старик на стопку досок.

Я сел рядом.

– Ты, дедушка, обещал сказку, – напомнил я.

– Какую?

– Ну, поинтересней. Ты рассказал про купеческую дочку. А можно ещё такую?

– Конечно можно, – улыбнулся дедушка и начал рассказывать.

* * *

Алёнушка росла сиротинушкой. Батюшка её от непосильного труда в шахте золотоносной, пропитанной сыростью и холодом, захворал и рано покинул мир. Матушка тоже вскоре ушла из жизни. Осталась Алёнушка одна. Хотела с сумой по миру пойти, милостыню просить, но старушка, что по соседству жила, в услужение к себе взяла. Нелёгкой сложилась жизнь у Алёнушки, зато обид тяжких терпеть не пришлось. Строга была старушка, но не коварна.

Неприметна была Алёнушка, красотой не блистала, а когда поспевать стала, красотой наливаясь, тогда и внимание привлекла. А к семнадцати годкам стала красавицей на зависть всем. И труд непосильный и бремя тяжкое не избаловали её. Наоборот, добра оставалась Алёнушка к людям. Умела и с птицами небесными и со зверьём лесным язык найти, тайну тайную знала, а какую – догадываться оставалось. Выйдет в лес, песню запоёт, птицы по веткам вокруг расся-

дутся и ей подпевать. Звери же дикие замрут и слушают. Когда закончит петь Алёнушка, только тогда звери звуки подают, вроде как благодарят за красивую песню.

Когда росла Алёнушка, никто её не замечал. Разве что Иванушка, что жил по соседству, равнодушен был. Стоило лихе-беде к Алёнушке явиться, как Иванушка тут как тут, гнал прочь незваную гостью.

Так незаметно и подросла Алёнушка и заблестала красотой. Даже купеческие дочки с белыми ручками и лицами пудренными, в шелковых заморских платьях не могли сравниться с ней красотой. На той простое ситцевое платье и румяна на щеках, какими природа наградила. Как ни старались купеческие дочки напудриться и нарумянятся не могли красотой превзойти Алёнушку. Потому и пыхтели на неё злостью и старались всячески её унижить. Постирала бельё Алёшка, что в работу брала, повесит сушить, а дочки купеческие незаметно бельё грязью испачкают, и на Алёнушку кричать... Промолчит Алёшка и снова за работу... Иванушка заступался за Алёнушку, стыдил купеческих дочек, а тем, что храм, что срам – одно и то же. Не понимали, что невозможно никакими богатствами украсить человека, если он уродлив внутри. Уродство проявляет себя наружу, лица злобой передёргивает и шипением змеиным по округе разносится. Зато душа у Алёнушки богаче всех богатств, тряпками да побрякушками дорогими её не заменишь.

И всё бы хорошо у Алёнушки с Иванушкой складывалось, не появившись в Змеиногорске воевода новый. Сразу приметил Алёнушку, её красоту, доброту и трудолюбие. Он давно хотел жениться. Очередная его жена три месяца как ушла в мир иной. А тут красавица, каких мир не видывал. Всю Россию-матушку воевода объехал, не раз бывал в Москве и Питере, но таких, как Алёнушка, не встречал.

И ничего, что Алёнушку нищенкой зовут. Богатств у воеводы столь-

ко, что собери купцы всё, что имеют, пылинкой покажется по сравнению с тем, чем воевода обладает.

Решил тот как можно скорей жениться на Алёнушке. Но та не желает слышать об этом, хоть и сиротинушка бедная. Не нужно ей богатство слезами людскими пропитанное. Говорит она:

– У меня есть жених названный. Иванушка, сын Данилы кузнеца. За него я замуж пойду.

Осерчал воевода. Прискакал на коне в усадьбу, да слуг чуть до смерти плёткой не захлестал. Когда успокоился, решил известить Иванушку, но так, чтобы люди подумали, что не из-за Алёнушки это сделал. Подговорил людей неправедных, те и подкинули тайно Иванушке добро воеводское.

Обвинили парня в воровстве. В цепи заковали и в шахту каменную, где вода по стенам течёт, где чахотка живёт и людей жабой грудной до смерти давит, опустили. Постановил воевода: быть там парню до тех пор, пока золота и серебра на двадцать пять пудов не добудет. Но где их взять, коль шахта давно брошена и породой пуста?

Закручинился, запечалился Иванушка. Не за себя, не за жизнь свою, а за Алёнушку красавицу. Кто её теперь защитит? Воевода десяток жён имел и всех в могилу свёл. А теперь Алёнушка...

Требует воевода от Иванушки каждый день по десятку килограмм золота. Но как ни старайся породу кайлом долбить, в ней даже проблеска золотой чешуйки не видать. Воевода же в шахту спустится и Иванушку плёткой хлестать, да так, что рубцы на теле красные появляются, и кровь фонтаном стены каменные окропляет. Хочет быстрее молодца загубить. Когда загубит, то и Алёнушка никуда не денется, пойдёт с воеводой под венец.

Вскоре воевода, видя, что почти совсем загубил молодца и тот на ногах с трудом стоит, перестал спускаться в шахту. Ждёт, когда болезнь чахоточная на молодца навалится и

доделает своё дело. Тогда не смогут обвинить воеводу в том, что это он забил до смерти парня.

Присел Иванушка на пол каменный, голову повесил и закручинился. Сразу не заметил тень перед ногами. Мечется та, внимание пытается к себе привлечь. Когда голову приподнял, увидел – вокруг фонаря бабочка невиданной красоты крыльями машет.

– За что тебя, красавица, в подземелье сырое и холодной? – прошептал он.

А бабочка всё слабее и слабее крыльями машет. От холода холодного, что из камней подземных сыростью выходит, замерзает. Протянул Иванушка руки, подхватил ладонями бабочку и дыханием тёплым, что ещё в груди его теплилось, стал согревать...

Сидит та, крылышки приспустила, и греется от тепла доброго. А когда согрелась, крылышками взмахнула.

– Лети, красавица, на свет Божий, привет передавай родным моим. Скажи, что жив я и здоров. Не забудь Алёнушку мою милую навестить, – сказал Иванушка и отпустил бабочку.

Скрылась та в темноте, будто знала ход тоннельный, что ведёт из шахты наружу. А Иванушка прилег на бок и заснул.

Когда проснулся – увидел бабочку. Мечется та, крылышками бьётся о камни, выход вроде как из пещеры ищет. А сама всё слабее и слабее машет крыльями. Ещё немного, замёрзнет и упадет на пол.

Протянул Иванушка ладони и дыханием своим согрел бабочку. Та махнула крыльями и скрылась в темноте. А на следующий день вновь появилась. Потом и на третий... Иванушка дыханием её согревает да и отпускает.

Сколько дней так длилось, Иванушка со счёту сбился. А в этот день хотел в ладони бабочку взять, да силушка его покинула. Сидит, о камни опирается, встать не может. Закручинился он, что не сможет спасти бабочку. О себе уже не думает.

– Ты Иванушка не печалься, – слышит он голос, оборачивается и

видит красавицу, каких не видывал. Кокошник на ней бриллиантами весь усыпан, огнями сверкает и пещеру освещает, будто с неба тысяча звёзд спустилось.

– Кто ты? – пошевелил Иванушка губами.

– Бабочка я, которую дыханием ты согревал.

– Разве может бабочка в красавицу превратиться? – удивился Иванушка.

– Может, – улыбнулась красавица, – если она волшебная.

– Кто же тебя заколдовал?

– Хозяйка я подземная. Вижу, любишь ты Алёнушку больше жизни своей. Но и мне ты мил и дорог. Полюбила я тебя. Потому и в бабочку превращалась, чтобы дыханием твоим дышать, да теплоту рук твоих ощущать. Не хочется мне терять тебя. Хочется, чтобы ты навсегда остался во владениях моих. Чтобы быть с тобой и любить тебя. Но вижу, что несбыточна мечта моя. Погибнешь ты от воеводы и не видать мне больше счастья моего. А погибнешь ты – сердце моё от горя горького на части разорвётся. Лучше будет, чтобы ты жив оставался. Пусть не будешь моим, зато видеть тебя счастливым – мне большего счастья не надо.

– Какой же я счастливый, если закован в цепи железные?

– Цепи – это не помеха.

И хлопнула хозяйка подземная в ладоши, цепи сами собой спали с рук и ног его. А потом хлопнула ещё два раза, и вышли из стен каменных горбун и стая крыс с красными глазами. Смотрят крысы на Ивана, и кажется тому, что они фонариками светят.

– Решила я, Иванушка, освободить тебя из плена. Поможет мне в этом слуга мой верный – вот этот горбун. Крысы будут путь вам освещать. Они чувствуют, где проходят ходы-выходы. Выпей снадобья, чтобы сил набраться, – протянула хозяйка кувшин хрустальный.

Иван осторожно взял кувшин и выпил водицы, которой был наполнен кувшин.

– Теперь садись на горб моему помощнику и держись крепко. Он донесёт тебя до выхода из царства моего подземного.

– Как же мне на белом свете жить? – замешкался Иванушка. – Воевода увидит меня, жить не даст. У него стражников добрых три десятка. Да и Алёнушка, если увидит погибель мою, на себя руки наложит. И себя погублю и Алёнушку не уберегу.

– Не переживай, Иванушка. Если увидишь, что беда бедовая к тебе подступает, хлопни в ладоши, как я, всё на свои места встанет, всё и образуется.

Сказала красавица подземная и растворилась во тьме. Схватил горбун за руку Иванушку, да вовремя. Крысы уже носы задрали, усами водят, путь-дорогу вынюхивают, а потом хвосты опустили и сквозь стены каменные побежали. От страха у Иванушки тело сковало. Не может он понять: разве возможно человеку через каменные стены пройти? Горбун потянул его за руку, и камни расступились перед ними, и открылся тайный ход, что наверх ведёт. Бегут крысы быстро, Иванушка с трудом за ними поспекает. Но слабо его тело и вскоре он стал отставать. Горбун наклонился, посадил Иванушку на спину и, придерживая за ноги, устремился за крысами. Так и вынес парня на свет Божий. Поставил Иванушку на траву зелёную и вместе с крысами скрылся под землёй.

Рукой прикрыл Иванушка глаза от яркого солнышка, грудью ароматы травяные вдыхает, надыхаться не может.

А тут воевода со стражниками перед ним появился. Ехал посмотреть, не скончался ли Иванушка? Как увидел его живым и здоровым, растерялся. Закричал он и бичом стражников хлестать, но те не двигаются. Боятся прикоснуться к молодцу. Не верят глазам своим, думают, что привидение перед ними стоит. Хотел воевода на Иванушку с боем налететь, да не успел. Весть о том, что молодец жив, долетела до сельчан. Кто её принес –

тайной по сей день остаётся. Поспешили они на поляну и видят, как воевода зло слюнями брызжет, да слуг своих бичом хлещет, да так, что брызги кровавые от тел их по сторонам разлетаются.

Стоит Иванушка и не замечает, что рядом с ним сто пудов золота самородного лежит, да такого, какого отродясь сельчане не видели. Смотрит воевода, что добыл молодец золота больше, чем требовалось, и как теперь его обвинить – не знает. Не было бы сельчан – вмиг бы расправился. Но при свидетелях не может. Пойдёт молва о его злых проделках и дойдёт до царицы-матушки. Та не пощадит, самого закуёт в цепи и кайлом заставит рубить породу в шахтах.

– Ты, Иванушка, зачем назад вернулся? – решил на хитрость пойти воевода.

– Чтобы Алёнушку не дать тебе погубить.

– Разве я похож на душегуба? – рассмеялся воевода, а сам глаза на людей косит, на реакцию их смотрит. – У меня богатства столько, что не только на меня хватит, но и детям моим, которых мне Алёнушка родит, и внукам с правнуками на сто лет хватит и ещё останется. А с тебя что взять? Штаны рваные? – указал он на одежды в подземелье изорванные. – Иль я ошибаюсь? Пусть люди тогда скажут. Ты Алёнушку получишь тогда, когда покажешь, что богатств у тебя втрое больше, чем у меня. Докажешь, что богатство твоё богаче моего, тогда и уступлю я тебе Алёнушку. А теперь можешь отправляться в подземелья сырые за богатством своим, – загоготал воевода.

Но недолго хохотал воевода. Иванушка хлопнул в ладоши два раза, и ахнули люди. Сундуки перед ним появились, а них ковры персидские, шелка тончайшие китайские с узорами невиданными и бусы с огромными жемчугами, и перстни бриллиантами так сверкают, что радуги на небе расписывают, и ещё кубки, чаши и многое другое. Всё сразу и не перечесать.

Как увидал такое богатство воевода, так и остался с открытым ртом.

– Ну что, насмотрелся? – видя, выпученные глаза у воеводы, спросил Иван.

Ничего не смог ответить тот. Развернул коня и поскакал восвояси. Когда вернулся домой, заперся за закрытыми дверями и ставнями. Стали люди поговаривать, что у воеводы челюсть заклинило и не может он закрыть рот.

Шлёт воевода царице письмо. Так, мол, и так – Иванушка в разбойники пошёл и всё золото и серебро, что царице-государыне по тракту Змеиногорскому отравили, с боем захватил и себе присвоил. Он, воевода, и рад бы всё назад вернуть, но стражников у него мало. Для этого требуется полк солдат прислать. А то и тех будет мало.

Поверила царица-матушка воеводе. Как не поверить, если сама воеводу на службу назначала? Вскоре прислала она воеводе целый полк. Пошёл воевода с солдатами на Иванушку. А людям объясняет, что нет в том его вины. Царица сама на Иванушку возмущена, потому и солдат послала.

Встали строем солдаты перед Иванушкой и ружья нацелили. Тот тихо в ладоши два раза хлопнул и стоит спокойно. Дал команду воевода стрелять, солдаты на курки нажали, а выстрелов не слышно. Порох в ружьях медленно шипит, дымом едким дымит, носы солдатам щекочет. Зачихали солдаты чихом неумным, ружья, кто наземь бросил, кто в небо направил. Только тогда те в разные стороны пальнули. А Иванушка, как стоял, так и стоит живой и невредимый.

Испугался совсем воевода. Не знает, как Иванушку известить. Выхватил из ножен саблю острую и бросился на Иванушку. Иванушка хлопнул в ладоши и перед ним три богатыря молодца в кольчугах крепких встали. Подхватили они воеводу и закружили над головами. Когда опустили на землю, тот устоять не смог, повалился перед Иванушкой, да так, что на коле-

ни встал и головой Иванушке в ноги поклонился. Вроде как прощения просит. Увидали солдаты, что воевода Иванушке в ноги кланяется, тоже попадали, лбами в землю упёрлись, а сами:

– Прости нас, Иванушка. Не хотели мы тебя убивать. Воевода нам приказал.

Тут-то и раскрылся воеводин обман.

– Не губи, Иванушка, – взмолил-ся тот. – Не по злому я умыслу, а по любви любовной. Но зачем мне такая любовь, если из-за неё голову с плеч я могу потерять?

Невдомёк воеводе, что Иванушка из-за любви готов был и голову потерять. А воевода никогда и никого кроме богатств своих не любил. Алёнушка ему нужна была, чтобы ей владеть, как самой лучшей красотой, которой ни у кого нет.

– Прощаю вас солдатушки-ребятушки, – говорит Иванушка. – Идите и царице-государыне доложите обо всём, что воевода тут натворил. Да смотрите, ничего не утаите.

– Хорошо, – сказали солдаты и с радостью, что Иванушка ничего с ними не сделал и живыми отпустил, к царице отправились.

Видит воевода, что беды ему не миновать, если узнает про его злодеяния царица и решил у Иванушки выпытать тайно, как ему удалось живым остаться и в придачу богатства получить. А завладеет богатствами, одарит царицу, та и простит все воеводины грехи.

Иван наивен, взял и рассказал всё воеводе.

Как ушёл в подземелья воевода, да так там и затерялся. Никто его после этого не видел и ничего о нём не слышал.

А Иванушка с Алёнушкой справили свадьбу. Говорят, сама царица-государыня на этой свадьбе была. Иванушку с Алёнушкой дорогими подарками одарила. Уговаривала Иванушку, чтобы он воеводой стал. Но Иванушка отказался. Сказал, где

власть, там нездоровая страсть. Стоит её чуток хлебнуть, и опьянеешь на всю жизнь.

Рассказывали, что родили Иван с Алёнушкой дюжину детей. И все они умненькие и красивые.

Не потому ли славна земля Русская красавицами, что дети от любви рождаются?

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

– Дедушка, нам читали сказку о каменном цветке. А потом говорили, что на Урале каменных дел мастера жили. И больше нигде таких не было, – сказал я старику.

– Почему же не было? Были и ещё какие! Взять нашу Колывань камнерезную. Сколько каменных изделий всяких дивных было здесь в царское время сотворено! Не сравнится с ней Урал. Одну вазу в дар передали даже Наполеону. Долго он ей любовался, и налюбоваться не мог. А потом поставил во дворце на самое видное место. Так что были у нас мастера и не хуже, чем на Урале. Взять хотя бы того же парня Василия. Долго бы он удивлял людей своими изделиями, не влюбись он в Светлану. А случилось всё так...

* * *

Поздно родился у Михаила с Агафьей долгожданный малыш. Глаза голубые, как синь неба, волосы золотым руном до плеч выются. Румян и крепок малыш. Чем не радость родителям на склоне лет? Стал подрастать – умён не по годам. Радость родителям и опора на старости лет. Хотел Михаил научить малыша тайнам ремесла из камня. Тот с лёту схватывал все премудрости мастерства. А когда резец крепко лёг в его руку, стал удивлять отца поделками. Рождались из рук его диковинные зверушки и птички. А потом, выточил для матушки своей шкатулку невиданной красоты и подарил ей на день рождения.

Дивились сельчане юному дарованию, охали и ахали от удивления,

крутили шкатулку, и сколько бы её ни рассматривали, не хотели выпускать из рук. Каждый раз она виделась по-другому, удивляла хитросплетением узоров и игрой красок, что в тайне хранил необработанный камень. Нарекли тогда малышу большое будущее. Но подросток Василий и влюбился в красавицу Светлану. Отцом её считали старика Ануфрия. Приехал тот в Алтайскую Колывань, когда там уже расцвело каменное дело. Светланину мать – никто не знал. Поэтому считали Свету сиротинушкой, но всем хотелось, чтобы стала она их снохой. Проворна девица и мастерица на все руки. А бросит взгляд на парня – оставит того без рассудка.

Стали поговаривать, что Светлана приемная старику. Не мог тот на склоне лет родить такую красавицу.

С детства мила Василию Светочка. А стал парнем, ночами не спит, тяжело вздыхает. И родители его не спят, сокрушаются, кабы не помутился его рассудок от любви, кабы с собой чего не сотворил.

А Светлана звонко хохочет:

– Сделаешь мне колечко каменное и не простое, а такое, которое я на палец надену и снять не смогу, тогда и выйду за тебя замуж.

Запечалился Василий и забросил каменных дел занятие. От восхода до заката солнца ходит по горам и ищет что-то. Исхудал весь и платье истрепал о камни гранитные и кручины отвесные. Ищет камень непростой, а такой, который в глубине земной до поры до времени хранится и откроется только тому, кто сердцем чист. Возвращался домой по темну, холодный и голодный. И, не отужинав, падал в постель, и слышны были из дальней комнаты его тяжёлые вздохи.

Ходили родители к знахарке, снадобье разное из трав заговорённых заказывали. Но сколько ни старались, не помогло ни одно снадобье. Наоборот, ещё сильнее возлюбил их сын красавицу с зелёными как изумруды глазами.

Стали поговаривать, что в девицу

вселилась сила нечистая. Как извести эту девушку – думали и ничего не придумали. Говорят, волшебной печатью она была опечатана. Даже колдуньи деревенские стали обходить Светлану стороной.

Василий ходил к старику Ануфрию и просил руки его дочери. Но тот не против этого, только не волен приказывать дочери. Кого выберет дочь, тот и станет женихом. Василий пытался подступить к Светлане. Та лукаво глянет, вроде, как и сама влюблена в молодого парня, а потом опустит ресницы и скажет:

– Хоть и мастер ты, Васенька, золотые руки у тебя, но матушка мне сказала, кто колечко подарит, да такое, чтобы я не смогла снять с пальца, тому и отдать своё сердце.

– Свет глаз и души моей, выточу я тебе колечко любое, какое захочешь. Но где найти мне такой камень? Второй год по горам хожу, все камни перепробовал, но ни одного подходящего.

– Если ты настоящий мастер, найдёшь. А если не хватает у тебя мастерства, не откроется тебе ни один камень, и не сможешь ты стать настоящим мастером, как бы того не хотел.

– Можно всю жизнь искать и не найти. Не будешь же ты ждать меня?

– А мне и ждать не надо. Найдётся такой мастер, и выйду я за него замуж.

Хотел Василий от несчастной любви наложить на себя руки, но как он в загробном мире будет жить без любимой? Будет также маяться. Появляться на этом свете привидением всеми гонимым.

– Ты мимо камушка того ходил и не заметил. Не думай обо мне, когда ищешь. О камне думай, тогда он сам тебе в руки ляжет, – сжалилась над парнем Светлана.

Отправился Василий в Коргонское ущелье, туда, где на бег срывается река Чарыш и с шумом прорывается сквозь отвесные скалы. Взбирался там, где козы дикие не могли пройти. Облазил все утесы и скалы, спускался

в пещеры, но тщетно. Потеряв надежды, отправился он к Рассыпной горе, где друзы хрустальные на камнях растут. Где слюда на солнце чешуйчатым золотом блестит. И когда, перекидав дюжину камней, присел на склон и опёрся рукой о лежащий рядом камень, почувствовал, как что-то обожгло руку. Глянул, камень с куриное яйцо. Хотел откинуть в сторону, но камень словно прирос к ладони. Василий сжал ладонь, камень подался, и принял иную форму. Затем разжал ладонь, камень оставался таким, каким был. Но стоило ему вновь сжать его в ладони, как опять почувствовал, что камень меняет форму, становится пластичным.

Василий бросился до дому. Прибежав, сразу взялся за инструменты. Стоило снять с камня верхний слой, как тот засветился разными цветами.

Василий работал, и, казалось, думать не надо. Инструменты сами водили его руку, и вскоре засветилось колечко. Две змейки переплелись и смотрели на него изумрудами глаз. Во ртах держали рубиновые сердца, которые входили друг в друга.

Последнее движение и кольцо готово! Зажав его в руке, Василий поспешил к Светлане. Та сидела у окна, будто поджидала кого-то. Увидев Василия, вышла навстречу.

– Вот, – протянул тот кольцо.

Взяла девушка колечко, надела на палец, и долго любовалась им, не отрывая глаз.

– Снять сможешь? – с трепетом спросил Василий.

Он боялся, что это не то колечко, которое хотела любимая. Но та, не отвечая, продолжала любоваться колечком. А то сверкало на солнце и отражалось в глазах Василия изумрудами змеиных глаз.

– У тебя глаза точно такие, как на колечке. Значит колечко то самое, какое хотела моя матушка, – сказала Светлана.

– Откуда ты знаешь? Ты же росла без неё.

– Ах, милый мой, во сне не раз она

ко мне приходила. Вот и в этот раз сказала, что ты принесёшь мне колечко такое, какое я снять с пальца не смогу. Ты и пришёл.

– Так ты выйдешь за меня замуж?

– Матушка просила прийти и попросить благословение.

– Где же ты её найдешь?

– На том месте, где ты нашёл этот камушек. Просила, когда выпадет на землю роса, босиком по ней прийти. Да так, чтобы никто не видел меня. Поэтому, утром до восхода солнца я отправлюсь к ней. Так что, милый мой, недолго осталось ждать, – сказала Светлана и скрылась в доме.

Наступило утро, а там уже солнце в зените, а Светлана как ушла, так и пропала. Бросился Василий на поиски, но тщетно. Нет девушки ни у места, где нашёл камень, ни по пути к заветному месту. Заволновались и сельчане. Неделю ходили по горам, но и они не нашли девушку. Только Светланин отец сидел неподвижно и смотрел куда-то вдаль. О чём он думал – никто не знал. Сделался немым и седым. Как ни пытались разговаривать его и выведать, что случилось, не смогли. Когда Василий подступил к нему, только тогда разжал губы:

– Не ищи её, Васенька, погубишь себя.

– Что ты такое говоришь, дядя Ануфрий. Мне без неё не жить. Не найду, руки на себя наложу. Это я во всём виноват, что колечко ей заветное подарил. Не подари колечка, была бы жива. Мне бы только увидеть её, голос бы её услышать. Больше ничего не надо.

– Ищи её там, где камень нашёл. Рано поутру, пока роса не спала и солнце не взошло. А взойдёт солнце, и не успеешь колечко снять с пальца дочери моей, потеряешь её навеки.

– Почему?

– Был я, как и ты молод, встретил в горах красавицу и женился на ней. А когда родилась дочь, ушла жена от меня. Догадывался я, кто она. Но перед уходом жена предупредила: если я не хочу потерять дочь, никому не дол-

жен говорить о том, кем является она. Хранительница сокровищ она каменных. Много она камней диковинных имеет, только достойного мастера нет, чтобы сделать их искусными. Не знал я тогда, что через дочь мою будет она искать такого мастера. Что найдёт и заберёт в свои владения. Прошу тебя, только до восхода солнца успеешь колечко снять. Тогда и сам спасёшься и дочь мою вернёшь. Я всем премудростям ремесла обучу тебя. Ведь, когда я был молод, мог делать из камня всё, что ни пожелает человеческая душа. А ушла жена от меня, потерял я интерес к мастерству. Вернётся, вновь обрету потерянный талант, – и старик замолчал.

Как только поблекли звёзды, Василий поспешил к горе Рассыпной. Но как ушёл, так и пропал. Тщетно ждал старик его возвращения, а потом тоже отправился к горе. Но и он не вернулся. Нашли его мёртвым у подножия той горы, а в руках его колечко каменное с двумя переплетшими змеями. Но глаза их не изумрудами светились, а горели кровавыми рубинами.

Разжали пальцы старика, колечко выкатилось, и покатилося под уклон. А потом провалилось в расщелину меж скал. Попытались сельчане достать колечко. Вывернули груды камней, образовалась глубокая яма, но не нашли кольца.

Похоронили старика, а вскоре прошёл слух, что жив Василий. Что трудится он в подземельях. Диковинные поделки для владычицы подземного царства делает. Но с одним условием он остался, что будет подсказывать людям, где камни для поделок искать. Вот и на камень для Царицы ваз, что в Эрмитаже хранится, он указал. И много ещё разных камней он людям подарил.

Жив ли Василий? Наверное, жив, коль Кольванских дел мастера не перестают удивлять людей поделками из Алтайских камней.

ЗМЕИНАЯ ГОРА

– Дедушка, а почему город Змеиногорск называют Змеиногорском? – в очередной раз спросил я.

– Это отдельная сказка.

– Расскажи, дедушка, – начал упрощать я.

– А ты уроки сделал?

– Сделал.

– Ну, тогда слушай.

* * *

Прознал Акинфий Демидов про Змеиную гору, что сокровища в ней несметные хранятся. Одного золота тысячи пудов. Но как взять – не знал. На Змеиную гору не то чтобы ступить – подойти к ней невозможно. Змеи-гадюки по склонам клубками выются, на солнышке греются, зло шипят, никого близко не подпускают. Были смельчаки, да погибли они от укусов смертельных.

Задумался Демидов – как золото добыть? На страх и риск он от царицы матушки золото утаил, а взять не может. Со змеями можно было бы совладать – не правь ими царица их. Не раз её видели старатели. Она выползала на вершину горы и оттуда наблюдала за всем, что происходит внизу. Даже тёмной ночью она злобно сверкала красными глазами. Незамеченным невозможно подойти к горе. Если кто зазевался, Змей-царица мигом на него напускала клубок змей. Не уйти далеко несчастному. Змеи нагоняют, руки, ноги обвивают, и зубы ядовитые в тело впивают. Не то, чтобы закричать, вздохнуть путник не успеваешь – замертво падает.

Подумал Демидов и решил хитростью извести змей. Для этого недалеко от горы поселил казаков-удальцов. Те смелые ребята, на коней вскакивают и шашками змей рубить, что с краю горы на солнышке греются. Налетят вихрем, и, айда, шашками сверкать, змеям головы сечь. Пока Змей-царица опомнится, казаков уже след простыл.

Был среди этих удальцов парень

молодой, звали его Егорка. Красавец из красавцев. Папаху набекрень и чёрный чуб морской волной из-под неё вьётся. Крепок и статен. Чем не жених? Но не собирался он жениться. Говорил, что для семейной жизни надо уму-разуму набраться. Да удамой казацкой жизни испытать, чтобы дом свой от врага суметь отстоять. А по степям, что к горам подступали, их было не меряно.

И вот как-то раз выехал Егорка в степь ковыльную, а навстречу ему девушка в белом платье, в таком только под венец ходят. Увидала парня, взор потупила, и скромно мимо пытается пройти. Осадил Егорка коня и к красавице добрым словом обратился:

– Куда идёшь, милая?

– Батеньку своего родного ищу. Как ушёл к Змеиной горе, так и сгинул навеки вечные. Туда и иду. Может, там его найду.

– Что ты, милая, – не на шутку взволновался Егорка. – Не ходи туда.

– Пошто не велишь ходить? – зарумянились щёки у красавицы. – Нам без батеньки нашего не жить. Семеро по лавкам сидят, есть просят. Как же мне не ходить?

– Змеиное царство там. Кто переступит их границу, живым не вернётся.

– Мне хоть косточки найти и земле предать, чтоб не маялась душа его по белу свету.

– Позволь мне его поискать. Конь у меня словно вихрь, ногой на этом месте стоит, а через минуту за версту её ставит, – говорит Егорка, а сам глаз с красавицы не сводит. Но и та, видно, сердцем к парню не равнодушна, смотрит на него и глаз не отрывает. А когда сошлись Егоркины глаза с глазами красавицы, сердце его ёкнуло и закружилась у парня голова.

– Сколько же мне ждать? – тихо говорит красавица. – Мне и остановиться не у кого? Неделю уже в пути. Устала и голод меня одолевает.

Невдомёк Егорке, что платье на красавице первой свежести, не помято и не замарано. Да и узелка в руках

у неё нет. Слишком люба красавица ему. Разум его помутился, ничего не соображает. Побоялся Егорка, что разойдутся они с красавицей и потеряет он ту единственную, о которой разве что во сне мечтал. И говорит он красавице:

– Ты, мила девица, у меня поживи, пока я твоего батеньку искать буду. Хоть дом мой не хоромы, но уместимся. С батенькой я живу. Три комнаты имею. Самую лучшую тебе отведём, где солнышко целый день светом светит, а ночью луна лунная от окна взор свой не отрывает.

– Мне бы комнату потемней. Я глаза свои все выплакала. Да и солнышко который день в зените, голову напекло.

Рад радёшенек Егорка, что девица-красавица станет жить в его доме. Возвратились они в острог казачий, и стала красавица жить в доме, а Егорка днями напролёт батеньку её искать.

Вернётся усталый, сползёт с коня и с трудом ноги переставляет. А на крылечке Анфиса-красавица уже поджидает, кринку молока подаёт, чтобы парень жажду утолил, да сил набрался.

На третий день вернулся Егорка, выпил молока, упал в постель и заснул крепким сном. Проснулся, а его Анфиса по кудрявой голове гладит, да ласковые слова шепчет:

– Соколик ты мой, единственный мой, ненаглядный мой. Как же я раньше тебя не замечала? И губами в щёку Егорку целует. А губы-то её холодны.

Испугался Егорка за Анфису, не захворала ли она, ни лихорадка ли на неё навалилась? Целыми днями в комнате холодной сидит, туда и солнышко не заглядывает. Прижал к груди Анфису, да и не заметил, как целовать стал.

Вскоре поженились они. Весь казачий острог три дня мёд пил и веселился, да так что за десяток вёрст веселье разносилось.

Ночью милуются молодые, а днём Егорка с казаками на войну со змея-

ми выступает. Но вот беда, змеи будто знают, откуда напасть на них придёт. Головы высоко держат да громко шипят, на сто аршин к себе не подпускают.

Донесли Демидову о беде, тот и задумался. Месяц думает, второй, но ничего придумать не может. А там и год заканчивается. Пока он думал, родилась доченька у молодых, красивой матери своей. Даже солнышко светлоликое с ней не сравнится. Радуются молодые, радуется отец их, старый казак. Весь стан ходил смотреть на малышку, когда той годок исполнился. Раньше показывать ребёнка нельзя, чтоб глаз нехороший на него не бросили. И только прошли крестины, как Демидов дополнительную подмогу шлёт с десятью орудьями – пушками медными и ядрами чугунными, чтобы издалека можно было змей разметать, а потом шашками порубить. Готовится к походу и Егорка, себя не жалеет. А вечером как домой придёт, сразу в постель и крепким сном засыпает. Вот и в этот раз вернулся усталый и сразу лёг спать. Ночью проснулся, смотрит, Анфисы нет и постель её холодная. Вернулась его жёнушка только под утро в одной ночной рубашке и в постель тайком. А сама холодная, как роса утренняя.

На следующую ночь Егорка опять приметил, что жены нет. Забеспокоился он и спрашивает:

– Куда это ты, милая, ходишь?

– На ночь звёздную выходила посмотреть, вот и задержалась чуток. Небо дивное. Звезды на нём янтарные, налюбоваться не могу. Когда наземь они срываются, желание заветное для нас с тобой загадываю.

Егорка сделал вид, что поверил, а сам решил проследить за жёнушкой. Притворился он в следующую ночь, что спит, а сам сквозь ресницы незаметно наблюдает. Анфиса, убедившись, что муженёк крепко спит, из постели выскользнула и в окошко распахнутое выпорхнула. На улице уже роса, а она босыми ногами по ней ступает. Егорка, крадучись, ре-

шил проследить, куда его жёнушка ходит. Когда та за околицу вышла, оглянулась, не следит ли кто за ней. Не заметив никого, на землю легла и поползла, извиваясь. Егорка хотел крикнуть, но не успел, жена в змею превратилась. А когда ещё раз оглянулась, Егорка понял, что жена его Змей-царица. Пока он стоял, не зная, что делать, скрылась Змей-царица в траве густой по направлению к Змеиной горе.

Вернулся Егорушка опечаленный и рассказал обо всём отцу. Решили они не мешкать. Собрал отец котомку, внучку в люльку положил, на коня верхом сел и подальше от этих мест отправился, чтобы Анфиса, вернувшись, следа конского найти не смогла, не говоря о дочке своей красавице.

До утра не смыкал Егорка глаза, голову руками подпирал, кручинился. А под самое утро, когда светать стало, явилась Анфиса вся мокрая и дрожью сотрясаемая.

Егорка шашку из ножен выдернул и над головой её занёс.

– Что ты, милый мой, удумал? Не рубить ли ты меня собрался? – сверкнула змеиными глазами на мужа Анфиса.

Ёкнуло у Егорки сердце от жалости к жене. Выронил он шашку боевую, обхватил голову руками и зарыдал:

– Что же ты, жёнушка моя милая, со мною сделала? Как же теперь мы будем с тобою жить?

– Да что же, Егорушка ненаглядный мой, с тобой случилось? – не понимает Анфиса, что муженёк знает тайну её тайную.

– Думал – ты человеческого роду, а ты из царства змеиного. Днём человеческое обличие принимаешь, а ночью в змею оборачиваешься. Как же мне с тобой змеёй дальше жить?

– Разве Егорушка есть в том моя вина? – заплакала Анфиса да так, что у Егорушки сердце от жалости сжалось. – Полюбила я тебя, Егорушка, с первого взгляда и места себе найти не

могла. Дочка у нас растёт. Как она без матери?..

– Нет боле дочки у тебя. Батя её забрал и подальше от тебя увёз. Ничего больше не скрепляет нас. Чужие мы теперь друг другу.

Как услышала про дочку Анфиса, взметалась по дому, но найти своего дитя не может.

– Уходи, – говорит Егорушка, а сам за шашку. – Уходи, иначе не сносить тебе головы.

– Ах, Егорушка, оклеветали меня люди. Глаза у них завистливые.

Дрогнула опять рука у Егорки. Стоит, не знает, что делать. Головой понимает, что жена обманывает его, а сердце от любви к Анфисушке болью разрывается. Пока он не опомнился, Анфисушка бросилась к двери, о порог споткнулась и на траву росистую упала. В другой раз она контролировала бы себя, но горе великое, что дочку родную потеряла, помрачило её рассудок и она, не осознавая того, в змею на глазах у Егорушки превратилась. А когда опомнилась – поздно было. Егорушка опять за шашку. Сверкнула Змей-царица зло глазами и в ту же секунду в траве скрылась.

Наутро казаки пошли в бой. Вместе с ними и Егорушка выступил. Подкатили они пушки к горе и принялись палить из них. Летят змеи по сторонам, а казаки шашками их насмерть секут. Увидев это, Змей-царица на самый верх горы взобралась и оттуда строй змеиный выстраивает и в нужном направлении направляет. Пальнут казаки из пушек, летит ядро, свистит, но в змей не попадает. Змей-царица успеваает сверху команду дать. Казаки тогда принялись по ней из пушек палить, но ядра, как заговорённые, мимо со свистом пролетают, да за горой с грохотом взрываются.

Не знают казаки, что делать. Ещё сильней из пушек палить. Но всё впустую. Тогда Егорушка с шашкой наголо бросился на змей, и рубать их налево и направо! Только головы змеиные по сторонам отлетают. Змей-царица в дыму и бомбовом грохоте

сразу и не заметила своего муженька. Но когда увидела, поздно было. Змеи с камней на Егорку удальца-молодца со всех сторон по её команде набросились. Закричала она человеческим голосом:

– Не надо!

Но змеи не поняли в грохоте орудейном своей царицы. К тому же чужой для них человеческий язык. Впились они со всех сторон в Егорушку и, выронив шашку, поник тот головой. Успел его конь боевой вынести с поля брани. А когда вынес, упал Егорушка наземь замертво.

Скатилась с горы змеей Анфисушка и когда над Егоркой склонилась, человеческий облик приняла.

Опешили братья казаки и про пушки свои забыли. А когда опомнились, Анфисушка в подземном царстве скрылась. Хозяйкой она богатств подземных была, а змеи гадуки строго охраняли их от тех, кто на богатства позарится.

Похоронили казаки Егорку под берёзкой молодой. А вскоре отец его вернулся из далеких краёв, где внучку свою от матери-змеи берёт. Привели казаки отца на могилку, смотрят, что за диво, в могилку нора проделана. Забеспокоились они, не змеи ли нору проделали и Егорку в загробном мире покою лишают? Не удержались, могилку раскопали, гроб открыли, а там Егорка камнями дорогими осыпан, а на груди его Змей-царица, свернувшись в лубок, мертвая лежит.

Приказал воевода забрать камня и отправить их в подарок царице Екатерине, чтобы знала та про богатства земли Алтайской. Впереди гонца с новостями послали, а за ним обоз с охраной. Только не довели до царицы каменьев. Затерялись они по пути вместе с обозом. Поговаривали, что охранники с обозом в лесах дремучих скрылись. А другие говорили, что разбойники напали, перебили охрану и обоз увели.

Без Змей-царицы змеи сами расползлись по разным сторонам. Остальных добили без труда.

Но не уберёт Демидов золотые рудники. Вместе с ними и остальные заводы потерял. Отобрала у него Елизавета в свою пользу заводы. Узнав об этом, поспешил Акинфий в столицу, чтобы отстоять рудники, да не успел. Умер он от сердечного приступа. Говорили, что не сам умер, Змей-царица его прокляла.

КОЛЫВАН БОГАТЫРЬ

– Дедушка, какой ты сильный! – наблюдая, как старик управляет с досками, поднимая их под самый карниз, восхитился я.

– Для этого не только нужна сила, но и сноровка.

– А огромные глыбы, что на Колыванском озере, которое Саввушинским у нас называется, друг на друга кто-то сложил, тоже для этого сноровка нужна?

– Не только сноровка, но и сила требуется. Были раньше богатыри, но теперь они перевелись. А может, их просто никто не замечает. Чтобы заметить – надо, чтобы какое-то событие произошло.

– Например, война?

– Ну, и война тоже. Тогда-то богатыри и проявляются. Тогда-то о них и узнают. А так неприметны они. Сеют, пашут, как и все. Ничем не выделяются. Да и не надо им этого.

– А как же по телевизору?.. Там вон какие самолёты с места сдвигают! Даже видел, как один силач поезд с места сдвинул.

– Кто имеет силу, не будет ей понапрасну бахвалиться.

– А как же глыбы на озере?.. Хотел же кто-то похвастаться своей силой.

– Там всё произошло по-другому. Там появился настоящий богатырь.

– Что за богатырь?

– Если интересно, я тебе расскажу.

* * *

В тех местах, где встречаются горы со степями, появился богатырь по имени Колыван. Людей в этих местах не было. Боялись селиться, не смотря

на тучные пастбища и чистые воды рек, берущих начало с гор. Говорили, что змей треглавый живёт в пещерах тёмных и выходит на поверхность не только тогда, когда голоден, но и чтобы осмотреть владения свои.

Но, а когда появлялся и видел, что кто-то поселился, пыхал огнём, степи сушил, деревья поджигал, страх на незваных гостей нагонял. Если кто вовремя не сумел скрыться, даже косточек от тех не оставалось. Поэтому обходили люди стороной эти места богатые. Хотя здесь любое семя, упавшее в землю, прорастало как на дрожжах. Зверья здесь водилось считано, не пересчитано. Если птицы разом в небо поднимались, солнце собой закрывали, и на землю опускалась темь. Богата эта земля, но жизнь своя дороже любых богатств.

Прослышав про эти места, Колыван решил своими глазами посмотреть на богатый край. Стоило увидеть красоту этих мест, сердцем заболел и решил навсегда здесь поселиться. Особенно поразило его красотой озеро, раскинувшееся среди скал. Но одна беда, в нём горами лежали камни. Остановил Колыван коня, зачерпнул в ладонь озёрной водицы, и показалось она ему слаще меда.

– Эх, кто же неразумный камни в озеро накидал? – вздохнул Колыван.

Не знал он, что непосильны эти камни людям, кроме него самого. Силушку он имел немереную, богатырскую. И решил он очистить озеро от камней, а на берегу построить дом и жить в нём. Не знал тогда, что чёрный змей живёт в этих местах и когда сердится, камни по округе мечет и в озеро закидывает. Плеск воды успокаивал трёглавого, иначе бы он весь на огонь изошёл.

Поднапрягся Колыван, камень за камнем на спину вскидывает и на берег выносит. Камни те такие тяжёлые, что богатырь в землю проваливается, но ничего его не останавливает. Достанет из озера камень пудов так на двести, а может и боле, кто их мерил, на берег их выносит, и друг на друж-

ку складывает. Вроде как пирамиду строит. А потом отойдёт в сторону и посмотрит, радуется ли его взор творение рук его. Если что не так, разберёт пирамиду ту и по-новому сложит.

Когда последний камень извлёк из озера, выпрямил спину, чтобы пот со лба смахнуть, да и замер от красоты завораживающей. Не думал, когда камни вынимал, что чудо такое может сотворить. Остался Колыван на берегу того озера и построил дом из сосен вековых.

Прослышали люди, что богатырь поселился на берегу озера и потянулись к нему. Будет кому защитит от змея когтистого и клыкастого. Наполнились те места звонким детским смехом и песнями красавиц румяных.

Очнулся змей ото сна дремучего, заворочался. Задрожала, заколыхалась земля. Потянулся змей, зевнул, слышит: что-то не так творится во владениях его. Звуки непонятные сквозь камни в пещеру пробиваются. Желудок его заурчал, есть запросил. И подумал змей чёрный, что пища опять сама к нему пришла, надо выбираться из пещеры и утолить голод.

В степи залетать ему нельзя, там Владыка Степей живёт, ветры все-ильные напустит на непрошенных гостей, да такие, что даже ему змею чёрному не расправит крыльев. Упадёт змей камнем на землю и разобьётся. И в горы ему тоже нельзя, там Владыка Гор хозяйничает. Уснёт в пещере змей, а владыка так тряхнёт горы, что камни со свода пещерного на голову посыплются и не выбраться из-под них. Потому и жил змей меж гор и степей, где земля ничейная, где он мог укрыться не только от жары, но и лютой вьюги и морозов сорокасильных. Где в безопасности можно ночь змеиную скоротать. А была она у него длинной в сто лет.

Выбрался змей из пещеры, расправил заросшие лишайниками крылья, втянул воздух ноздрями меховыми и... Что это? От озера духом знакомым, вроде как человеческим, тянет.

Расправил он крылья и взвился к

самому небу небушку, чтобы посмотреть, кто посмел нарушить владения его. Когда увидел людей, обрадовался, что будет, чем полакомиться.

– Ах, неразумные, на погибель свою пришли, – дыхнул он пламенем огненным.

И сразу после этого заурчало у него в животе так, что по земле гул оглушающий расстелился и долго ещё не стихал, пока налетевший ветер в горы его не угнал. Решил змей на землю спуститься, чтобы убедиться, не ошибся ли он.

Тенью огромной метнулся змей над селом, растопырил лапы когтистые и детей с девушками-красавицами хватать. Заметались люди, не знают, где укрыться от змея. Только мальчуган один, которого Сенькой-непоседой звали, ловко меж камней шмыгнул, да так, что змей его не заметил и до Колывана богатыря босыми ногами по камням острым напрямки бросился. Колыван в это время в лесу охотой промышлял. Прибежал Сенька и рассказал про беду.

– Ах ты, аспид семиглавый! Берегись силушки моей богатырской. Не будет тебе пощады. Пещеры все твои руками подниму и на землю выложу! Нигде тебе от меня не укрыться! Под облаками облачными, под небесами тучными не спрячется от меня! – крикнул Колыван, и на коня запрыгнул.

Мчится конь, с одной горы на другую перепрыгивает, за змеем гонится. Только у синей горы, которую потом Синюхой назвали, нагнал Колыван змея. Видит змей, что мешают ему дети невинные и девушки красавицы оборониться от богатыря. Выпустил он пленников, растопырил навстречу Колывану лапы когтистые и огнём на него пыхать.

– Уйди, – говорит, – богатырь человеческий из мест моих. Не трону я тебя тогда. А не уйдёшь – погублю, и тебя и всех, кто вокруг озера живёт.

– Не грози, змей, грозой грозной. Не боюсь я тебя, и сразиться с тобой готов.

Видит змей, что не отступит от него богатырь, дунул из всех голов пламенем огненным на Колывана, чтобы спалить того в пепел и по ветру развеять. Чтобы стерся из памяти людской сказ про Колывана богатыря. Но не успел его опалить. Колыван камень тысячепудовый подхватил и на пути огненном его поставил. Видит змей, что не может спалить богатыря, тогда решил в небесах скрыться и коршуном сверху на богатыря упасть, пока тот не ждёт опасности с небес. Но только взмахнул он крыльями, как метнул Колыван копьё богатырское и настигло оно змея на взлёте, пронзило того насквозь, и пригвоздило его к горе синей на середине её и так крепко, что сколько ни извивался змей, не смог освободиться. И только взмолился он о пощаде, как из горы Синюхи воды святые, что покои веков внутри горы хранились, хлынули родником ключевым. Копье, когда воткнулось, выход им открыло. Хлынула вода та на змея. Задержался змей от святой воды, а потом в прах превратился и рассыпался. Унесла вода его прах в море-океан, подальше от глаз людских, чтобы люди забыли про нечисть эту и, не боясь, селились в землях Алтайских.

Видит Колыван, что водица святая из горы течет, что гора та Синюха святой является. Тогда поднял огромный камень на чашу похожий, наполнил её святой водицей до краев и на вершину Синюхи поставил.

С тех пор стоит чаша та водой наполненная и сколько люди воды из неё ни пьют, не убывает вода из чаши той. Водами небесными она пополняется.

Долго жил Колыван на берегах озера того, что от камней освободил, а потом ушёл в другие края, чтобы и там творить дела добрые. Но озеро, освобожденное Колываном от камней, не осталось безымянным, назвали его Колыван озером, которое теперь на картах Колыванским зовётся. Село у подножия Синюхи тоже в честь богатыря Колыванью назвали. Озеро же, образовавшееся от вод

ключевых святых, что из горы Синюхи вытекают, Белым нарекли.

КОМИСАРОВА ДОЧКА

Сидя у окна, я вновь увидел старика с бидоном в руках. Тот постоянно ходил на гору Синюху за святой водой. При этом его путь в одну сторону составлял более ста километров. Возвращался он также пешком. На предложение подвезти, отказывался, заявляя, что за святой водой надо идти только пешком.

Мне жалко было старика. Он медленно брёл, не смотря ни на жару, ни на дождь. И сколько дней так надо терпеть, чтобы набрать какой-то воды?

– Я знаю этого старика, – тоже выглянул в окно дед Ерёма.

– Что там за такая чудная вода, чтобы себя так мучить? – спросил я.

– Эта вода не столько физические болезни лечит, сколько душевные.

– Разве такие болезни бывают?

– Бывают. Если их вовремя не вылечить, они переходят в физические. Помню одну историю. Так уж и быть, расскажу тебе про неё. Давно это было. После революции наступили лихие времена...

* * *

После революции наступили лихие времена. Стали по деревням комиссары разъезжать и церкви рушить.

Вот и на Алтай прибыл комиссар из самой Москвы. Видит, церковь посреди села куполами золотыми небес касается. Остановился, и налюбоваться на церковь не может – красавица из красавиц. Если зайдёт в такую в церковь Фома-неверующий, рука его сама потянется, и не заметит Фома, как перекрестился. Потому, видать, всё село было верующим. Строго соблюдали посты, и ни один молебен не пропускали.

Постоял комиссар, рьяный безбожник, полюбовался куполами, а потом вошёл внутрь, чтобы посмотреть, с

чего начинать рушить церковь. Подошёл к образу Николая угодника, встал перед ним и забылся, зачем явился. Рука сама потянулась и комиссар трижды перекрестился. Когда вышел, понять не мог, что с ним случилось. В Бога-то он не верил, а теперь рука не поднимается церковь рушить. На следующую день опять вошёл в церковь и не заметил, как креститься стал.

Идут дни, церковь не рушится. Циркуляры шлют из Москвы, так, мол, и так, надо срочно сломать церковь. Но как её ломать, если рука на такое несправедное дело не поднимается? А из Москвы уже угрозы шлют, под расстрел грозятся пустить. Боятся, где гарантия того, что если одного не накажут, другие будут слушаться?

А тут Марфа-сельсоветчица, комсомолка рьяная, глаз на комиссара положила. Красавица из красавиц, картины с неё можно писать. Но, не смотря на то, что всех красотой ослепляет, замуж выйти не может. Красота она, как от Бога, так и чёртом может быть дадена. Люди-то знали, что Марфа безбожница, сама в Москву писала, чтобы комиссара для управы над верующими прислали. Вот и посчитали в округе, что красота Марфина чертями намалёвана, а не Богом писана, потому и сторонились её.

Комиссар, как увидел Марфу, будто с ума сошёл. С одного взгляда влюбился, но вида не подавал. Стеснялся, что рябой и нескладный с виду мужик и рядом с ним такая красота... А когда Марфа сама к комиссару вечером в дом пришла, якобы за советом, что делать с церковью, комиссар совсем голову потерял и в любви признался. Рада Марфа, что большому начальнику голову вскружила. Теперь она не только сельсоветчицей будет, но и женой высокого начальника. А где власть, там и богатство.

Комиссар Марфе предложение сделал, а та говорит:

– Пока не разрушишь церкву, не отдам тебе своего сердца.

Запечалился комиссар, последний раз посмотрел на купола золотые и

дал отмашку прибывшим из края рабочим. Среди сельчан не нашлось желающих для богохульного дела.

Но вот беда, сельчане окружили церковь и никого не подпускают. Тогда солдаты из грузовых машин повпрыгивали, и палить в сторону сельчан, те и расступились. Ворвались в церковь безбожники, алтарь ломать, иконы выносить и в кучу их скидывать, чтобы костёр из них запалить.

Марфа же ботинками грязными иконы топтать и сельчан призывает делать то же самое. Но никто не двинулся. Как стояли, подпёртые винтовочными штыками, так и остались стоять. Разве что Ефим, председатель колхоза по должности своей, на иконы встал. Побоялся, что его в лагерь сошлют и детей с женой не пощадят. Того хуже – расстреляют. И вдруг закружились вихри пыльные, да такие, что песком глаза засыпают. Никогда такого не видали.

– Черти в пляс пустились! – выкрикнули из толпы.

А Марфа юбку цветастую распустила, ногами притопывает, и частушки похабные про Бога петь... Никогда таких частушек сельчане не слышали. Видать, Марфа ночей не спала, сочиняла.

А потом остановилась и кричит:

– Ну, где ваш Бог?! Почему он не накажет? Сил его не хватает? Нет вашего Бога! А вы верите...

Комиссар побледнел, пистолет рукой в кобуре сжимает, того гляди, выхватит оружие и пристрелит Марфу.

– Ты что это, милый, стоишь? А ну, давай со мной! – крикнула ему Марфа и закатилась истерическим смехом.

Комиссар будто языка лишился. Сделался белее холщёвого полотна.

После того, как вынесли иконы, приступили кресты с куполов срывать. Они хоть и позолочены, внутри деревянные. Решили вместе с иконами сжечь, чтобы и от них следа не осталось.

Когда скинули первый крест, под-

скочил к нему парнишка молодой, чей будет, рассмотреть не успели. Подхватил крест на плечо и в толпе растворился. Как ни искали его потом, чтобы крест изъять, так и не нашли.

Сожгли оставшиеся кресты, а вместе с ними иконы. А потом купола церковные порушили.

Вечером Ефим, председатель колхоза, около крыльца упал и в тот же миг его перекорёжило. Умер Ефим в тот же день. Когда пытались его в гроб положить, разогнуть не смогли. Пришлось в тряпку его завернуть и таким в могилу положить. Сверху на него пустой гроб опустили. Совсем не по-христиански схоронили.

На следующий день Марфа сельсоветчица расписалась с комиссаром и стала его женой.

Вскоре у них родилась дочка. Красотой в мать пошла. Но одна беда – родилась бесноватой. Днями и ночами кричит, пена изо рта летит, и одежки на себе в клочья разрывает. Надо бы к священнику сходить, но нет священника, в ссылку его сослали. Осталось одно – идти к бабке Захарихе, чтобы та святой водой лечила. Только бабка Захариха на порог не пустила. Упал комиссар в ноги, и умолять бабку Захариху.

– Крестись, – говорит та.

Хочет комиссар перекреститься, но рука занемела, до лба её дотянуть не может. Тут и вспомнил про церковь разрушенную. В ней-то он мог бы перекреститься, но церкви-то нет. Клуб в ней для увеселения устроили.

– Вот тебе и кара, – говорит Захариха.

– Что мне делать, скажи? Всё, что хочешь, выполню, – умоляет комиссар.

– На Синюхе на горе, – говорит Захариха, – чаша со святой водой. Пойди туда пешком. Сколько суток будешь идти, иди. И не вздумай ни на какой подводе ехать. Будешь взбираться на гору, не вздумай передыхать.

А гора Синюха более километра высотой. За высокие облака она вершиной уходит, за небо вершиной це-

пляется. Крута гора, круче Красного яра, который отвесной стеной у реки возвышается.

– Только, – говорит Захариха, – жене своей ничего не говори. Иначе сам на себя погибель накликаешь. Твоя жена с чертями породнилась. И мать её с нечистой силой якшалась.

Послушался комиссар, и когда жена отправилась в гости в соседнее село, взял дочку за руку и повёл на гору Снююху, что за Колыванью камнерезной возвышается и за сотни вёрст к себе паломников видом своим привлекает.

Шёл семь дней и ночей, и дочка рядом с ним шла. Откуда сила у ребёнка двухлетнего взялась, никто сказать не мог. Догоняли комиссара на подводах, предлагали бесплатно подвести, но тот, как и наказала бабка Захариха, не поддавался на уговоры.

На Снююху полдня с дочкой взбирался. А когда взобрался, встал на колени и рука у него правая до этого раза парализованная вдруг задвигалась. Встав на колени, комиссар приподнял голову к небу и перекрестился. И давно забытая молитва сорвалась с уст его:

– Боже наш, иже еси на небеси...

И чем дольше он молился, на душе становилось всё легче и легче. Казалось, что-то тяжёлое, что вкралось внутрь, выходило из него вместе с молитвой. По щекам его текли ручьями слёзы. Дочка, прижавшись к нему, не двигалась.

Сколько он так стоял – не помнил. Потом зачерпнул воду святую из чаши гранитной и сделал омовение дочки своей. Та упала, точно так же, как раньше валила её падучая болезнь, и затряслась вся. И что-то облаком тёмным изо рта её вылетело и вниз под гору покатилося и у подножия в землю провалилось. Затихла дочка, и дыхание её не слышно. Комиссар подумал, что умерла она. Обхватив её, зарыдал горькими слезами. А та вдохнула воздуха святого, что на вершин-горе, глаза открыла и спрашивает:

– Что это ты, тятенька, плачешь?

Обрадовался комиссар, что жива его дочь, воды святой в бидон зачерпнул и домой поспешил.

У порога дома уже поджидает му-женька своего Марфа-сельсоветчица. Как увидела того, вся взбеленилась. Набросилась, и бранить, и кулаками по голове бить и лицо всё в кровь разодрала. А сама кричит:

– Как ты без моего ведома посмел на гору Снююху отправиться?!

Не говорил ей комиссар, что на Снююху пошёл. Откуда она узнала – по сей день тайной покрыто.

Комиссар стоит и не сопротивляется, только дочку за собой прячет. А когда Марфа крикнула хулу на Бога, лицом вся исказилась и на землю повалилась. После этого в постель слегла. Да так и сгнила в ней. Похоронили её за кладбищем.

Комиссар неведомо от кого узнал, кто крест с церкви сберёт. Взвалил тот крест на спину, да так и нёс его до Снююхи-горы. А когда взобрался на вершину, поставил этот крест, чтобы издали его было видно.

Потом вернулся домой, взял дочку и ушёл в неизвестном направлении. Говорят, в монахи он подался.

И долго бы стоять тому кресту, если бы не нашёлся богохульник, который сломал святыню. В другой раз подняли бы этот крест и поставили бы на прежнее место. Но нашёлся ещё один безбожник пуще Марфы-сельсоветчицы, скинул крест с горы. А новый крест никто не решился поставить. Лихие были времена.

ШАЙТАН-КАМЕНЬ

Пока дедушка обшивал дом, наступила весна и побежали ручьи, соединяясь в бурные потоки. Загуляла и речка, подмывая берега. А вечером родители пришли с работы и принялись обсуждать, как Буравлёв лог, летом всегда сухой, наполнился водой и снёс деревянный мост, перекинутый через его берега. Ни одна машина теперь не сможет выехать в район, пока

не закончится половодье. Теперь надо идти в магазин и запастись продуктами.

– Почему лог назвали Буравлёвым? – спросил я у старика.

– Потому что в нём по весне вода очень сильно бурлит.

– Нигде не бурлит, а в нём бурлит?

– Место, где мост перекинут, не простое.

– Почему?

– Там исстари лежала каменная глыба.

– Я её не видел.

– И не увидишь. Это отдельная история. А случилось это, когда я был ещё ребёнком.

И старик начал рассказывать...

* * *

По дороге, где путь пересекает Буравлёв лог, цвета крови лежала блестящая гранитная плита. А вокруг неё небольшие серые камни, напоминающие табуретки. Эту плиту в народе называли Шайтан-камнем. Откуда она получил такое название – никто точно не знал. Поговаривали, будто древние народы, которые жили в этих местах, соорудили себе алтарь. И вроде как приносили сюда жертвы и устраивали колдовские обряды. Но следов от этого не осталось. Возможно, пещерные гиены, или ещё какие хищники, острыми зубами переработали оставшиеся от пиршеств кости.

Многие не верили, что это древний алтарь, но побаивались приблизиться к Шайтан-камню, не говоря о том, чтобы присесть и отдохнуть.

Фёдор, жадный до всего мужик, долго присматривался к Шайтан-камню. “Что это, – думал он, – камень лежит без дела. В самый раз для стола в саду... И табуретки готовы. Только приделай к ним деревянные седушки. Только не поленишься, вывернуть их из земли. Вот тебе и стол, и кровать заодно. Отдыхай себе в тени под ветвями яблонь. И что из того, что люди болтают? Языки длинные, вот и болтают. Им лишь бы себя показать, какие они умные”.

С утра, как только солнце взошло, запряг Фёдор коня и отправился в сторону Буравлёва лога.

Стоило ломом поддеть одну из “табуреток”, глянул, а на алтаре старичок невысокий сидит и бесцветными глазами моргает.

– Зачем ты, мужик, грех на душу берёшь? – спрашивает старик.

Фёдор поначалу опешил и сразу не нашёлся, что ответить. Только что не было старика, а тут глазом моргнуть не успел и... Откуда взялся этот старик? Не из-под земли же вывернулся? И вообще, разве он, Фёдор, обязан перед каждым встречным отчитываться? Тем более перед каким-то сморчком, который и ростом три вершка от горшка... Дунь и укатится, как перекасти-поле.

– Какой ещё грех? – распрямил Фёдор спину. – Камни-то не церковные. Разве, что Шайтану они святые.

– Эх, мужик, мужик, – качнул головой старик. – Негоже чужие святые осквернять. Они людьми наговорены. А какой силой – разве ты знаешь? Лучше оставил бы их в покое.

– Да пошёл ты! – в сердцах крикнул Фёдор, и схватился за бич.

Но не успел он оттянуть старика вдоль спины. Тот изловчился и перехватил бич. Фёдор дёрнул за рукоять раз, второй. Но старик, хоть и ростом мал, но стоит на алтаре, будто врос в него. И силища в его руке чувствуется неимоверная.

Фёдор со страху глаза выпучил и как дёрнет бич! Старик взлетел, и прямёхонько Фёдору на спину угодил. Руками за шею уцепился, ногами туловище обвил.

– Ну, сердешный ты мой, теперь мы с тобой поскачем, – прошептал он Фёдору на ухо, а потом поддал пятками в бока и бичом по заду...

Взвизгнул Фёдор от боли, а старик ещё раз его бичом по заду, да так, что у того ноги сами в бег пустились. Рванул он в сторону дома, а старик, не переставая, бичом по заду хлещет, ускорение придаёт. У Фёдора уже земля под ногами не чувствуется. Ка-

жется ему, что он не бежит, а по воздуху летит. Старик щёлкает языком, да приговаривает:

– Ну, родимый, давай, пока язык наизнанку не вывернешь.

Не заметил бедолага, как до дома добежал и без сознания упал.

Увидали сельчане, что Фёдор весь в мыле, как конь загнанный, под забором лежит. Бросились к колодцу и водой студёной его поливать, в сознание приводить...

Очнулся Фёдор, что-то невнятное мычать и руками махать. Пытается рассказать, что с ним случилось, но язык заплетается и ничего, кроме слова “Шайтан” из его уст не вырывается. Покинула мужика речь. Пытался что-то написать, но пальцы судорогой свело. Что с ним произошло – так и не узнали, а потом вообще потеряли интерес.

Вскоре Нюрка с Райкой, две кумы, с утра поехали на базар яйцами торговать. Торговля шла бойко, даже очередь образовалась. Никогда такого не было. Освободились кумушки рано и не стали Кольку Привалова, с которым приехали на подводе, дожидаться. У того, как назло, веники банные никто не покупал. На радостях, что торговля прошла успешно, кумушки решили отравиться домой пешим ходом.

Идут, семечки шелудят, новости последние который раз друг дружке пересказывают. Дошли до Буравлёго лога, и решили передохнуть. А тут и “табуретки” стоят. Присели они на камни и вдруг, откуда ни возьмись, мужик верхом на палке скачет.

Остановился, зыркнул из-под нахмуренных бровей, а потом как рыкнет грозно:

– А ну, садитесь! Ты спереди, – кажет он на Нюрку, – а ты сзади, – говорит Райке.

Испугались те, головами крутят, но никого, кто бы на выручку пришёл, не видят.

– Мы как-нибудь сами, – говорит Райка.

– А ну!.. – сверкнул мужик глаза-

ми, а у самого желваки на скулах ходуном.

Видит Нюрка, что шутки плохи, юбку подхватила и уселась впереди мужика. Райка позади мужика пристроилась.

– А ну, игривый, поскакали! – скормандовал тот и скакнул вперёд.

Нюрка вначале не поняла, что надо делать, а когда получила коленкой под зад, заскакала в такт мужику. Боясь, что свалится с палки, Райка уцепилась за мужика и тоже скакать.

Скачет мужик, и Нюрка так же, как он, ноги подбрасывает. Райка не отстаёт, боится с палки свалиться. Тогда точно ей не сдобровать. А мужик в деревню рулит и прямо к Нюркиному дому... Вот тут-то и похолодело у кумушки внутри. Поняла она, на какой камешек присела. Хорошо бы хоть живой остаться. Не посмеет же мужик днём белым посреди деревни непотребное творить. А вдруг?.. Крикнуть бы кому, но, как назло, улицы пусты. Подевались куда-то сельчане, будто все вымерли.

Мужик притормозил у Нюркиного дома, и говорит:

– С тебя тысяча рублей, а с подружки твоей пятьсот.

– Почему это с меня тысячу, а с неё пятьсот? – возмутилась Нюрка.

– Ты ехала в кабине, а она в кузове, – рыкнул мужик.

Нюрка как раз наторговала на тысячу рублей. Извлекла она деньги, что в платочке носовом на груди прятала, сунула мужику вместе с платочком и бегом в дом...

Остановилась среди комнаты, вся взлохмаченная, лицо красное, потом обливается. Муж её Трофим вышел на стук и опешил.

– Ты откуда такая? – заволновался он.

– Муж-ж-жик, – заикаясь, стала рассказывать Нюрка о том, что с ней приключилось. И что деньги, которые наторговала, все до копейки отдала.

– Да ты в своём уме?! – взревел Трофим.

И тут вспомнил, как Фёдор мычал

про Шайтан-камень. “Вон оно что!” – заскрежетал он зубами. Думал, вернётся жена с деньгами, обмоют они удачную торговлю. А теперь ни денег, ни обмывки...

Со злости Трофим решил известить Шайтан-камень. Кувалдой на мелкие куски поколоть и в речку сбросить. Сам побоялся. Нанял мужиков. Четверть самогону им пообещал. А для начала пол-литра налил, да сала солёного в газетку завернул.

Приехали мужики к камню, разложили на нём закуску. Бутылку откупорили и только разлили по стаканам, камень накренился, стаканы наземь...

Осерчали мужики, за кувалды схватились. И только запахнулись, как старик откуда-то появился. То ли из лесу вышел, то ли из лога выполз. Говорит он им:

– Зачем вы крепкими словами сердитесь?

– Заматеришься небось. Этот Шайтан-камень самогонку на землю опрокинул.

– Буде вам, мужики. Есть у меня, чем вас угостить, – извлек старик из-за пазухи четверть самогону.

Мужикам-то невдомёк, как у старика бутылка за пазухой уместилась? Обрадовались, да за стаканы. Только старику стакана нет. Да и по его виду – ему не к спеху. Освободится посуда, тогда и нальют.

Опрокинули мужики по стакану самогону, смотрят друг на друга и на хохот исходят. Видят свиней и понять не могут, что каждый из них в кабана превратился. Когда опомнились – пропал старик.

Что делать – не знают. Решили податься по домам. Родственники увидят и догадаются. А там к колдуну... Чтобы расколдовать...

Но как ни хрюкали они – ни жёны, ни родственники, тем более, дети не могли понять пороссячьего языка. Загнали свиней в стайку к другим свиньям, и кормить вместе со всеми из одного корыта... Пытались мужики вырваться из плена, но их ещё крепче заперли.

Не дождавшись своих мужей, жёны решили пуститься на поиски. Вскоре нашли три обглоданных скелета. Лежали кости в ивовых зарослях, что недалече от Буравлёва лога росли. Посмотрели – вроде как человеческие. Только ни черепов, ни рук, ни ног не нашли. Решили, что их мужики погибли от серой стаи.

Похоронили они останки, а когда на сороковой день собрались поминки справлять, кабанчика решили заколоть.

Вывели они одного кабана, Трофим ножом под сердце его и!.. Кабанчик в Витьку превратился. Заохали, застонали, кругами забегали.

– Да как же так? Трофим Витьку зарезал!

Тот побледнел, дрожит, теперь до конца жизни ему в тюрьме гнить. Только Петька-сосед не растерялся. Пальцем дырку, из которой фонтаном хлестала кровь, заткнул, на телегу Витку закинул и до больницы...

Остался Витька живой. Нож в сантиметре от сердца прошёл. Когда окончательно поправился, тогда и рассказал, что случилось. Поняли деревенские, как расколдовать мужиков. Для этого надо кровь пустить. Отрезали ножницами овечьими у Сашки край уха, тот и обернулся в человека. А Кольке нос кулаком разбили.

С тех пор Витку кличут Витькой колотым, Сашку – Сашкой корноухим, а Кольку – Колькой кривоносим.

Забеспокоились деревенские, стали вспоминать и поняли: во всём Шайтан-камень виноват. Вот почему по весне вода в Буравлёвом логу бурлила и мост сносила. Тут же вспомнили, про старика, который среди лета на дне лога в сухой луже утонул. Посоветавшись, решили избавиться от Шайтан-камня. Унести его на другой край деревни, куда никто не ходит, и утопить вверх по реке.

Собрались сельчане все до единого. Посчитали, что побойтся сила колдовская разом на всех напасть. Так и получилось. Поддели ломом камень, затолкнули на полозья, запрягли коней

и уволокли камень на другой край деревни. Стоило им опрокинуть камень в реку, помутнела в ней вода, а потом забурлила, закипела и рыба с побелевшими глазами вверх пузом вниз по течению поплыла. Набросились собаки на рыбу, и стоило собаке проглотить рыбину, как тут же в конвульсиях падала несчастная и вскоре затихала. Была собака, и нет её. Но когда из воды вырвались десятиметровые фонтаны и забили в разные стороны, побросали люди ломы и бегом домой. Через сутки успокоилась река, но в первую весну так загуляла, что ближайший к деревне берег на глазах начал в воду оседать. На вторую весну берега уже вместе с домами в реку обрушались. Заволновались сельчане, и поспешили туда, куда камень скинули. Захотелось им исправить ошибку – вернуть камень на прежнее место. Но не нашли Шайтан-камня. А речка уже к могилкам подошла. Скоро гробы по воде поплывут. Попытались укрепить берега и речку обратно под увал отвести, но всё напрасно. Разве справишься с разбушевавшейся злой силой, что из камня вырвалась? Решили колдунов на помощь призвать. Но где их найти – никто не знал. А колдовская сила продолжает рушить берега...

КОЛДОВСКАЯ СИЛА

Старик закончил рассказ о Шайтан-камне. Но мне очень хотелось услышать про колдунов. Хотелось послушать и родителей. Я стал упрашивать старика.

– А ты уроки выучил? – строго спросил он.

– Завтра выучу, – сказал я.

– Какое завтра?! – запротестовал отец. – Поди, опять двоек нахватал.

– Я сегодня две пятёрки получил!

– Да ну?! – удивился отец.

– Посмотрите! – раскрыл я дневник.

В нём красовалось две пятерки – по математике и литературе.

– Молодец! – самодовольно смотрел отец в дневник.

Не удержалась и мать. Перевернула страницу дневника, и увидела выведенные красными чернилами пятёрки с четвёрками.

– И когда ты успеваешь? – удивилась она.

– Каждый день учу. Иначе мне дедушка сказок не расскажет. А учительница специально меня каждый день к доске вызывает. Думает, что я случайно выучил всего один раз.

– Он у вас молодец, – нежно прижал старик меня к себе. – Он и мне успевает помогать. Иначе разве смог бы я один столько досок прострогать?

– Я и рубанком умею! – стал хвастаться я.

– А фуганком? – спросил отец.

– И фуганком умею. Им, как рубанком надо. Но фуганок ещё для меня тяжеловат.

– Хороший растёт у вас помощник, – сказал старик.

Родители остались довольны похвалой. Смотрели на меня, и в душе радовались.

– Дедушка, так ты расскажешь мне сказку про колдунов? – спросил я.

– Я бы рассказал, но как твои родители?..

– Мам, пап... – умоляюще посмотрел я на родителей.

– Ну ладно, – согласились те.

Им самим хотелось послушать сказку.

* * *

Чтобы справиться с нечистой силой, вырвавшейся из Шайтан-камня, деревенские решили призвать на помощь колдовскую силу. Клин вышибается клином – считали они. Но не знали, что взамен придётся чем-то пожертвовать.

Чтобы наверняка всё получилось, решили привлечь двух колдунов. Если один колдун не справится – второй придёт на помощь.

Колдуны, получив приглашение, отправились в путь. Хоть и погоняли они коней, засветло прибыть не успе-

ли. Поэтому решили заночевать в соседнем селе, на краю деревни, где хозяин дома пускал путников на постой.

– Вы бы вещички с телег убрали, а то, не приведи Господь, воры стащат, – сказал Пётр, хозяин двора.

Поглаживая седую бороду, старый колдун зыркнул из-под густых бровей чёрными глазами, да так, что у Петра мурашки побежали по телу.

– Не бойся, уважаемый, за чужое добро. За своим лучше присматривай, – прохрипел он.

– Так вы того... – стушевался Пётр, – вроде как у меня остановились. Теперь я, вроде как, ответствен за ваше имущество. Но только не за то, что вы на улице оставили. Разве что за коней. Так их Сенька, сын мой, в конюшню отведёт и у дверей собак привяжет. Если что – они лаем спугнут воров.

– Эту ночь можешь спать спокойно, – криво улыбнулся безбородый колдун. Он годился старому колдуну в сыновья, но пытался выглядеть старше. Волосы отрастил до самых плеч. Смотрел не мигая. Приходилось отводить взгляд в сторону.

“И зачем я их впустил? – переживает Пётр. – Смотрят так, аж оторопь берёт. Взгляды, как у удавов. Недобрые люди. Впустил, теперь не выгонишь. Люди тёмные. Могут что угодно сделать. Никто не увидит. Забор-то вон какой высокий. Специально делал, чтобы от людских глаз можно было укрыться”.

Не подавая виду, что не рад гостям, Пётр проводил колдунов в дом и указал им постели.

Когда за окном стемнело, молодой колдун вышел на улицу. Что там делал – Пётр толком не рассмотрел. Видно было, как тёмный силуэт кружит вокруг телег. Вот он остановился, рукой над телегами покрутил, а потом вернулся, лёг в постель и так захрапел, что дом, того гляди, по брёвнышку рассыплется. Вскоре к нему присоединился и второй гость.

От такого храпа Пётр не мог сомкнуть глаз, не говоря о том, чтобы

хоть немного вздремнуть. Ворочался с боку на бок, проклинал постояльцев и себя корил за неразборчивость в людях. Ему ни разу не приходилось слышать такого храпа.

Как только забрезжил рассвет, Пётр выглянул в окно и замер. Склонившись над телегой, стояло три мужика. “Воры!” – мелькнула первая мысль. Он хотел выскочить и спустить на воров собак, но что-то непонятное задержало его у окна. Мужики стояли неподвижно, словно окаменели. Даже одежда на них не колыхалась.

Чтобы не спугнуть воров, Пётр тихо приоткрыл дверь и вышел на улицу. На цыпочках дошёл до сарая, выбрал кол поувесистей и закричал:

– Что это вы, сволочи, делаете?! Решили добрых людей обворовать и дурную славу про меня пустить?!

– Не бранись, хозяин, – не двигались воры. – Отпусти нас. Мы больше никогда не будем воровать.

Только сейчас Пётр увидел, что те с места сдвинуться не могут. Вроде как к телеге привязаны.

– Ну и как моя сила? – услышал Пётр за спиной голос, обернулся, и увидел на крыльце вчерашних постояльцев. – До конца жизни будут стоять, пока не помрут, – самодовольно улыбнулся молодой колдун.

Пётр ещё не знал, кого пустил на ночлег. Думал, что это путники на Синюху-гору за святой водой отправились.

– Сила твоя, говоришь, – поглаживал рукой бороду старый колдун, – вижу, сильная. Но моя ещё сильнее.

– Не губите нас! – взревели воры.

– Не воровстве дело, – сощурился молодой колдун. – Воровать, что колдовать. Но только знать надо – у кого.

– Мы больше ни у кого не будем!

– Смотрите, если хоть у одного из вас рука потянется за чужим добром, мы мигом вас превратим в живые статуи. А теперь пошли вон! – хлопнул колдун в ладоши.

И сразу же воры сорвались с места, и бежать прочь...

– Запрягай, хозяин, коней. Нам пора, – сказал колдун, дрожащему от перепуга Петру.

Тот коней в оглобли, хомут на шею и супонь затягивать... Только бы быстрее избавиться от таких гостей...

Приехали колдуны в деревню, но не столько, как спасти людей от разбушевавшейся тёмной стихии, сколько силушку нечистую одолеть и себе в услужение подчинить. И чем больше сил тёмных подчинят, тем сильнее станут. Как это будут делать – смотреть запретили. Ребяшня пыталась в кустах спрятаться, но такой ветер поднялся, такие вихри закружились, что дети с испугу по домам разбежались. А потом над деревней завывало и засвистело, небо почернело, солнце померкло, тьма на землю опустилась. Вихрями пыль в воздух подняло, в окна бросает, и кажется, будто кто когтями в стёкла скребётся. Рёв душевраздирающий попеременно с грохотом на деревню обрушились. Будто сам дьявол на землю спустился.

Не рады уже деревенские, что колдунов пригласили. Но как теперь от них избавиться? Возьмут, уймут Шайтан-камень, а потом за них примутся.

На третью ночь что-то ухнуло, потом бухнуло, да так, что земля дрожью затряслась и посуда в шкафах зазвенела, того смотри, дома перевернутся. И вдруг всё разом стихло, да так, что в ушах пустотой зазвенело. С непривычки страшно на улицу выйти.

Только, когда солнце взошло, вышли посмотреть, что наделали колдуны. Глянули – речка отклонилась в другую сторону. Никогда летом пловодья не было, а тут бурлит в реке вода, противоположный берег на глазах подмывает, обходное русло ищет.

Обрадовались люди и решили отблагодарить колдунов. Расставили на улице столы, накинули на них белоснежные скатерти, выставили яства разные. Не забыли и медку на стол поставить, чтобы веселье было веселей. А потом и сами за столы уселись.

Пьют, едят, а сами на колдунов по-

глядывают. Хочется узнать, о чём те думают. Но мысли колдунов напрочь от простых людей укрыты.

Вскоре мёд дал о себе знать. Повеселели люди и пустились в пляс. Рвёт на гармошке меха гармонист, люди за ним ногами поспеть пытаются. Кто вприсядку, а кто бестолково на месте топчется. Зато Райка красавицей среди всех выделяется. Дробь так отбивает, что пяток под собой не чувствует. А потом приостановится, раскинет вширь платок цветастый и частушки разбитные напевать. Только колдуны вдвоём за столами сидят и молчком за весельем наблюдают.

– Ну и где твоя силушка хвалёная? – наклонился молодой колдун к старому.

– Покажу я тебе, чем владею. Заодно и того, кто нам благоволит, отблагодарю, – сказал колдун, налил в стопку медовухи и незаметно рукой над ней махнул. Потом Райку подозвал:

– Давай, красавица, выпьем, чтобы ты была всегда такой красивой и весёлой. Чтобы всю жизнь песни пела, не перепела. Чтобы плясала, только дробь удаляя от твоих ног отлетать не успевала.

Невдомёк Райке, к чему клонит колдун. Навеселе уже была. А тут ещё большего веселья и на всю оставшуюся жизнь желают. Как не согласиться выпить? И опрокинула Райка стопку...

Уехали колдуны, а через три дня Райка не встала с постели. Лежит на кровати и ногами по воздуху машет, будто пляшет. Рот закрыт, а она песни поёт.

Бросился Денис вдогонку за колдунами, но тех след простыл. Даже где живут, никто не знает. И кто колдунов нашёл – тоже неизвестно. Получается – сами явились.

Вернулся Денис опечаленный. А жена непрестанно песни поёт и ногами пляшет. Месяц уже прошёл, а она не унимается и с постели не встаёт.

Отправились к знакомому колдуну в соседнюю деревню. Тот славился

тем, что только добро людям делал.

Райка, как увидела колдуна, так застряло её всю, будто горячка на неё напала. Колдун наклонился, чтобы в глаза ей, как в зеркало, заглянуть и колдовскую силу разгадать. Райка ему за бороду одной рукой хватать, а другой – лицо царапать... Колдун поймал её за мизинец и не отпускает. А потом надавил сильнее, та всё тише и тише... Потом размякла и выпустила бороду из рук. И ноги сами перестали плясать, и песни у неё закончились.

– Сильный колдун её заколдовал. На смерть, – задумался колдун. – Не справиться мне. Петь и плясать не будет, но долго не проживёт. Какой силой заколдовал – не знаю. Но очень сильной.

Только теперь Денис понял, какой силой завладели колдуны. Силой, что в Шайтан-камне сидела.

– Спасибо, – говорит он, – хоть от песен и плясок освободил ты мою жену. А то смотреть больно, как мучается она.

Умерла Райка. Всем селом её хоронили. Тогда-то и поняли, что за любую помощь, оказанную нечистой силой, требуется жертва.

ТОСКА ГОРБАТАЯ

Наступили тёплые дни. Воробьи весело щебетали, перелетая с ветки на ветку порозовевших клёнов.

Но мне было грустно. Почему – я не знал. Просто находит иногда непонятная тоска и не даёт ничего делать. Сидит человек и бесцельно смотрит в окно.

– Что с тобой случилось? – заметил старик мою печаль.

– Ничего, – вяло ответил я.

– Грустный ты сегодня. Даже сказку не попросишь рассказать. Вижу, тоска тебя одолевает.

Я промолчал.

– Если тоска тебя посетила, гнать её надо, – сказал старик.

– Как гнать, если покою не даёт?

– И не будет давать, пока ты её

не прогонишь. Давай, тебе расскажу сказку про тоску горбатую, и как её прогнали.

Я кивнул, и старик стал рассказывать.

* * *

В доме у купца Никодима поселилась тоска горбатая. Ничего ему не хочется делать, сидит днями напролёт у окна, скучает. Даже на улицу не выйдет свежим воздухом подышать. И стал он понемногу чахнуть. Того и смотри, совсем зачахнет, и пропал тогда мужик. На кого он оставит дочку свою единственную? На жену, мачеху дочери, на которой женился. А если умрёт? Недолго останется жить и дочке Василисе. В крайнем случае, по миру сиротинушкой пойдёт.

Раньше жил Никодим, не тужил, богатство наживал. Не для себя старался. Думал, нарожает ему первая жена детей, будет во что обусть и одеть. Но только дочку и успели родить. Умерла жена рано от непонятной болезни. Вскоре молодая и красивая девица в деревне объявилась, и Никодиму глаза протирать. Стоит ему на мельницу отправиться – она уже там. На базар – молодая тут как тут, разнаряженная, намалёванная глаза мозолит. А потом, то одно спросит, то другое... Так и окрутила купца. Тот не устоял и женился.

Живут они третий год, а детей нажить не могут. Не рождает ему новая жена. Ей бы радоваться, что дочь приёмную имеет, а она лютой ненавистью ненавидит её. Никодим думал, что это от того, что детей родить не может, потому и хмурил брови. А потом не заметил, как тоска горбатая в дом через порог переступила. Только кот к кровати подсакивает, фырчит, шипит и шерсть дыбом не нём. Видит тоску горбатую. А хозяйка молодая венником его:

– Что ты, тварь хвостатая, фыркаешь? Не я ли тебя пою, кормлю, каждый день молоко парное наливаю? Фыркнешь ещё раз, на воротник тебя пушу...

Кот поджимал хвост и прятался под печку. А когда хозяйка на улицу выходила, бросался под кровать и с кем-то дрался, да так, что шерсть клочками по дому летела.

Никодим вставал, под кровать заглядывал, видел только кота дерущегося с воздухом. Сказал об этом женушке молодой. Та в ответ, что взбесился кот. Убить его надо. Жалко Никодиму кота. Но что делать? Придётся избавиться от животины. Услышав это, вспылала жена от радости, обнимать мужа, целовать, ласковыми словами называть. Давно Никодим такой ласки не испытывал. Потому, он подумал, и тоска горбатая на него навалилась. И от нахлынувшего счастья он сгрёб кота в мешок, и понёс к пруду, где росли камыши. Навстречу ему нищий старик с сумой за плечами.

– Куда это ты, добрый человек, с мешком отправился? – опершись о посох, спросил он.

– Кот взбесился. Топить несую, – остановился Никодим.

– Не кота тебе топить надо. А того, кто у тебя на плечах сидит и тобой правит, – сощурился старик.

Вздрыгнул Никодим, мешок бросил, кот выскочил из него, хвост трубой и бежать до дому. Никодим крутится на одной ноге, за спину хочет заглянуть.

– Вон она, наперегонки с котом мчится. А хозяйка твоя дверь настежь открыла, рукой машет.

Глянул Никодим, но, кроме кота и жены, никого не увидел.

– Вон! Вон! – кричит старик. – В дом пытается первой заскочить!

Видит Никодим, что-то не то творится – жена резко дверь захлопнула, кот с разгона ударился в неё лбом и упал.

– Что же это, уважаемый, делаетесь? – удивился Никодим.

– Мне и самому любопытно.

– Тебе есть, где остановиться? – спросил он у старика.

– Было бы где, не бродил бы по миру.

– Пойдём, у меня поживёшь. Дом

на большую семью рассчитан. Только детей, кроме дочки моей, никого больше у меня нет. Напою я тебя, накормлю. А захочешь остаться, оставайся. Вижу, помотала тебя жизнь. Да и одежонка у тебя – одни лохмотья. Латка на латке, а в последней латке дырка. Зима уже скоро, замерзнёшь на улице.

– Спасибо, мил человек. Так уж и быть, чтобы тебя не обидеть, поживу я у тебя маленько, – согласился старик.

Но стоило им приблизиться к дому, как скрипнула дверь и на крыльцо выскочила мачеха. Руки в боки, глаза навывкат, щёки раздуваются, грудь от злости вздымается.

– Куда ты, – кричит, – грязного, вшивого и чахоточного ведёшь?! Ему в самый раз с собаками под заборами спать, а не в купеческих хоромах полы топтать!

– Цыц! – первый раз сдвинул купец брови. – Пока я в доме хозяин. Как скажу, так и будет. А тебе на кухне крутиться, обед готовить и полы мыть! Вот твоя доля, если ты мне детей нарожать не можешь.

Прикусила мачеха язык, в дом зачем-то нырнула. Вроде как кого-то прятать поспешила. Купец со странником в дом вошли, и кот за ними заскочил. Под печь спрятался, чтобы его не заметили.

Стоит купец среди комнаты и диву даётся – на столе закуски разные, да такие, которых он отроду не пробовал. И наливки, которых он никогда не покупал, да и на базарах ни разу таких не видывал.

– Откуда это? – спросил он у жены.

А та юлить:

– Тебя, ненаглядный мой, ждала. Думала, кота утопишь, отпразднуем это радостное событие. Что никого не поцарапал и не укусил. И слюну свою бешеную ни в кого не впустил.

– А дочка моя где?

– Дочка? – забегали у мачехи глаза. – Пошла до лавки. Конфеток к чаю купить.

Говорит, а сама врёт. Заявила доче-

ри, что отец её вместе с котом в озеро упал и утонул. А потом сунула ей сумку холщёвую и вытолкала в спину из дома. Нищенкой решила немедля сделать.

– Ну, садись, гость дорогой, – пододвинул табуретки купец к столу.

Уселись за стол, кушанья пробуют, да наливками запивают. А мачеха на кровать уселась, да пяткой машет, будто кому-то вылезти не даёт. И губами что-то шепчет, вроде как на кого-то сердится.

– Что это ты, красавица, шепчешь? – заметил старик.

– Да это я так... Здоровья вам желаю. Чтобы вы кушали и случаем не поперхнулись.

И тут купец зашёлся в кашле. Кусок хлеба встал поперёк горла. Но вовремя старик хлопнул ему ладонью по спине. Хлеб вылетел на пол и покатился под кровать. А из-под кровати рука лохматая с огромными когтями высунулась, схватила хлеб и под кроватью исчезла. Купец на колени... Но ни куска, ни руки лохматой... Нет никого под кроватью.

Кот из-под печи выскочил, к кровати и шипеть...

– Никак, хозяин, у тебя под кроватью кто-то сидит, – говорит старик.

– Никого не вижу, – стоит купец на коленях.

– А ты кота туда...

– В гости зашёл и хозяином себя почувствовал! – с визгом бросилась мачеха на старика и вцепилась ему в волосы.

Вскочил купец и кулаком по столу как громыхнул, что посуда подпрыгнула.

Испугалась мачеха и притихла, а сама глазами в сторону кровати сверкает, будто боится чего и в то же время на помощь кого-то шёпотом зовёт.

А тут кот взбесился, подпрыгнул вверх и закувыркался рядом с кроватью. Ревёт, лапами по воздуху машет и шерсть по дому летит, но не кота, как считал до этого купец, а кого-то ещё, невидимого глазу. Тут мачеха схватила хват, которым чугушки в

печь отправляют, и на кота... Но не успела. Старик посохом выбил из её рук хват. А кот под кровать закатился и там продолжает драться. И слышат из-под кровати крик:

– Выручай меня, дочь моя! Он всю морду мне раздерёт и глаза вырвет!

Побледнела мачеха, двинуться боится. То на купца глянет, то в сторону кровати взор направит. И тут из-под кровати выскочила старуха горбатая и к двери на кривых ногах бежать. А кот ей на спину, да волосы на голове драть...

Старуха на улицу, а мачеха за ней и кричать:

– Маменька! В лес беги, спасайся, пока собак на тебя не натравили!

Тут-то и понял купец, кого он у себя под боком пригрел. Ведьму злую кормил, поил, а та его погубить решила, а потом дочку его единственную порешить. Не верил купец дочери. Думал, что наговаривает на мачеху. А оно вон что оказалось. Правду говорила дочка. И вспомнил купец, что дочка давно уже с конфетами из лавки должна вернуться. Но за какими конфетами она пошла, коль на столе их целая ваза? И похолодело внутри у купца от страшной догадки. Догнал жену, поймал за косы, намотал на кулак, а вторым замахнулся для удара и говорит:

– Куда дочь мою подевала? Говори, иначе насмерть убью.

– Не убивай! Всё скажу, как есть. Оставь живой, и в лес меня к маменьке моей отпусти. Выгнала я дочь твою из дома. Беги за село, пока она не успела далеко уйти. Не успеешь догнать, по миру пойдёт дочь твоя.

Выпустил купец ведьму и поспешил за село. Ведьма метлу увидела, запрыгнула на неё и со свистом в сторону леса полетела.

Успел купец догнать дочь за околицей села. Вернулись они и упражнять старика, чтобы остался тот в их доме жить. Что не будут они его обижать, и нуждаться тот ни в чём не будет.

Но тот согласился пожить несколько дней, а потом сказал:

– Вы уж на меня не обижайтесь. Мне надо дальше идти, людям помогать.

– Тогда денег я тебе полную сумку насыплю, – открыл купец сундук, наполненный золотыми монетами.

– Из-за денег ко мне беда подступила, – потупил старик взор, – и всю мою семью погубила. Из-за них проклятых и тебя чуть не погубила и дочь твою чуть по миру не пустила. Не в деньгах счастье. Ты лучше хлеба краюшку мне в котомку положи, на том и хватит.

Так и поступил купец, хотя готов был половину своего добра этому нищему отдать. Долго смотрел он вслед стрикю. Не знал, что это был святой.

ГОВОРЯЩИЙ ГОРШОК

Уходя на работу, мама заставила чистить меня горшки с чугушками. Сижу я и оттираю их тряпкой с песком от нагара, образовавшегося от варки в печи.

Тру-тру, а пригар, как был, так и не исчезает. От бессилья я уже готов был расплакаться. Кажется, последние силы меня покинули, но эти противные горшки с чугушками никак не хотят быть чистыми.

Старик заметил, что моё пыхтение скоро перейдёт в плач. Он подошёл и присел рядом.

– Ну что, не отираются? – спросил он.

– Битый час тру, но всё бесполезно, – со злостью сжал я мокрую тряпку в руке и из неё на пол начали падать грязные капли.

– Надо привыкать к терпению. Кто умеет терпеть, тот и побеждает. А так, получается, что какой-то горшок с тряпкой тебя побеждают.

– Не могу уже!

– Раньше люди, когда трудились, песни весёлые пели. Поют песню и не замечают, как дело делается.

– Какие песни, когда внутри у меня уже всё кипит?

– Если песни петь не можешь, то давай я тебе сказку буду рассказывать, а ты слушай и чисть горшки. За сказкой не заметишь, как горшки с чугушками заблестят и станут как новенькие.

От чистки горшков с чугушками мне было не отделаться, а сказку хотелось послушать.

Старик начал рассказывать, и я не заметил, как мои руки сами без напоминания шоркали мокрой тряпкой с песком горшки с чугушками. Вскоре они стали блестеть, но я этого не замечал. А сказка, вот она, что рассказывал мне старик.

* * *

Жил был жадный барин. Всё, что ни увидит, хотел заиметь. Пусть даже это ему не надо, пусть даже урон это нанесёт его хозяйству, но не иметь того, чем владеют другие – барин терпеть не мог. Но, а если, кто становился богаче его, он от этого болел. Тогда долго мучили его мигрени. Приходилось жёнушке неделями не отходить от постели, накладывать мужу на лоб мокрые полотенца.

Его крестьяне жили бедно. Барин всё у них отнимал. Даже драную обувь и ту с их ног снимал. Считал: то, что людям нужно, денег стоит. А драная обувь ох как нужна была его крестьянам, но только не в соседних сёлах. Там крестьяне жили в достатке, никто их не обижал.

Но, обобрав своих крестьян, барин не знал, как можно ещё увеличить богатство. Что возьмёшь с нищих и дранных? Разве что вшей пригоршню, но своих хватает, не успеваешь чесаться.

Вот и задумался барин. Третий день сидит, подпёрши подбородок, в окно поглядывает и думу думает: почему другие бары богаче его живут. И решил он отправиться и спросить у них об этом.

Запряг коня, и поехал через лес напрямки, где уже лет двадцать не ез-

дил, боялся разбойников. Едет, а ему навстречу ремесленник на розвальнях горшки везёт на базар.

– Т-р-р-р... – натянул барин поводья. – Куда это ты отправился?

Ремесленник, притормозил коня. Он знал про жадного барина. Потому и отправился через лес, чтобы не встретить того.

– На базар горшки везу.

– Горшки, говоришь? – завращал глазами барин, хочет придумать, как отобрать хоть часть товару. – Так ты же по моей земле их везёшь.

– Рад бы не везти, но по твоей земле ближе.

– За это ты мне должен заплатить.

– Когда, барин, это было? Побойся Бога. У меня детей мал мала. Десять пацанов. Кормить их надо. Кроме ремесла у меня больше ничего нет. Этим я питаюсь.

– Десять голов, говоришь? Это хорошо. Много у тебя помощников. В десять раз больше товару наделать можешь. Поэтому, четверть твоего товару по закону мне принадлежит.

– Как же так, барин? Я делал, а тебе отдать?..

– Или ты хочешь, чтобы тебя схватили, отпорол и в яму долговую кинули? Думаешь, мне не жалко твоих детей? Потому и четверть всего прошу.

Видя, что дела его плохи, ремесленник начал снимать с розвальней горшки. А барин гладит горшки, красной эмалью блестящие, да нахваливает:

– Хорошие ты делаешь горшки. Глину-то где берёшь?

– Не в твоей земле, барин. Наничейной полосе, где речка протекает, и берег глиняный размыла. В том берегу самая лучшая глина.

– Речка, говоришь, – вращает барин глазами. – Она же из моих земель течёт и глину ту смачивает. Так что к этой четверти горшков ты ещё половину должен мне отдать. А не захочешь...

Упал на колени ремесленник, руки на груди скрестил, и умолять. Знает,

что барину больше веры, чем простому ремесленнику.

– Что ты расплакался? – воротит барин нос. – Найдёшь, чем детей прокормить. У тебя четверть горшков осталась. Поезжай и продай. А мои тут оставь.

Барину горшки вовсе не нужны. Пусть они тут в лесу останутся. Пусть их зверьё на черепки расколет. Но только чтобы не людям... Разбогатеть, видишь ли, захотели...

Разгрузил ремесленник горшки, а сам утешает себя. Пусть не купит детям подарков, зато муки сможет немного прикупить и не оставить детей голодными. И только тронулся на базар, как услышал за спиной крик:

– Постой, уважаемый!

Обернулся, а барин держит черепок от расколотого горшка и что-то внимательно рассматривает.

– Так ты, уважаемый, вперемешку с золотыми чешуйками горшки делаешь.

– Как? – опешил ремесленник.

– А так! Вот оно блестит! – ткнул он пальцем.

– Не вижу ничего, барин, – присматривается ремесленник к черепку.

– Если ты слепой – это твои проблемы. Вода из моих гор вытекает, частицы золота из них вымывает. Сам в песке видел.

– Так это слюда, барин, золотом на солнце сверкает.

– Какая разница! Что слюда, что золото, всё из моих гор... Так что все остальные горшки тоже мои, – повысил он голос. – И конь твой с телегой по праву мне принадлежат. Потому, что ты много до этого горшков продал и со мной не рассчитался.

– Не губи барин! – взмолился ремесленник. – Ты же всю мою семью на погибель верную отправляешь!

– Ладно, – смягчился барин. – Горшки я забираю, а коня с телегой тебе оставляю, чтобы было на чём тебе глину возить. А за это ты будешь работать на меня.

– Но как же так? Мы, ремесленни-

ки, ни от кого не зависим. Об этом сам царь-батюшка пишет.

– Хочешь, чтобы я и коня у тебя отнял?

Видит ремесленник, что на чужой земле не доказать своей правоты, разве что можно голову потерять. Поэтому согласился работать на барина.

Разъехались они по сторонам. Барин на базар с горшками отправился, а ремесленник повернул коня обратно. Едет, а у самого слёзы по щекам: “И зачем же я по земле этого жадного барина поехал? Как же я голодным детям в глаза смотреть буду? Как же мне им объяснить, что отец их неудачник?..”

Навстречу ему старик с седой бородой, которая чуть ли не по земле стелется. На плечах одежда, вроде накидки, чёрная. Остановился старик, опёрся на посох и спрашивает:

– Что это ты, мужик, плачешь?

– Как мне не плакать? – и рассказал, что с ним случилось.

– Не переживай слишком. Сделай мне горшок аршина в два высотой, чтобы в нём мог человек уместиться. За это я тебе щедро заплачу.

– Где видано, чтобы такие горшки в хозяйстве надобны были? – засомневался ремесленник.

– Не для себя я горшок заказываю. Тебе хочу помочь. А чтобы ты не сомневался, вот тебе аванс, – кинул в телегу золотой червонец старик.

Увидел ремесленник, сколь щедр старик, обрадовался. Он готов был за два медных гроша горшок сделать. А тут такие деньги!

– Горшок будешь делать ночами на чёрную луну. Для этого тебе три дня дано, – назвал старик ночь днём.

Вот тут-то и дрогнул ремесленник. Понял он, что за старик перед ним.

– Ты меня не бойся, – говорит тот. – Не ты мне нужен. Барин мне нужен. Слишком много он чёрных дел надделал. Нам такие в услужение нужны, – сказал и исчез, будто во сне приснился. Только червонец золотой на солнце сверкал, да глаза слепил, подтверждая, что это не сон.

Как просил старик, так и сделал ремесленник. Встретились они на том же месте, где расстались. Старик заглянул в горшок, рукой внутри поводил, качество изделия проверил, а когда вынул руку, золотые червонцы в ладони оказались. Отсыпал старик ремесленнику целую горсть червонцев. А в это время барин, пытаясь от тяжести живота, в карете ехал. Как увидал, что старик золотые червонцы из горшка достал и голодранцу отсыпал, так глазами от жадности засверкал и, раздувая щёки, закричал:

– Этот горшок мой! Он со мной пожизненно должен горшками рассчитываться!

– Твой, говоришь? – улыбнулся старик. – А чем ты докажешь?

– Тем, что и ты! – на ходу соскочил барин с кареты и в горшок нырнул.

– Ну что, нашёл? – заглянул в горшок старик.

– Нашёл. Только вот выхода найти не могу.

– Зато червонцев золотых у тебя столько, сколько ни у одного царя в хранилищах нет. Теперь ты до конца жизни самый богатый человек.

– Но зачем мне такое богатство, если я им воспользоваться не могу?

– Я в этом не виноват. Ты же сам в горшок залез. Сам и вылезай. А если не вылезешь, там и живи. А ну давай, помоги мне в карету горшок погрузить, – сказал старик ремесленнику.

– Но карета барину принадлежит, – опешил ремесленник.

– Ему самому. Его мы и грузим.

Задрожали у ремесленника руки, но помог он старику погрузить горшок. Сам думает: “Кабы со мной, что ни сделал?”. А старик будто читает мысли:

– Не бойся меня. Ты своё дело сделал и честно заработал деньги.

– Чтобы за какой-то глиняный горшок и столько денег!..

– Э-э-э, ты не понимаешь. Этот горшок мне столько денег принесёт, что те червонцы, которые я тебе отсыпал – ничто, по сравнению с тем, что я получу.

– Выпустите меня! – взревел барин.

Ремесленнику и жалко барина и боится он, что выпусти того на волю, припомнит про горшок. Говорит старик:

– Хочешь выпустить, выпусти.

Ремесленник заглянул в горшок, и его бросило в дрожь. Горшок был пустой, только голос из него вырывался:

– Выпустите меня!

Запрыгнул ремесленник на розвальни, да погонять коня... А старик отравился на базар. Когда приехал, остановился посреди площади и громко закричал:

– Подходите, люди добрые, посмотреть на горшок волшебный! Он говорит человеческим голосом! Кто хочет поговорить с ним, пусть кинет внутрь монетку, да хлопнет по горшку ладонью!

Разобрало людей любопытство. Никогда не слышали, чтобы горшки разговаривали. Кидают внутрь монеты, да хлопают ладонями по горшку. А изнутри голос:

– Не бейте! Голову мою разобьёте!

Люди заглядывают в горшок и никого там не видят. Гогочут и продолжают потешаться. Много старик денег заработал, пока не дошли до царя-батюшки вести про волшебный горшок. Вызвал он старика, тот и показал ему говорящий горшок. Царю захотелось занять удивительную посуду. Ни у одного царя такого чуда нет. Будет чем гостей иноземных удивлять. Но старик не уступает горшок. Лишь когда предложил царь-батюшка два сундука золотых червонцев, только тогда и продал ему горшок.

Хвалится царь иностранным послам диковиной штукой. И королям горшок показывает. Всех удивляет, какое чудо в его землях имеется. Цокают те языками, да головами покачивают. А царь говорит им, что это горшок не простой, а боевой. Что воины в них сидят. И таких горшков у него тьма тьмуца в подземельях хранится. Видя, что царь обладает дюжиной волшебных горшков, боятся инозем-

цы на царя не только войной пойти, словом лишним бояться оскорбить. Опасаются, кабы тот сам на них войной не пошёл. Поэтому на всякие уступки идут.

А тут приехал визирь заморский, весь в жемчугах и изумрудах. Увидел царь, что богат тот, что можно и с него взять за просто так жемчуга с изумрудами, стоит только горшок гворящий выкатить из подвала.

Но не успел похвастаться царь горшком, тот на бок опрокинулся и покатился по ступенькам, а когда ударился о последнюю ступеньку, раскололся. Тут барин выскочил, и убежать, но не успел. Нагнали того стражники и к царю батюшке привели.

Осерчал царь, готов голову рубить барину. Кричит:

– Ты зачем в горшок забрался?!

– Не виноват я в этом, царь батюшка, – взмолился барин.

А царь батюшка поддел ногой барина и спрашивает:

– Кто же тогда виноват? Разве не ты в горшок залез и разбил его?

– Залезть-то я залез, только вылезти не мог. Заколдовали меня в горшке. Хорошо, что он раскололся и выпустил меня из плена.

– Кому это хорошо? Мне? – взбеленился царь и посохом по спине барину. – Давно мы войны не видели и богатствами нас одаряли. А теперь увидят мою слабость и с войной на меня двинутся. Эй! – крикнул он стражникам. Заковать его в кандалы да на рудники отправить. Имуущество же его крестьянам раздать.

Так и поступили. Зажили хорошо крестьяне. Никто их не обижает, и нажитое имущество не отбирает. Сам царь приезжал посмотреть, да иностранцам показать, как живут его поданные. Хорошо стал жить и ремесленник. Он еще десяток детей нарожал. Ходил в лес, хотел поблагодарить старика. Но тот не объявился и больше не встречался. Куда он делся – разве что самому старику известно.

САВВУШИНСКОЕ ОЗЕРО

– Дедушка, а почему не разрешают заплывать на середину Саввушинского озера? – спросил я как-то старика.

– На середину озера, говоришь? – задумался дед Ерёма, а потом ответил: – Старая это история. Когда я был такой же маленький, как ты, рассказывали старики, что посередине озера появлялся опасный водоворот. Кто попадал в него, исчезали навсегда.

– И что, никто потом пропавшего не видел?

– А где увидишь, если даже щепки от лодки на берег не выкидывало?

– Куда же всё девалось? Не мог же человек исчезнуть бесследно. Если утонет, рано или поздно всплывёт. Вон у нас на речке по весне перевернуло лодку, так потом нашли утопленников. Они за коряги зацепились.

– То на речке, а то на озере.

– И ты ничего не знаешь про водоворот?

– Ну, как не знать? Знаю. Старики рассказывали. Но вот помнит ли кто об этом сейчас?

– А ты мне расскажешь?

– Только страшная это история.

– Расскажи мне, дедушка! Ты же знаешь, я ночами ничего не боюсь. Не испугаюсь и в этот раз.

– Ну, если не побоишься, тогда слушай...

* * *

Красиво Саввушинское озеро. Особенно летом. И нет отбоя от отдыхающих. Ещё издали видишь на берегах его огромную каменную черепаху. Ползла та из далёких краёв и решила отдохнуть на берегах этого удивительного озера. А вон и слон опустил хобот к земле и зорко наблюдает за тем, что творится вокруг. И каменные богатыри зорко следят за порядком вокруг. А люди купаются, загорают, веселятся. Но чтобы подплыть к середине озера... Боже упаси! На это никто не осмеливается. Ещё старики говорили, что нельзя заплывать далеко.

Были смельчаки, но о них по сей день ничего не известно. Но говорить-то говорили, но вспомнить, кто исчез – не могли. Якобы давно это было. Но с тех пор середина озера оставалась под запретом.

Стоит смельчаку подплыть на лодке, как начнет её кружить и к середине озера тянуть. Сначала незаметно, а потом, когда опомнишься, поздно будет. Как ни налегай на вёсла, не выплывешь. Водоворот образуется неожиданно. Вроде как по чьёму-то заказу. Почему это случается – никто не знал. Говорят, бросали на середину озера бочку, а потом она неожиданно исчезала. Через месяц-два находили только щепки от неё и то – на берегах другого озера за два десятка вёрст.

Не хотел испытывать судьбу и Семён Крягин. Молодой красивый парень женился на дивчине из соседнего села. Говорили ему: “Яблоко от яблони далеко не падает”. Будущая тёща слишком уж лютая. В доме барыней жила. Сидит в кресле и повелевает. А муж мечется, коров доит, в поле один ходит. Всех обстирывает и обедами кормит. А вечером своей жёнушке ноги моет, а потом спать укладывает и на ночь песенки убаюкивающие напевает.

Не послушал Сенька добрых людей. И как послушаешь, если истинно говорят: “Любовь зла – полюбишь и козла”. Вот и влюбился он в Антонину. Когда нарожали детей, тогда и деваться некуда. Антонина пуще матери стала. Терпел Семён, пока на ноги детей ставил. А когда поставил, решил судьбу испытать. Всё равно жизнь не мила. А тут разговоры пошли, будто царство подземное, как государство отдельное под озером имеется. Кто в него попадёт, тот возвращаться не желает. Говорить-то говорили, но всё равно страшно как-то в государстве подземном оказаться. Вдруг это враки. Царство-то подземное, а что под землёй, то нечистью наполнено. Нечисти не счесть, поэтому ей во мраке сподобней укрываться и всякие пакости там замышлять.

Но Семёну на белом свете нисколько не легче. Каждый день, темней предыдущего. Жизнь ему совсем не мила. Готов уже руки на себя наложить. Но тут вспомнил он про озеро. И впервые за последние годы вдруг проявил любопытство. Захотелось Семёну посмотреть, что там, на середине озера. Если пропадать, то и без того хотел на себя руки наложить. Но перед смертью хоть тайну узнать... А если живым останется – будет что людям поведать.

Сел Семён в лодку и взялся за вёсла.

Мелкая волна мягко ложилась на берег. Озеро всегда было живое. Даже в тихую солнечную погоду оно дышало, как дышит живое существо. Набирает полную грудь энергии, а потом медленно выдыхает.

Гребёт Семён, и вдруг ему навстречу крутая волна. Откуда она взялась? На улице полный штиль и солнце в зените – голову печёт. Волна с разгону бьёт в нос лодки, вроде как пытается её развернуть. Но Семён не сдаётся, налегает на вёсла. И вот она – середина озера. Лодка остановилась на месте. Ни волны, ни ряби. Замерло озеро в непонятном ожидании. А на улице такая духота, что захотелось Семёну в воду окунуться. Стоило ему, скинув одежды, уцепиться за край лодки, как озеро пришло в движение. Закрутилось, завертелось всё вокруг. И солнце по небу завертелось кругами. Выскользнула лодка из рук Семёна и исчезла куда-то. Понял Семён, что не остаться ему живым. Утонет, как тонут все и достанутся его косточки рыбам. И не узнают люди всей правды об озере. Впрочем, что людям, когда ему самому не узнать. А вода норовит через нос и в лёгкие... И вдруг откуда-то снизу послышался оглушающий грохот и шум падающей воды, будто там внизу огромнейший водопад рушил гранитные скалы. Но недолго слушал Семён эти звуки. В круговерти закружилось и его голова. Хотелось думать, но не думалось. Хотелось кричать, но не кричалось.

Только волоса на голове щетиной встопорщились. “Вот и смерть пришла”, – мелькнула мысль, и тут же что-то схватило его за ноги и вниз потянуло. Ощущалось одно лишь падение. В глазах совсем потемнело, и больше Семён ничего не помнил.

Не слышал он, как прекратился грохот, и наступила тишина. Лежит, ноги вытянул и руки сложил на груди, вроде как покойник. Не хочется и глаз ему открывать. Впервые покой и тишина, о которых приходилось только мечтать. “Эх, в жизни бы так. А я как попало... Как нелюдь. И за что мне такое? – вздохнул Семён. И тут его будто иголкой пронзило насквозь: – Мёртвые-то не думают...” Вскочил он, смотрит: над головой хрустали сверкают, а он в лодке, которую покачивая, пещерная река медленно вниз несёт.

Хватъ Семён за вёсла, а вёсел нет. Попытался руками грести, но будто и не грёб. Лодка как плыла, так и продолжала плыть. Будто тут под землёй другие законы. Плюхнулся Семён в лодку и затужил. Лучше на белом свете туго жить, чем здесь под землёй в неведении быть. И только он раскручинился, распечалился, как лодка выплыла в огромный зал, на сводах которого алмазы звездами сверкают, да так, что семью самоцветными лучами слепят. А посреди озера-океана остров, а на нём райские яблони с медовыми яблоками. И птицы волшебные песни поют. Вроде как земные сирены. А под яблоней девица парня молодого убажает, яблоком медовым кормит и песни любовные поёт.

“Эх, мне бы такое счастье”, – только и успел подумать Семён, как оказался в объятиях той самой девицы. А парень куда-то исчез.

– Идём милый, – райским голосом поёт девица, – настрадался, намучился. Теперь мы тебя ласкать будем.

И птицы ей в такт клювы раскрывают. Семён смотрит на птиц, те вроде как живые, но на механические похожи. Хоть и крылья расправляют и пёрышками трясут, но всё как-то

неправдоподобно. И цветы запахи дивные источают, но не такие, как на земле, а дурманящие. Семён втянул побольше аромату, захотелось вдоволь надышаться, и закружилась у него голова. Девица ему яблоко медовое в рот совать. А с него мёд каплями стекает. Не хочешь – лизнёшь.

“Впрочем, какая разница, – подумал Семён. – Хотя тут я в любви и ласках поживу. И мёда вдоволь налижусь. Вон он, каплями с яблок стекает и траву увлажняет. Потому цветы тут такие красивые растут. И птицы сытно крыльями трясут. И делать ничего не надо. Только блаженно лежать и рот иногда открывать. Даже думать не надо”.

Лизнул Семён яблочного мёду и провалился сознанием в пустоту. Хочет помыслить, но не может. Только видит, что красавица куда-то исчезла. Семёна вверх под своды приподняло, и тело его по воздуху поплыло. Вроде как никто его не несёт, а тело перемещается. Чудо-юдо, одним словом. Проплывая мимо обрыва, голову повернул, а там люди в кипящей смоле кувыркаются, стонут и на берег царапаются, а черти баграми людей за шею ловят и назад стаскивают. А тот парень, которого ласкала девица, поднялся на мост, что перекинут на другой остров, мост развёрзся, парень в пламень упал и в пекло свергся.

Дурман-то с головы Семёна спал, и задвигал он членами, а сам думает: “Куда это я попал?”

Тут-то опять девицы полуобнаженные красивее прежних объявились. Вроде как из воздуха нарисовались. Окружили Семёна и пуще прежнего ласкать и яблоки медовые в рот совать. А другая цветами ему в нос ширяет, чтобы он ароматом дышал. Семён спрашивает:

– Куда это вы меня тащите?

– Разве ты сам этого не хотел? Ты же на том свете, – хором отвечают девицы.

– На каком это том? – недоумевают Семён. – Тот свет на небе должен быть. Там Господь Бог обитает.

– Тот свет не только наверху, но и в царстве подземном. Тут тоже райские яблоки растут. Разве ты их не кушал? Так возьми, откуси, – тянет девица яблоко.

Глянул Семён, а у девиц хвосты рыбы. Вспомнил он, как рассказывали, что русалки – это красны девицы умершие незадолго до свадьбы.

Оттолкнул Семён русалку, яблоко выкатилось из её руки и к обрыву покатилося. И тут на глазах Семёна девица в ящерицу четвероногую превратилась и, извиваясь, за яблоком устремилась, на самом краю обрыва пастью поймала.

Семён как увидел это, так повисших на нём девиц стряхивать... Понял он, куда попал. К обрыву его несло, чтобы в смолу кипящую скинуть.

– Угомонись! – превратившись в злых старух, зашипели девицы. – Разве ты не того хотел, когда в иной мир на погибель свою душу отправлял? Ей теперь тысячу лет в смоле кипеть, пока не усохнет. А потом мы чертям на одежку её пустим.

– Я из любопытства хотел посмотреть водоворот. И вообще, не собирался я себя убивать. Я живой!

– Как? – отпрянув, затряслись старухи. – Разве ты не хотел погубить себя?

– С какой стати? Я только посмотреть, что тут, и назад вернуться... Вон и лодка моя плывёт, – увидел лодку Семён и прыгнул в неё. В ключевинах лодки оказались потерянные вёсла.

А старухи в крокодилов превратились и, подняв потоки брызг, кинулись вдогонку за Семёном. Тот, видя, что погибель настигает, схватился за вёсла и грести, что было сил. А крокодилы мчатся, рассекая телами поверхность реки, да зубастыми пастьми щёлкают, хотят ухватить беглеца и в реке утопить. Ведь не знала нечистая сила, что Семён живой и вовсе себя не губил. А в подземном царстве должны быть души только мёртвых людей. Потому они не хотят его выпускать живым из царства своего.

Чтобы, вернувшись, он не смог рассказать об этом людям.

Но если Семёну до этого жизнь была немила, то увидев, что твориться с грешниками, он так полюбил жизнь, что готов за неё сражаться хоть с самим дьяволом. Но тому, видать, некогда заниматься таким мелким делом, как Семён. У того дела покрупнее. Например, войну организовать. Там тысячу душ за один день можно собрать. Вот и доверил он Семёна своим помощникам.

Гребёт Семён, что есть сил, выдыхаться стал, а крокодилы уже за корму зубами хватают. Видит Семён, что в отдалении свет дневной светит, повернул туда лодку и выплыл на свет Божий. Глядь-поглядь, а крокодилов не видать. И вход в подземное царство исчез. Речка же оказалось его родной. Она из-за горы вытекает и, извиваясь, в озеро Саввушинское впадает. Семён заплыл в озеро и направил лодку вдоль берега. Не хочется ему судьбу ещё раз испытывать. Плывёт, а на озере никого, будто все вымерли. Домой зашёл, а в доме тишина. Пару раз жену кликнул, та не ответила. Почувствовал Семён, что усталость на него навалилась. Прошёл в чулан, упал на кровать и крепко уснул. А когда проснулся, слышит – в доме смешки игривые. Открывает дверь, а там чёрт с его женой милуются. Схватил Семён хват, да чёрта за шею и в окно выкинул. Жена взбеленилась и как прежде решила на Семёна наскочить. Но и её Семён за шею хватом и следом за чёртом послал. Та кричит:

– Прости грешную, я нечаянно с чёртом связалась! Пришёл он мне горькую весточку сообщить, что ты покончил сам с собой и в смоле кипящей варишься!

– Уйди, ведьма! Ты всю жизнь мне портила! Уйди, пока не зашиб, или пока люди не узнали, кто ты!

Собрала ведьма вещи в узелок и ушла неведомо куда. А Семён лёг в постель и крепким сном до самого утра проспал. А когда проснулся, то всё людям рассказал. Те не верили

ему и посмеивались. Но с тех пор стали побаиваться заплывать на середину Саввушинского озера. А жену его видели в соседнем селе. Объявлялась она как-то на базаре под ручку с кривоногим мужичком. Тот ещё странно вилял задом. А когда смеялся, то смех его был похож на хрюканье поросёнка.

Вот так в жизни и бывает.

ВОЛШЕБНЫЙ КОВЁР

– Дедушка, а про ковры-самолёты ты знаешь сказки? – спросил я.

– Нет, не знаю, – отложил в сторону рубанок старик.

– Ну, как же так? В восточных сказках рассказывают про ковры-самолёты, а в русских сказках про них ничего нет.

– Восточные сказки на то они восточные, потому что там издавна ткали ковры.

– А у нас?

– У нас ткали половики.

– Чтобы про половики и сказка?..

– А почему бы и нет? Что где делали, про то и рассказывали. Ну, если ты не хочешь слушать сказку про половики, тогда не отвлекай, – взялся старик за рубанок.

– Расскажи, дедушка! – стал я упрашивать старика.

– Ну ладно. И про ковёр расскажу и про половики, – сдался тот.

* * *

Поздно вечером в дверь постучали.

– Глянь, кого там черти носят, – приказал барин мальчугану.

На пороге стоял старик с седой бородой и нечесаной шевелюрой. На плечах его висел мешок, поверх мешка скрученный в рулон ковёр.

– Здравствуй, хозяин добрый, – сняв потёртую шляпу, поклонился старик.

Барин после сытного ужина развалился на диване. Казалось, что это огромный живот повалил на диван

своего хозяина. Барин неуклюже двинулся, но живот всей массой прижимал его к дивану. Не желая больше двигаться, барин кашлянул в кулак:

– Кхе-е-е, – а потом, лениво зевнув, спросил: – Зачем добрых людей беспокоишь. Пол грязными ногами топчешь, – кивнул он лапти старика.

– По белу-свету хожу, истину ищу. Да заночевать к добрым людям захожу, – присказками заговорил старик.

“Хитёр, бестия. Добрым человеком меня называет. Будь моим холопом, по-другому бы заговорил. На задние бы его дворы, да по спине плетьюми... Отхлещи его и не пусти заночевать, возьмёт, по свету пойдёт и расскажет, какой я злой и жадный. Впрочем, в хлеву со свиньями место всегда найдётся, – заулыбался барин. – А вдруг это сам Господь ко мне под видом нищего...” – от такой догадки похолодело внутри.

– Слышал, дочь у тебя падучей болезнью болеет, – не дожидаясь приглашения, прошёл в комнату старик и скинул на пол сумку.

“Откуда он об этом знает? Я же от всех скрывал. Точно, это непростой человек. Придётся у порога ему постелить”, – подумал барин. А сам вслух:

– Ты не ошибся. Меня действительно беда посетила. Девка на выданье. Красавица. Только, когда грудная была, молния сверкнула и напугала её. С тех пор падает, пена изо рта, руки и ноги у неё выворачиваются. Не знаю, как там тебя звать, что делать.

– Зови, просто, Кузьма из соседнего села.

– Такого не знаю.

– Кто нас, нищих, в лицо величает? К тому же, я только что от соседа твоего...

– Как он там? Громко кричит?

– Открчался.

– Господи! Прими душу его грешную, – перекрестился барин.

– Рано хоронишь. Я грыжу нитками заштопал.

– Неужели? – выпучил барин глаза.

Это бельё штопают нитками. Но чтобы грыжу у живого человека...

– Тебя тоже, похоже, мозоль мучит, – улыбнувшись, старик кивнул на живот.

– Не знаю, как избавиться. Всё перепробовал. Столько денег лекарям за настойки разные отдал. Ничего не помогло. А может ты?.. – с надеждой уставился барин на старика. – Озолочу...

– Жрать меньше надо, – грубо сказал старик.

Барина перекорёжило. Чтобы с ним, с такой важной персоной, и так разговаривали... В другой бы раз за шиворот и собак наравил. А тут опять крик из дальней комнаты. Вмиг весь дом пришёл в движение. Некогда старика гнать. Барин, кряхтя, встал с дивана.

– Вода святая есть? – остановил его старик.

– Есть. Только зачем она тебе? Батюшка трижды окроплял дом, молитвы читал, кадилком кадил. Каждый угол обошёл. Ничего не помогло.

– А ну, воду быстро!.. – приказал старик.

Барин, не привыкший, чтобы им командовали, почему-то подчинился старику и сам вынес из чулана бутылку с водой. Старик наполнил стакан, вышел на улицу, и стал что-то шептать. Вроде как колдовал. В свете луны отражалось его бледное лицо и костлявая рука.

“С нечистью якшается. А я его в дом впустил. Метлой поганой его надо гнать”, – смотрел барин в окно. Но когда старик трижды перекрестил воду, сомнения исчезли.

– Окропи свою дочь. Молитву “Отче наш” трижды прочти. Потом дай выпить. Больше делать ничего не надо. Вскоре поправится твоя дочь, – вернувшись, протянул стакан старик.

Барин не верил. Слишком уж просто у старика получается. Другим он вон сколько денег отдал. Не помогли. А тут старик какой-то, можно сказать, дунул, плюнул и вылечил. И чем? Водой простой из проруби в крещенские

морозы набранной... Но всё же, чем чёрт не шутит. Сделал барин, как сказал старик. Дочь вначале сопротивлялась, но барин силой влил ей в рот воду. Задержалась дочь, как змея извиваться стала, а потом что-то чёрной дымкой вместе с криком вылетело из её груди и через потолок исчезло. Затихла дочь, вроде слабость на неё нашла, а потом приподняла ресницы и смотрит на барина осмысленно. Обрадовался тот и под руку поднимать дочь. Наконец-то узнала своего отца. Встала та и, как ни в чём не бывало.

– Неужто помогло? – не верит глазам барин. – Спасибо тебе, добр человек. Ты, подикась, спать хочешь. Пойдем за печку. Там тепло. Агафья! – крикнул он служанке. – А ну постель гостю!..

Появилась служанка, молодая крепкая девица и постелила старику за печкой, где обычно после отёла зимой держали телят, пока те не окрепнут.

Старик уснул быстро. Видать, устал от долгих странствий. И тут барин обратил внимание на сумку. Но не содержимое его заинтересовало, а ковёр. Слишком он новым смотрелся и не сочетался с поношенным хозяином. Не своровал ли у кого старик этот ковёр? А вдруг своровал, а барин его в дом...

Развернул барин ковёр, и от чудной красоты перехватило дыхание: “Сразу видать – персидских рук работа. В Рассеи таких не делают”. Потом глянул на ковёр, что над диваном который год пылился, и перекорёжился, будто лимон вместо яблока откусил. И жадность опять овладела барином: – “Надо, пока спит, подменить ковёр. Нет, со стенки жалко. Накручу старых половиков, что в сенях на полу... Много ли старику надо? Ему вскоре и так помирать. А половики ещё года два послужат”. Как подумал, так и сделал.

Утром, не напоив даже пустым чаем, барин выпроводил старика в двери. Когда тот скрылся из виду, только тогда и успокоился. Подними старик крик в доме, обвинили бы

барина в воровстве. Пришлось бы тогда на прислугу свалить. А потом, грех на душу взять, на заднем дворе бичом отстегать, чтобы больше не воровали. Теперь же старик на улице, пусть сам за себя отвечает. А если шум поднимет, у барина денег столько, что любого городского вместе с начальником жандармерии купит. А потребуется, лучшие адвокаты могут к самому царю подобраться...

И только он упомянул царя, как с великой вестью прискакал всадник. Царь-батюшка на день рождения старшего сына приглашает всех, у кого дочери имеются. Забегал барин, не знает что подарить. Надо что-то такое, чтобы царь на купца с его дочкой внимание обратил. А там, смотришь, и сватов зашлёт. И тут он глянул на ковёр. Никто такого подарка не подарит. Самый настоящий, персидской работы. К тому же, кто плохой подарок преподнесёт, тому бока намнут и в шею вытолкают. Барин не раз сам это делал. Поэтому надо не прогадать с подарком.

Утром запрягли тройку лучших коней, нарядили дочку, будто королеву заморскую, а на дрожки положили ковёр у старика сворованный. Гикнул барин на коней, щёлкнул бичом и помчались кони вихрем.

Царь уже у порога встречал гостей и принимал подарки. Дошла очередь и до барина.

– Ваше величество, – упал на колени барин, и целовать царю сапоги яловые, – не сочти за наглость, прими ковёр заморский с узорами дивными от меня и от моей дочери единственной, – сказал и ловким движением расправил ковёр перед царём. – Для тебя, батюшка царь, берёт.

Но царь не на ковёр смотрит, а дочкой барской любит. Хороша красавица, прямо сыну в жены... Шагнув царь к красавице и ногой на край ковра ступил. Тот колыхнулся, вроде как живой.

– Эй! – крикнул царь слугам. – Повесить ковёр над моей кроватью!

Слуги подняли ковёр и повесили

его в царских палатах над кроватью резной.

– Что же ты, купец, такую красоту от глаз моих скрывал? – взял царь за подбородок девицу и глаз с неё не сводит. Вроде как не сыну нужна невеста, а царю новая жена. Это не только барин заметил, но и другие купцы приметили.

И рад барин, что самому царю его дочь понравилась, но и в то же время страшно, а вдруг он в жёны собирается взять его в дочь. Слухи шли, что царь и последнюю жену до смерти заколотил. Считалось на Руси, если не бьёт муж жену, значит, не любит. Поэтому, жёны сами просили мужей их поколотить. Вот и допросилась царица, что не рассчитал царь сил.

– Господин наш, царь-батюшка, – упал опять купец, и бить оземь лбом. – Не губи дочь мою. Не за тем я к тебе прибыл.

– Неужели ты решил меня послушаться? Или посмеяться надо мной хочешь? – грозно сдвинул царь брови.

– Не в красе моей дочери дело, а в ковре, что я тебе подарил, – говорит барин, а сам не верит тому, что болтает. – Волшебный это ковёр. Стоит тебе лечь в постель и произнести любое желание, как оно тут же исполнится.

Услышав такие речи, вспылал царь желанием быстрее лечь в постель. Наспех провёл пир и сразу во дворец отправился.

Вздохнул с облегчением барин, коней в упряжь снарядил, дочку в карету и, с гиканьем погоняя коней, домой направился...

Но не успел он до дому доскакать. Видит в небе огненное пламя, вроде как комета на землю рушится. Перекрестился барин трижды, к смерти приготовился, а над его головой дворец царский со свистом пролетел и направился туда, где земля с небом сходится, и небо в землю превращается.

Запричитали женщины, мужики зарыдали, как же они теперь без царя-батюшки будут жить. А тут слуга

царский на коленях ползёт. Он успел из дворца выпрыгнуть и колени при падении ободрать. Кинулись к нему, спрашивают, что случилось. А тот отвечает:

– Ковёр на стену повесили, а потом царь пожелал в края заморские слетать. Для начала решил попробовать взлететь и опять приземлиться. Взлететь-то взлетел, а как вернуться не знает. Когда дворец задрожал, я в дверях стоял, успел выскочить.

Услышав это, затрясся барин. И как не трястись, если это он подарил ковёр? Начнут пытаться, на дыбы ставить, где это он взял ковёр, вот тут-то откроется правда, что странника он обворовал. Потом начнут пытаться, куда странник подевался, а он, купец, не знает. До смерти пытаться и мучить будут. Во всём сознается, даже в том, что не делал, а про странника рассказать не сможет. Потом за дочку любимую возьмутся. К тому же, без царя царство не государство. Прослышат вороги про то, что царь бросил своих поданных, со всех сторон навалятся. Начнут жечь, палить, грабить и некому будет защитить. Стража царская тоже с царём во дворце улетела. Вот беда-то бедовая. И дочку красавицу кривоzubый мерзкий басурман в полон уведёт, наложницей сделает.

Опечалился барин, и народ горько рыдает. Что делать – не знают.

А тут старик с мешком за плечами появился. А на мешке те самые половики барские рулоном свёрнуты. Бросился барин к старику и умолять:

– Прости меня, добрый человек. Всем, что у меня есть, отблагодарю. Не держи на меня зла. Это я подменил ковёр.

– Какой ковёр? – не понимает старик, о чём говорит барин.

“Эх, дурак! Сознался раньше времени. Старик-то ничего не знает. Похоже, как ушёл, так и не снимал мешок. Спал, поди, на нём. Если что, на прислугу постараюсь свалить”, – переживает барин, а сам спрашивает:

– Разве ты не видел, что у тебя половики рваные вместо ковра за плеча-

ми? Их ребятня нечаянно подменила, а я, виноват, не уследил.

– Где? – скинул старик мешок, развернул половики и... Вместо них ковёр тот самый лежит, который барин сташил.

– Как же царь-батюшка улетел? Ковёр-то точно такой со спины твоей я ему подарил.

– Ковёр знает своего хозяина. Всегда к нему возвращается.

И барин, представив, как на дырявых половиках царь летает, совсем оторопел. “А если возьмут и пополам порвутся? Это же государственная измена! Дырка-то на половиках барская. За неё сразу голову с плеч... А если царь-батюшка в других краях остался? Впрочем, пусть остаётся. Тогда некому будет барина обвинить”. Только подумал так, как услышал в небе крики. Глянул, а там дворец летит, из него половики свисают. Царь же, уцепившись одной рукой за половику, по воздуху болтается, а другой рукой корону пытается на голове удержать. Бойтся, сорвётся корона, и другому на голову упадёт. Кто тогда царём будет?

Барин вначале побежал за дворцом, но тот вскоре из виду скрылся. Вернулся барин, тяжело дышит и в ноги старика упал:

– Спаси! – криком умолять он старика.

А тот в ответ:

– Как же я тебя спасу? Половики-то твои. Тебе и отвечать.

– Не хочешь! – обозлился барин. – Ковёр-то у тебя! Скажу, что это ты подменил. Я богатый, мне поверят. А тебе нищему оборванцу...

– Вот как ты заговорил, – вскинул брови старик.

– Эй! – кричит барин слугам. – Вяжите вора по ногам и рукам и к царю-батюшке!..

Накинулись на старика слуги, связали его верёвками, закинули на телегу и повёз старика барин к царю на расправу.

Привёз, смотрит, а царь, будто и не летал, сидит в саду и чай пьёт.

– Вот, батюшка, – положил перед

царём старика барин, – это он тебя чуть не погубил. Ковёр половиками драными, что в сенях у меня на полу валялись, подменил. Вот и доказательство. А ну, разворачивайте! – командует барин прислуге, а сам не смотрит.

Те кинулись разворачивать ковёр, а вместо него половики рваные.

– Так это твои половики мне снились? – смотрит царь удивлённо.

– Мои, батюшка, как есть мои, – трижды перекрестился барин.

– Заверните этого негодника в половики и спустите под гору!

Схватили стражники барина, отвели на задний двор, отпороли розгами, а потом завернули в половики и спустили с горы. Тот катится, на кочках подпрыгивает, охает и ахает. Когда скатился, долго не мог встать на ноги. А потом встал и пошёл, качаясь из стороны в сторону.

А царь спрашивает у старика:

– Скажи, как я тебя могу отблагодарить за ковёр дивный? Назови, что желаешь, всё исполню.

– В жёны мне отдай дочку барскую, – отвечает тот.

Опечалился царь. Сам хотел на ней жениться. Но царское слово – закон. Коль сказал, выполняй. Иначе не будут считать тебя царём. И выполнил царь желание старика. Отдал ему в жёны купеческую дочь.

Три дня гуляли и веселились в барском доме.. И царь веселился вместе со всеми. А когда вернулся домой, смотрит, а на стене половики драные висят. Он на коня верхом и до барина. Но не успел. Старик на ковре вместе с молодой женой улетел в неведомые края.

АРХАР – ЗОЛОТЫЕ РОГА

– Дедушка, ты знаешь сказку про антилопу, у которой золотые монеты из-под копыт вылетали?

– Антилопы у нас здесь не водятся. Поэтому, откуда мне про антилопу знать? А вот про горного барана знаю.

Звали его Архар – золотые рога. Эта наша сказка. А может, и не сказка.

– У него тоже из-под копыт золотые монеты вылетали?

– Нет, не вылетали. Но рога золотом на солнце сверкали. Охранял он несметные богатства земель Алтайских. А впрочем, что это я? Не лучше ли рассказать тебе об этом. Не передай историю, потеряется она в годах. А так, хоть ты будешь знать, и расскажешь своим детям и внукам. А они своим...

И старик начал рассказывать...

* * *

В горах Алтая жил Архар – золотые рога. Не раз видели его охотники. Стоит тот на скале отвесной горы поднебесной, смотрит сверху вниз, а у самого рога в свете солнца золотом блестят, да так, что глаза слепят. Говорят, один охотник засмотрелся, потом три дня слепым ходил. Поговаривали, что Архар – стражник богатств земель Алтайских.

Знали люди, что много богатств в земле Алтайской хранится. Но сколько ни ходили, сколько ни искали, ничего найти не смогли. По всем признакам вот оно рядом, только лопатой ковырни и засверкает золото самородное и камни самоцветные радость принесут.

Но попадались только камни кварцевые, первые признаки золотоносной жилы, да слюда чешуйчатая, что золотишками на камнях растёт. Повздыхают люди и опять за лопату с киркой...

Долго так золото искали, а потом решили убить Архара. Посчитали, что в нём причина неудач. К тому же рога у того золотые. Много денег за них можно получить. А тут сам Демидов объявил охоту на этого горного барана. Пообещал хорошо заплатить, не говоря о том, что рога оставит счастливчику. Немало желающих нашлось получить награду. Тогда всю жизнь можно не работать.

Один лишь шаман, дымя трубкой, качнул головой:

– Кабы беда на нашу землю не пришла. Кто золотом пытался завладеть, тот на всю жизнь его рабом становился. Оставить надо в покое барана.

Не послушались люди. Взялись за ружья и отправились на поиски Архара. Стоит тот на отвесной скале и смотрит, как люди чёрными муравьями внизу ползут.

Люди видят Архара, и крадучись к нему подбираются и за камни прячутся. А когда подползут на ружейный выстрел, выглянут, Архар на вершине другой горы стоит. Когда он успел перебраться – понять не могут. Неделю так за ним охотились, вторую... Ничего не получилось.

А тут дед старый, на ногах с трудом стоит, но тоже хотелось ему разбогатеть, предложил:

– Сетью его надо, как рыбу...

– Совсем из ума выжил? Он нас близко не подпускает, а ты сеть на него накинуть... – возмутились мужики.

– Не на него накинуть, а на то место, куда он перепрыгивает. Поймаёте, я тоже в доле.

Посоветовались мужики и приняли предложение деда. Достали рыболовецкие сети, покрасили их чёрной краской и раскинули по тем местам, куда ступал Архар. Сливаются цветом сети с камнями и не видно их. Даже дед, толкавшийся среди мужиков, запутался ногами и повис со скалы вниз головой. Вытащили мужики деда из сетей и радуются, что если старик не заметил сетей, то и баран не заметит. Тем более, он с горы на гору перепрыгивает. Попробуй издали увидеть, что на противоположном склоне творится. А в полёте если увидит – поздно будет. Стоит ему ногу на склон поставить, как тут же запутается.

На следующий день мужики взяли ружья и отправились на охоту. Ещё издали увидели, как в лучах восходящего солнца Архар сверкает рогами. Прячась за камни, стали подбираться к барану. Пусть тот думает, что точно также он их обманет, как раньше. Когда подкрались, выглянули из-за кам-

ней – барана уже нет. Он на противоположном склоне – запутался в сетях и барахтается. Бросились мужики наперегонки, каждый желает первым захватить в плен барана. Подбежав, стали ссориться. Никто не желает уступать добычу. А тут и дед появился. То на ногах с трудом стоял, а как увидел запутавшегося барана, победил пуще молодого.

– Мою долю мне отпилите! – кричит он.

Мужики на него:

– Тебя ещё тут не хватало! Не видишь, нас много, а рогов всего два!

– Ничего не знаю! – не сдаётся дед. – Если рогов не хватает, давайте тушу его делить!

– Какую ещё тушу?!

– Если рога у барана из чистого золота, то и кровь у него должна быть золотой! Да и мясо, поди, золотое. Поэтому надо его разрезать и посмотреть. Глаза-то, глянь, не глаза, а настоящие рубины!

Только сейчас заметили мужики, что глаза у барана горят красными камнями. Вот и нож уже достали, но кто-то крикнул:

– Стойте! Нам Демидов за него обещал большую награду! А мы колоть?..

– Ты что, не хочешь мяса золотого?! – крикнули ему в ответ.

– А если мясо у него, как у обычного барана? Что тогда даст нам за мёртвого барана Демидов? Или вы все в рудники захотели?

Услышав про рудники, в которых работали закованные каторжане, мужики струхнули. Опутав Архара сетями, подняли на руки и понесли в деревню.

Демидов не заставил себя ждать. Долго ходил вокруг барана, любовался его золотыми рогами, всматривался в рубиновые глаза, гладил по огненно-рыжей шерсти, а потом остановился и задумался.

Мужики тоже молчали, ждали решения.

– Да-а-а... – наконец произнёс Демидов. – Хорош баран. В самый раз подарок для царицы.

– А награда?... – выдохнули мужики.

– Будет вам награда. Я мог бы прямо сейчас вас наградить. Но вдруг царица оценит дороже? Дорого оценит, будет вам втрое больше денег. Если хотите сейчас... – сунул Демидов руку во внутренний карман пиджака.

– Верим тебе! – загалдели мужики. – Вези к царице! Когда рассчитается с тобой, то и нам больше достанется! Мы подождём!

На том и решили. Погрузили барана на телегу и в сопровождении казаков повезли в столицу, но не довезли. Ночью казаки остановились на ночёвку и только раскинули палатки, как огненный шар с неба упал, крутится, шипит и злат молнии ярче солнца во все стороны раскидывает. Испугались казаки, что молнии в них попадут и заживо спялят, разбежались по сторонам.

Шар покрутился над бараном, а потом взмыл вверх и исчез. Казаки подбежали к телеге, смотрят – сети горелые лежат, а барана нет. Никто не видел, куда он исчез. Вначале думали – убежал. Потом решили, что огненный шар его спалил. Вот только пепла не нашли. Как отчитываться перед Демидовым – не знают. Тут гонец навстречу со срочной депешей для Демидова. Что в ней – не сказал. Казаки решили повременить с возвращением. Вдруг Демидова в столицу вызывают. Пока будет ездить, за это время что-нибудь придумают.

Запрыгнул Демидов на коня и поскакал в столицу. Оказалось, что царица все рудники у него в свою пользу отобрала. А потом прошёл слух, что по пути скончался Демидов. Прослышав это, казаки вернулись и рассказали, что Демидов их нагнал и барана с собой забрал. Где сейчас этот баран – одному ему известно. Может, царица им завладела. А может, кто в этой суматохе себе барана присвоил. Пойди сейчас разберись. Мужики первые дни ходили на горы, смотрели – не появился ли Архар. Но тот не появлялся.

Вскоре в Змеиногорске царица от-

крыла золотоносную шахту. Золото стали десятками пудов в год добывать. Никогда не добывали столько ценного металла, ни на одной шахте в мире. А царице хочется ещё больше иметь. Но вот беда, людей для работы в рудниках не хватает. И тогда она приписала окружающие деревни к золотоносной шахте. Согнала мужиков на шахту кирками породу долбить. А кто запротивился, того в кандалы.

Вот так и получилось. Исчез Архар – золотые рога, а вместе с ним исчезла вольная жизнь у мужиков. Не принесло им золото счастья. Наоборот, в нищете и прозябании стали они жить и вспоминать про Архара. Наконец-то они поняли, погоня за дармовым богатством не приносит счастья. Но было уже поздно.

БЕС ЧЁРНЫЙ

Следующую сказку дедушка рассказал по чёрного беса. Я его об этом не просил. Единственно, что сделал – похвалился очередной пятёркой по математике. Почему он рассказал эту сказку – я не понял.

* * *

Хорошим был мужик Максим Колыванов. Работающим и к людям любезен. У кого беда – первым на помощь придёт. Но, а что до семьи, разговору нет. На зависть всем так жену любил, разве что по селу на руках не носил. Да и та муженька своего обожала, что любовь солнца к свету с её любовью не сравнится. Родила ему жёнушка троих детей. Вареньку – старшую дочку и двух сыновей погодков.

И отправился как-то Максим в дальнюю страну, прикупить товару дивного, да и жёнушку в тонкие шелка китайские приодеть. Давно об этом мечтал.

Когда вернулся – не узнать мужика. Посерел и взгляд блуждающий. Жена обнимать и целовать, а он как глянул – дрожь по телу пробрала. Ручкой Панфила отодвинул, детей подзатыльниками наградил, в дом прошёл

и, не снимая сапог, в кровать завалился. А когда глаза сомкнул, захрапел, как жеребец. Вот те и радость... Отправляла мужика, а получила дурака.

Не знает Панфила, что делать с мужем. На глазах тот изменился, темней омота стал, в котором черти водятся. С деньгами уезжал, а вернулся без кошеля и товару. Да и муженёк ли это, пусть и обличьем на него похож?

Задумались и сельчане. Горе – как море, плещет туда, куда ветер направляет. Кабы по всему селу не разлилось.

– Горлянка, наверное, в него вселилась? – сказал дед Агафон.

– Давно такого не было, – зачесал затылок Трофим.

– Где тебе видать? Ты кузнец. Блоху подковать можешь. Нечисть за три версты тебя обходит.

– А не байки ли это про змею горлянку? – засомневались сельчане.

– Были бы байки – не будь балалайки, – задумался Трофим. – В детстве, помнится, прилёг Димка, друг мой верный, на траву и уснул. А уснув, не заметил, как рот раскрыл. Змея, она тонкая, пятьдесят сантиметров в длину, видит, челюсть у мальчугана отвисла, шмыг и в горло. Там и поселилась. Дед Агафон может подтвердить.

– Неужто он её не ощутил? Она же холодная.

– Где там, – махнул рукой дед Агафон. – Не зря её горлянкой называют, потому незаметно в горло заползает, там и селится.

– Чем же она питается?

– Соками человеческими. Человек поест, а змея соки из него... Смотришь, что ни день, тем слабей человек. Каждый день сосёт, пока человек не зачахнет. Когда высосет, тогда человек помрёт. А когда тело охладает, тогда змея выползает. И в траву...

– Неужто взаправду?

– Истинный хрест, – перекрестился дед.

– Как же от неё избавиться?

– Коня гоняют, пот с него собирают. Змеи дюже коней не терпят, потому их не кусают. Когда поту ковш

наберут, выпить несчастного заставляют. Хоть и вонюч, и противен пот, но жизнь милее. Вот и Димку насилу выпить заставили. Когда выпил, упал, глаза закатил. Сначала пена изо рта пошла. Вроде как дышалку пацану перехватило, руками к горлу тянется, а сам воздух ртом ловит. Люди к нему кинулись, а тут змея голову с жёлтыми глазами высунула, и как зашипит. Люди отпрянули, а змея шмыг и в бурьян... Только её и видели. После этого порозовели щёки у мальчугана и глаза ожили. Так его и спасли.

– И нам надобно, пока змея все соки из Максима не высосала, – загалдели мужики и на том остановились.

Погоняли коней до белой пены, набрали с них поту плошки две. С этим и отправились Максима от смерти спасать.

Вошли в дом без всякой опаски. Максим лежал с запрокинутой головой, раскрытым ртом и громко храпел. Он спал.

Никто не решался влить ему в рот конский пот. Пришлось для этого деда Агафона подтолкнуть. Сами чуть в сторонке с топорами наизготовку встали, чтобы успеть змею зарубить. Иначе, если одна тварь заведётся, вскоре к ней ещё с десяток прибьётся.

Дед осторожно приподнял голову Максиму, чтобы тот невзначай не захлебнулся и только хотел в рот опрокинуть плошку, как плошка вырвалась из рук и взвилась под потолок. Дед же вверх ногами на пол перевернулся и покотился мужикам под ноги. Те попятнулись и со страху топоры чуть на деда не опустили. Когда глаза подняли – Максим на ногах стоит и бешено глазами вращает. А потом так гаркнул, что мужики не помнят, как топоры из рук выронили, и как ноги на улицу их вынесли. Опомнились, когда на краю села оказались.

Вскоре их нагнал и дед.

– Ну что старый, ты ближе всех был. Говори, что это было? – наперёбой загалдели мужик

– Не горлянка это. Истинный

хрест, – перекрестился дед. – Что-то пострашней.

– Разве в горло ты не заглянул?

– Пытался, не успел. Максим меня вверх дном перевернул.

– Эх ты. Доверь мотнёй трясти, так ты в штаны навалишь.

– Там, – озираясь, перешёл на шёпот дед, – пострашней будет.

– Да ну? – затаили дыхание мужики.

– Бес чёрный, – выдохнул дед.

– Врёшь!.. Откуда ему взяться?..

Никогда такого не было.

– Из краёв заморских, из стран китайских.

– Вот те на!.. Этого ещё нам не хватало.

– Бес-то, как старики рассказывали, будет скрываться в теле человеческого. За Максима себя выдавать. Только хитростью его можно одолеть.

– Что ты, старый, говоришь? Он пот конский пить не стал, а ты хитрость...

– Потому и пить не стал, что ноздри у него ширше конских. Он за тридцать вёрст чует, у кого какая радость, и миг появляется, чтобы человеку навредить. Потому и говорят: не хвались перед другими вслух, иначе бес услышит и всё напортит.

– Как же теперь с ним справиться?

– Баньку пожарче и Максима туда... Если будет упираться, скажем – не по христиански это, чтобы в день субботний в бане не мыться. Намекнём, что только нечистые душой в бане не моются и веником не парятся. Бес услышит и не захочет быть разоблачённым...

Так и поступили. Натопили баню, веники запарили. Максим вначале в отказ, а ему намёк, неужели он с нечистой силой якшается, что в баню идти не желает. Но не Максим отказывается. Бес в нём сидит, хвостом крутит. Но как ни крути-верти – от ответа не уйти. Нечистая сила никогда не мылась, потому и бань не любила, и что такое пар – не знала. Потому согласился бес попариться. Побоялся,

что его разоблачат и тогда быть ему, если не битым, то убитым. Хорошо, если хотя бы с оторванным хвостом успеет копыта унести.

Уложили Максима на спину. Тот собой не владел. Бес им руководил. А бес не знал, как в банях парятся. Ухватили мужики, за руки-ноги Максима и к полку придавили. Сами в шапках и рукавицах стоят, рядом холодной воды ведёрко поставили, чтобы самим от жары в неё окунаться. Плеснули кипятка на камни раскаленные и айда Максима парить в три руки.

Визжит бес, корчится-морочится, жару перенести не может. А мужики крепко за руки и ноги держат Максима, да ещё в каменку кипятка поддают. Завизжал бес от жару-пару, как рванется, аж Максима дугой изогнул. Но мужики навалились и ещё сильнее к полку придавили. Тогда бес из рта серым облаком под потолок вырвался, там и обернулся в тело своё бесовское. Рогами в потолок бьётся, наружу вырваться пытается. А у самого глаза на выпучку и язык длинный болтается. А потом с угару на пол упал, в двери рогами ударился и на улицу выкатился. Хлебнул свежего воздуха и как закричит, что рот шире морды раскрылся, даже ушей с рогами не видно стало. А потом соскочил и так кривыми ногами закрутил. Только и видели беса. Умчался, а куда – не видели.

Максим будто от спячки проснулся, глазами хлопает, ничего понять не может. Как оказалось, не помнил, что с ним приключилось, и как бес чёрный в него вселился.

Почему чёрный? Да потому что он в царстве подземном живёт и ночами объявляется, с тьмой сливается, чтобы люди не смогли его увидеть.

Убежал бес, и с тех пор ни с кем больше ничего не приключалось. Оказалось, что бесы поспорили, кто сильнее. А тут Максим подвернулся. Вот и решили на нём спор решить. А когда бес вернулся в царство своё, всё рассказал. И предупредил, чтобы никто не ходил в деревню ту Колыван-

скую, иначе насмерть могут в бане запарить.

Вот такая приключилась история с Максимом.

ДОМОВОЙ

В шкафу зазвенела посуда. Я вздрогнул. Дед Ерёма, заметив мой испуг, поспешил успокоить:

– Не бойся. Барабашка пить захотел.

Кряхтя, спустился с печки, и налив в стакан воды, поставил на шкаф. Я долго смотрел на стакан, пока не утомились глаза. Хотелось увидеть, что это за барабашка. Но, не дождавшись его появления, спросил:

– Кого ты, дедушка, называешь барабашкой?

– Домовёнок это. Он у всех хороших людей живёт. Следит за порядком в доме. Хорошо ли, дружно ли живут люди. Не ссорятся ли между собой. Ходит во двор, коням косички заплетает. Придётся, а гривы у коней расчёсаны и заплетены в мелкие-мелкие косички. Не у всех людей хватит терпенья это делать. А у домового хватает.

– А он трогать меня не будет?

– Ты же хороший мальчик. Послушный. Учишься хорошо. Родителям помогаешь. Да и мне. И никому не делаешь зла. Он таких людей любит. Зато тех, кто злой... Впрочем, расскажу тебе сказку.

* * *

Бедно жил Панфил. Почему – не знал. Всё старался делать для семьи. Рассвет лишь забрезжит, а он уже на ногах. И спать ложился затемно. Но как он ни старался, счастье не шло к нему. То ли судьба такая, то ли на роду написано. Но почему тогда у старших братьев, которых пятеро, жизнь без нужды?

Смириться? Но как? Разве что руки на себя наложить. Но как быть, если на том свете жизнь есть? Не лучше ли потерпеть, последние жилы из

рук повытягивать, а там, смотришь, сама смертушка придёт.

Посмотрел в окно Панфил на старый дом купца Несмеядова. Богато живёт мужик, новый дом построил, а старый забросил. Продад бы кому или пустил обездоленных и нищих. Пусть бы жили. Так нет – пусть дом разрушится или сгниёт, чем другие им воспользуются. Потому, наверное, люди богато живут, что никому копейки не прощают и ничего своего задарма не дают. Эх, надо в лес идти, дров нарубить, чтобы печь натопить.

Взял Панфил верёвку, засунул топор за пояс и пошёл в лес. Когда проходил мимо старого купеческого дома, услышал чьи-то тихие прерывистые стенания, полные невыразимой тоски и горя. Поначалу подумал, что показалось. Но когда прислушался, стенания повторились, да такие протяжные и безысходные, вроде как кто-то помирать собрался. Панфила пробрала дрожь. Только что думал о смерти и нате, вот она за стеной дома кого-то давит. А может она Панфила заманивает? Помирать Панфиле почему-то расхотелось. Он крепко сжал топориче, чтобы при случае успеть отмахнуться, а то и рубануть. Пусть только костлявая посмеет показаться. Он покажет, как отца у детей раньше времени забирает...

Стон повторился. Вроде как кошачий. “Эх, люди, люди... Что же вы делаете? Заведёте животину, наиграетесь, а потом на смерть голодную обрекаете”, – подумал он и шагнул в купеческие палаты. На полах толстым слоем лежала пыль, на стенах висели паутины. В окнах, зияющих пустотой, гуляли сквозняки. Не захочешь, простудишься. Панфил чихнул. В углу дома что-то двинулось и спряталось за скрипучей дверью. Со свету Панфил не смог рассмотреть. Но на всякий случай взял топор наперевес. Когда присмотрелся, увидел маленькие следы, вроде как босой ребёнок спрятался от него.

– Ах, да как же так?! Чтобы в такой холод и босого ребёнка оставить!.. – и

Панфил скинул поношенный зипун, чтобы укутать в него ребёнка.

– У-у-ух... – раздался стон, похожий на последнее издыхание.

Панфил бросился за дверь и замер. Перед ним сидела лохматая нечёсаная голова с большущими глазами. Вроде ростом и ребёнок, но на ребёнка не похож. Вроде как урод какой, но с усами и бородой. Руки и ноги человеческие и одежка рваная, старый зипун и красная рубаха. На улице мороз, а он босые ноги под себя поджимает. “Откуда тут ребёнку взяться? – подумал Панфил. Тут его пронзило: – Так это же домовой!”

А тот сидит и жалобно руки тянет. Панфил хотел подхватить домового, но вовремя остановился. Вспомнил, что говорили старики. На веник надо домового посадить, вроде как на сани. Осмотрелся, веника нет. Что делать? Домового надо в дом свой пригласить. Когда всем миром ему дом поставили, кошку в дом пустили, а домового позвать забыли. Думали, он сам в новом доме заведётся. Но нет, видать не завёлся, коль Панфил пуп сутками напролёт надрывает, а богатства нажить не может. Не как купец, целыми днями прохладается, пузо с мордой наедает, и деньги лопатой загребаёт. Только Панфил, как ни старайся, лаптем щи хлебаёт. Глянул он на ноги и вспомнил, что карету для домового можно сделать из лаптя. Скинул лапоть и говорит, чему учили старики:

– Домовик-родовик,
 Велесов потворник
 Вот те сани, поезжай-ко с нами
 Через реки быстры,
 через леса густы,
 Через чары окрутны,
 через силы могутны,
 По доброй по воле на новую долю,
 На новое место, на новое счастье!
 Гой!

Только выкрикнул последнее слово, а домовый уже в лапте сидит. Привязал Панфил к лаптю поясик и повёз

того до дому. Хорошо, что утро раннее и не видят люди. Ведь невзначай спугнут домового, ещё хуже – сглазят. Это тебе не банника в баню приглашать. Тот без приглашения под полком селится. А если женщина по темну пойдёт мыться, он ей рукой по ноге... Потом седи и гадай, как так получилось, что дети на тебя не похожи?

А вот и дом. Приоткрыл Панфил дверь и лапоть впереди себя сунул. Домовой шмыг и исчез за печкой. Там тепло и уютно. Можно ещё тряпок для постели кинуть.

Услышала шум жена, голову приподняла, спрашивает:

– Что там гремишь, спать не даёшь?

Жена досталась с ленцой. Детей нарожала дюжину, а чтобы вовремя накормить, напоить – не доходит до её разума. Вроде и не ведьма, как её мать, а все соки высосала.

– Пора бы вставать. Вон и солнце уже поверх гор рассвет выплеснуло, – говорит Панфил.

– Я его об этом не просила, – перевернулась жена на второй бок.

Взял Панфил подойник и пошёл корову доить, чтобы детей парным молоком напоить. Только присел рядом с коровой, как услышал в доме визг и крики. Вроде как жена ногами по полу стучит. Отодвинул Панфил подойник и в дом... Смотрит – жена в ночной рубашке босыми ногами по дому кружит и время от времени, взвизгивая, подпрыгивает. Как только подпрыгнет, так на боку у неё синяк проявляется. Увидав мужа, бросилась к нему, ногами руками обвила, и спасти просит. Тот сам растерялся, понять не может, что за напасть на жену напала. А та висит у него на шее и время от времени взвизгивает. Потом сорвалась – в двери и на улицу. Панфил за ней. Смотрит – жена успокоилась. Скинул он лапти и жене на ноги, а поверх плеч зипун накинул.

– Молока надоил? – спрашивает жена. – А то жажда меня мучит.

– Когда бы я успел? Как услышал крики – сразу в дом.

– Чего же ты стоишь, олух царя небесного?! – взвизгнула Клавдия.

– Так я того...

– Какая дура, что осчастливила тебя. Послушала дура, что королевой меня сделаешь.

– Так я того... И так стараюсь, чтобы у тебя всю жизнь были белы ручки...

– Ручки? Давай, корову иди доить! А я пойду сон досматривать, – только успела сказать она, как опять, взвизгнув, подпрыгнула. А потом ещё и ещё... И сколько бы она так ни прыгала, пока не оказалась под коровой и не вспомнила как ту доить.

Только тогда Панфил понял, что это домовый жену его погонял. Не любит домовик лентяев, да пьяниц. Не только синяки на теле оставляет, но и по ночам приходит и на грудь давит. Не исправится человек, говорят, на смерть может задавить. Говорить-то говорят, но взаправду ли это? Домового никто не видел воочию. Разве что он, Панфил. Но кто ему поверит? А что у жены синяки, скажут, что это он кулаком свою ненаглядную учил. Говорят, что все, у кого нужда поселяется, кулаки со временем в ход пускают. Только вот Панфил не знал, почему у него в доме нужда завелась?

А домовый покою его жене не даёт. Только приляжет та, как с криком с постели вскакивает. Не успеет приказать мужу, чтобы тот обед готовил, как сама к печи бежит, и чугунок в неё толкает. Смотрит Панфил на жену, и нарадоваться не может. Та и полы подметает, и стирает, и обед готовит, и за детьми ухаживает. Избавила она мужа от хлопот по дому. Только вот беда, стоит Клавдии заупрямиться, как тут же взвизгнет и то, что мужу приказывала, сама делает. Панфил и рад, что жена на исправление пошла, но и жалко её. У той не успеет один синяк сойти, как второй появляется. Что делать – не знает. Но одно заметил Панфил, что больше времени у него стало по крупным мужским делам. Он и пашню увеличил, и зерна больше засеял. Будет чем накормить детей, да и для скотины останется.

Можно будет и хозяйство увеличить. Вдвоём с хозяйством управляться – это не одному. И как-то заметил, что ни день, то лучше он стал жить. Только одна беда, жена вроде как побитая им ходит. Это стали замечать люди. Пытался оправдаться, но не поверили.

Зато у купца Несмеядова хозяйство пошло в разнос. То одно у него не ладится, то другое. А тут, как говорили потом, кто-то подпустил купцу красного петуха. Сгорела у того сначала лавка с товаром, а потом и пол-хозяйства полыхнуло. Говорят купцу, так, мол, и так, нет у тебя хозяина дома. А потом увидел Панфил, как купец рано поутру отправился в старый дом с венником в руке. Как увидел, так и догадался в чём дело. Посмотрел на жену, та без лишнего уже напоминающий хлопочет по дому. И решил – хватит синяков. Налил сладкого компоту в стакан, взял пригоршню карамелек, подошёл к комоду, что стоял в углу дальней комнаты и оставил на нём угощение. А потом сказал:

– Хозяин родимый,
глазом не видимый,
Прими угощение с поклоном,
почтением.
Яви дому твоему своё попечение.
Обереги силой своею со рвением,
Чтобы водами не затопиться,
Чтобы огнями не опалиться,
Чтобы достатку не лишиться.
Гой!

Наутро Панфил увидел пустой стакан. Не было и конфет. “Угостился родимый”, – улыбнулся он.

С тех пор перестала жена повизгивать и подпрыгивать. Разве иногда, когда мужа принималась бранить, взвизгнет и замолчит. Вот так и покинула Панфила нужда.

КАМЕННЫЙ СЛОН

– Дедушка, откуда взялся каменный слон? – спросил я.

– Какой слон? – в свою очередь спросил старик.

– Ну, тот, который на Саввушинском озере стоит.

– Слон? – задумался старик. – Эта давняя история. С Александром Македонским связано.

– Неужели он был в Сибири?

– А как ты думал? – сощурились в улыбке глаза старика.

Я смотрел на него и понял, что историю про Александра Македонского знает только он. И мне захотелось услышать её.

– Александр Македонский – стал рассказывать старик, – был непобедимым воином. И так продолжалось бы до конца его жизни, не отправься он в поход на Сибирь. А дело было так...

* * *

Покорил Александр Македонский страны от Атлантического до Индийского океанов. Разные чудеса мира он видел, но вскоре наскучили они ему. И тогда он взор обратил на горы, которые вершинами заслоняли небосвод. Но что за горами – оставалось тайной. И какой он, Александр, властелин мира, если не знает, что за горами находится? Вдруг за ними страны богаче тех, что покорил. И он, властелин мира, не завладел этими богатствами. Вон и воины жаждут побед. Но кого ещё побеждать? Без походов солдаты его забудут вкус побед. Вон они уже который день предаются усладам и беспробудному пьянству. Так от стройной армии останется один сброд.

И решил Александр посмотреть, что находится за горами. Протрубил он сбор. Собрал воедино армию. Поставил в строй и огромных индийских слонов. Вдруг за горами невиданные народы живут? Будет, чем напугать. А где испуг – там и победа.

Долго вёл Александр воинов через горы. Верёвками тянули слонов через отвесные скалы. Много воинов ослепло от блестящих снегов, что покрывали неприступные горы. И вот она неизведанная земля зелёными полями и густыми лесами раскинулась перед взором императора.

Спустились воины с гор и выстроились в боевой порядок. Идут в полном облачении, в любой момент ждут неожиданного нападения. Но как ни странно, видят они брошенные посёлки, в очагах ещё угли не остыли, а людей нет. Посчитал Александр, что те от страха покинули насиженные места. И это хорошо. Весть о том, что на их земли ступила непобедимая армия, быстро дойдёт до местного правителя. Тот обязательно соберёт армию и выдвинется навстречу. Но прошёл Александр уже сотни километров, но никого не встретил. Как же так? Он пришёл покорять, а с ним никто не хочет вступить в бой. Не по правилам ведёт себя местный правитель.

Призвал Александр на совет полководцев и приказал оправить в разные стороны отряды воинов, чтобы те захватили пленников и привели к нему.

Ускакали отряды, и третий день от них ни слуху, ни духу. Отправил Александр ещё несколько отрядов. А через три дня прискакал раненый воин и, свалившись с коня, сказал:

– Прости, император, не смогли мы пленить никого.

– Как так?! – возмутился Александр. – Или я вам не приказывал?

– Долго мы скакали в поисках людей. Когда измотались и легли на ночлег, навалились на нас со всех сторон полчища на слонах своих. Перебили всех до одного. Только я один смог вырваться.

– Что за слоны у них такие дивные, что вы испугались? – сменил пыл на любопытство Александр. А сам думает: “Не видел я слонов страшней индийских. Неужели у этих народов слоны страшней моих?”

– Слоны у них, – на последнем издыхании говорит раненый воин, – горбоносые. А на головах у них рога ветвистые. Скачут строем, будто лес густой на тебя летит. Как увидели наши воины, так мечи побросали и убежать...

Не знал воин, как назвать тех слонов. Ни разу он не видел лосей. Тем

более, воинов верхом на этих невиданных животных.

– Успели сказать, что войско непобедимое на них движется?

– Как скажешь, если они воюют не по правилам? – произнёс воин и испустил дух.

Задумался Александр: “Как же победить эти неизвестные народы? Не победишь – не будут платить дань золотом и драгоценными камнями”. Первый раз он столкнулся с тем, что не может покорить этот невиданный народ. А без покорённого народа владеть пустыми землями – равносильно тому, что с голоду умереть. Или ему, воину, запрягать в соху боевых коней? И слонов туда же. Запряжёт и тогда кто он? Землепашец простой, а не воин. К такой ли славе стремился он, Александр? Повернуть назад – что скажут воины? И что скажут земляки, когда он вернётся в родную Грецию?

И решил Александр идти до конца. Если не может покорить народы, то дойти до края земли и посмотреть, что за ним.

Вновь двинулись войска в северном направлении. Гибли солдаты от голода, но Александр не сдавался. Вскоре деревья оделись в багряные наряды. Спустя неделю проснулся Александр, выглянул из шатра, снег кругом. Сидят солдаты у костров, согнулись в латах боевых, пытаются согреться. Видит Александр, что падает боевой дух его воинов. Решил скорей достичь края земли. Двинулись воины дальше, но чем дальше они шли, тем холодней и голодней становилось. Вскоре совсем закончились припасы продуктов, и Александр приказал резать боевых слонов и питаться их мясом. Но вот забили последнего слона. А мороз всё крепче и крепче, и снег уже по пояс. Впервые столкнулся Александр с тем, чтобы в это время года вместо тридцатиградусной жары были крепкие морозы, и чтобы вся земля оказалась укрытой толстым слоем снега.

Приказал Александр повернуть остатки армии назад. От холода и

голода к неизведанному краю земли полегла половина его армии. И на обратном пути солдаты продолжали умирать сотнями. Смотрит Александр на эту печальную картину, а у самого по щекам слёзы бегут. Как же так, его непобедимая армия, не вступив в бой, потерпела поражение? И ему самому, наверное, придётся сгинуть в этих гиблых местах.

Когда отчаяние достигло предела, увидел Александр воинов, скачущих на слонах с ветвистыми рогами.

– Всё, – выдохнул он. – Пришла смерть моя.

Но воины не бросились на остатки полков Александра. Остановившись на возвышенности, наблюдали на медленно бредущего противника. Потом отделилось от основной массы три всадника, и неспешно направились в сторону Александра.

Тот, подняв руку, жестом остановил бредущих за ним солдат. Всадники, подъехав к Александру, остановились напротив, старший из них говорит:

– Видим, ты воин великий. Не боялся прийти в земли наши.

– Я приходил вас покорить. Но вы не проявили смелости встретиться в открытом бою со мной. Так никто не воюет. Надо смело идти в бой, чтобы отдаваться в руки судьбы.

– В чужие руки отдаться – ума не надо. А вот живым остаться и жизни своих поданных сохранить – для этого надо иметь голову.

– Как же так?! Воин должен сражаться, а не по кустам скрываться. А вы... Не умеете вы воевать.

– Воевать – не ум наживать. А с умом жить – живым быть. Но кто бы ни пытался покорить мои народы, все сгинули в этих местах. Нам даже не пришлось ни одной стрелы достать из колчанов, а твоя армия уже разгромлена. Но мы не кровожадные. Предлагаем тебе остаться живым.

– Я лучше погибну, но не стану рабом! – выхватил Александр меч.

– Мы с миром к тебе пришли. Пойдем в наши жилища гостем. Мы на-

кормим остатки твоего войска и обогреем от трескучих морозов. А когда весна наступит – отпустим с миром.

– Как это? – не поверил Александр. Он привык к постоянным интригам и изменам. А тут люди, которых он хотел завоевать, предлагают ему жизнь. Не хитростью ли решили захватить его в плен? – Разве в рабство не заберёте? – после недолгих раздумий спросил он.

– Нет у нас рабов, и никогда не будет. Пленники у нас имеют такие же права, как и все. Понравится – остаются с нами жить. А не понравится – отпускаем их с миром на все четыре стороны. Если хочешь с нами жить – живи. А захочешь уйти – это твоё право. Не стоит разменивать свою жизнь на напыщенную гордыню. Будешь у нас как император. Никто слова тебе оскорбительного не скажет.

Слышал Александр, что в далёких северных землях живёт странный народ, у которого нет рабства. Что к пленникам он относится как к себе равным. А потом глянул на обмороженных солдат и согласился. К тому же ему очень хотелось посмотреть, как живут непокорённые им народы.

И жил он до самой весны. Кормили его, поили. С уважением относились к нему не только взрослые, но и дети. И не видел Александр, чтобы местные цари старались выделиться среди народа. Выходили они на площадь и советовались со всеми соплеменниками в делах больших и малых.

Как только с вешними водами сошёл последний снег, и зазеленели луга, отпустили Александра с его воинами. На дорогу дали продукты питания и показали путь.

Вернулся Александр на Родину и рассказал, что не стоит ходить за горы и покорять северные народы, которые воюют не столько оружием, сколько умом, чем не только сохраняют население, но и приумножают.

А непокорённые Александром народы соорудили из камня огромного слона. И стоит тот, как напоминание тем, кто желает пойти против них во-

йной, что не стоит этого делать. Если самому Александру Македонскому не удалось покорить их, то и никому после него не удастся это сделать.

ГУЛЯЮЩИЙ КУРГАН

В газете написали про курганы, которые летом вскрыли археологи. Ничего особенного в них не нашли, но писали о людях, которые в них были захоронены.

– Надо же! – удивился я. – Даже золота не нашли. Наверное, в этих краях не знали древние люди о золоте.

– Знали, и ещё как, – подал голос с печи старик.

– А где же оно? Наверное, археологи себе его присвоили.

– Курган кургану – рознь. Промышляло местное население золотишком при Иване Грозном. Да и когда Демидов в Сибирь пришёл. Ему попалось несколько диковинных поделок из золота, что в кургане раскопали, вот и заболел он Сибирью. Знал, где золотые изделия захоронены, там и ищи рассыпное золото.

– А что же сейчас найти не могут?

– В простых курганах золото добыли. А вот из гуляющих курганов не так-то просто его извлечь. И вообще, опасно раскапывать чьи-либо захоронения. От этого не только сам страдаешь, но и на семью свою беду можешь накликасть.

Если до этого я сам загорелся отыскать курган с золотом, но когда услышал про беду, пыл мой угас. Мне захотелось подробнее узнать про гуляющие курганы, поэтому я стал упрашивать деда Ерёму рассказать про эти курганы. Долго себя упрашивать он не заставил...

* * *

Заявился к Михаилу Каратаеву его сосед Денис по прозвищу Динька-двинька. Почему его так прозвали? Да потому что тот был непоседа. Вечно что-то выдумывал, куда-то спешил, но как всегда у него ничего не получалось. Вот и в этот раз он, озираясь

по сторонам, будто кто может подслушать, наклонился и прошептал:

– Михаил, я курган нашёл.

– Ну и что? – не придал значения сказанному сосед.

Да и что такого в курганах? Вон их сколько раскинуто по предгорьям. А сколько тракторами распахали. Что в них удивительного?

– Курган-то непростой. Древний.

– Они все древние. Ну и что?

– Да ты совсем не понимаешь. В том кургане золотишко скифское.

– Пряма-таки и скифское? – засмеявшись, вздёрнул нос Михаил.

– Точно тебе говорю, – опять перешёл на шёпот Денис. – Я в книгах читал. По всем признакам этот курган с золотом. Он шаром над землёй возвышается. И ещё, я там лопатой ковырнул. Смотрю, а он насыпной. И вроде как трухлявое дерево из него высыпалось.

Услышав про дерево, Михаил серьёзней.

– И где ты его нашёл? – спросил он.

– Знаешь место Весёлое? Там, где мы через ручей на дальние согры за дровами ездили?

– Как не знать? Только кургана я не видел.

– В том то и дело! – весело воскликнул Денис. – Я тоже, – затараторил он, – до сегодняшнего дня не видел. А тут погоняю лошадку, смотрю, а он чуть в сторонке стоит. Вчера, как говорят, не было, а сегодня стоит.

– Откуда же он взялся? Я с детства каждую кочку знаю. Но чтобы кургана не заметить – извини.

– Понимаешь, этот курган гуляющий.

– Гуляющей может быть только женщина, а не курганы.

– Ошибаешься. Прежде чем к тебе прийти, я литературу проштудировал и нашёл, что древние курганы, в которых захоронения и золота не меряно, могут перемещаться с места на место. Разве ты не видел по телевизору про гуляющие камни?

– Так то ж камни!

– Камней много. Поэтому чаще видят, как они с места на место перемещаются. А курганов раз-два и обчёлся, – считая, согнул Денис мизинец с безымянным пальцем.

Михаил зачесал затылок. Если он ещё минуту назад сомневался в рассказе соседа, то теперь хоть и смутно, но почему-то поверил.

– Золотишка там возьмём знаешь сколько?! К тому же, оно древнее. А древнее стоит во стократ дороже, чем простое. Толкнём на рынке и заживём знаешь как... – закатил глаза под лоб Денис.

– А не посадят?

– Кто не рискует – тот не пьёт шампанского. Продажу золота я возьму на себя. Если поймут одного, меньше дадут. А вдвоём – это групповая. Могут до высшей меры дать.

– Копать-то когда? – привстал Михаил.

– Погодь. Надо чтобы никто не видел. Ночью пойдём. При свете луны. А сейчас давай инструмент приготовим. Как только стемнеет, я за тобой зайду.

Ближе к полуночи в окно кто-то постучал. Михаил не спал. Не давало нахлынувшее после ухода соседа возбуждение. Подойдя к окну, выглянул. В свете луны он увидел сгорбившегося соседа. Тот вроде как хотел уменьшиться в росте и стать невидимым.

– Давай, – махнул он Михаилу.

Накинув брезентовый плащ и укрыв голову капюшоном, чтобы никто его не мог узнать, Михаил вышел. Закинув на плечи лопаты с кирками, они направились в сторону Весёлого. Идти было недалеко, только перевалить через гору напротив села, да перескочить через две сопки.

Но когда пришли в указанное место, кургана не было.

– Да где он? – закутил Денис головой.

– Не он ли? – указал Михаил на возвышенность рядом с одиноко растущими ивами.

– Точно! Надо же, на целую сотню метров за какие-то сутки переместил-

ся. Хорошо, что сразу пошли. А представляешь, через месяц он версты бы на три ускакал. Давай за дело.

И соседи приступили к раскопкам кургана. Со стороны он казался не таким уж и большим, но когда принялись копать, оказалось, что в кургане не одна сотня кубов грунта. Вначале раскидывали грунт по сторонам, стараясь оголить весь курган. Но вскоре спины запотели, в руках появилась ломота, и Денис, воткнув лопату, выдохнул:

– Фу! Устал. Надо отдохнуть, а потом будем копать шурф. Так мы быстрее доберёмся до камеры с покойником.

Михаил не стал сопротивляться. Раскинув плащ на вершине кургана, он лег на него и, закинув руки за голову, уставился в ночное небо. Давно ли он поднимал голову к звёздам – не помнил. Разве что в детстве. А повзрослев, ползал в делах суетных по земле и смотрел в одной плоскости, как рыжие муравьи. А что твориться на небе – внимания не обращал. Он рассматривал полузабытые со школьной скамьи созвездия. Вон Кассиопея, а вон малая Медведица... Смотрел, смотрел и не заметил, как сомкнулись веки.

И тут ему стал сниться сон. Необычный сон, загадочный. Вроде как из земли появилось серое облако, а может, и не облако. Что-то похожее на полупрозрачное живое существо. Вот оно подползло к его ногам, окутало их, и поползло по телу к голове. Хочет руками пошевелить Михаил, не может. Они, вроде как, увязли в этом облаке. А то всё ближе и ближе подползает к его голове. Вот и подбородка коснулось холодом. Вот уже и на рот ложится. Михаил кричать, а звука нет. Да и воздух куда-то исчез. Хочет вдохнуть, но не может. Ещё немного и задохнётся. Задёргался он из стороны в сторону. Чувствует, тело стало раскачиваться и освобождаться из плена. Тогда дёрнулся изо всей силы и покатился под курган. Когда скатился, соскочил на ноги и глянул, где сосед.

Того рядом не было, и в сером облаке не рассмотреть. Вдруг из облака выросли длинные полупрозрачные руки и потянулись к Михаилу. Как сорвался с места и пустился наутёк – Михаил не помнил. Опомнился, когда оказался у дома. Остановился, осмотрелся, соседа не видно. Не видно и облака. Постояв ещё какое-то время, зашёл в дом и лёг в постель. Но сон не шёл. Разве что жена крепко спала. Она не слышала, как ушёл муж, не слышала, как и вернулся. Наконец забрезжил рассвет, а когда солнце выглянуло из-за горы, Михаил поспешил к соседу. Но того дома не было. Попытался разузнать хоть что-то у его жены, но та сама удивлённо пожимала плечами.

Не вернулся сосед и на следующий день. Тогда и забеспокоилась его жена. Прошла по селу. Спрашивала у каждого – не видели ли её мужа. Но никто не мог ответить. Михаил молчал. Страх, что соседа поглотила нечистая сила, ещё не покинул его. Да и рассказы кому, посчитают за сумасшедшего. А надо ли это ему?

Но видя безутешное горе жены Дениса, Максим насмелился и через неделю рассказал, что случилось на кургане. Люди бросились к тому месту, но курган оказался в другой стороне.

– Эх ты, – качнул головой дед Федот, – взрослый человек, а говоришь такое.

Другие тоже стали упрекать Максима. Только жена Дениса, цепляясь за последнюю надежду, верит Максиму. Чтобы как-то уменьшить её горе, люди тоже вместе с ней стали бродить по сопкам и ложбинам. Через день они уже потеряли веру в то, что найдут Дениса, как вдруг прибежал Иван, семилетний мальчишка и, заикаясь, сказал:

– Там... за ручьём... Кто-то в кустах шастает.

Мужики кинулись туда и увидели прячущегося среди зарослей Дениса. Они крикнули ему, но Денис, втянув голову в плечи, развернулся и полез в самую гущу зарослей. Мужики

ки поспешили за ним и, окружив со всех сторон, повалили на землю. Но Денис, вырываясь, ревел, визжал и кусался. Мужики подхватили его на руки, но тот извивался, как пойманная змея.

Когда вытащили из зарослей, глянули на Дениса и пришли в ужас. Лицо у того было перекошено, глаза выпучены так, что, казалось, выпадут из глазниц и укатятся в кусты. Он что-то невнятно мычал, мотая головой, но что он хотел сказать – не могли разобрать. Денис не то, что был похож на сумасшедшего, он был им.

– Да-а-а, – протянул дед Федот. – Не верил я старикам. А оно вон оно что приключилось. Говорили старики, что нельзя спать на курганах. В них может оказаться либо колдун, либо шаман. Заговоренные эти курганы. На них не то, чтобы спать, подходить к ним нельзя. Вот потому они гуляют и жертву себе ищут. Нечисть завладела душой Дениса. Переселилась в его тело.

– Что же с ним делать?

– В церкву надо вести. Изгонять нечистую силу, – заключил дед.

Привели Дениса в церковь. И только священник приступил к нему, как тот взревел, словно зверь раненый. Руки и ноги у него вывернулись, будто суставов в них нет, глаза кровью налились, бешено вращаются, а изо рта пена...

– Держите крепче! – кричит священник. – В нём сила дьявольская людям неподвластная!

Навалились мужики на Дениса, а тот рвётся так, что сил держать его не хватает.

– Быстрой, батюшка! – кричат мужики. – Вдруг пеной бешеной на нас попадёт!

– Терпите! Быстро не получится! – в ответ священник.

Читает священник молитвы, и крест золотой пытается на лоб Денису наложить. А тот ревёт и головой мотает. Уцепились мужики ему за волосы, волосы трещат, пучками из головы вырываются, ещё немного и

кожу с черепа сорвут. А священник поймал за затылок Дениса и голову в ёмкость с освящённой водой три раза окунул, а потом крикнул:

– Отпускайте!

Выпустили мужики Дениса, тот рухнул на спину, грудь его вздыбилась, дугой изогнулась, и чёрное облако с руками и ногами и перекошенным ртом вылетело из его тела, заметалось по церкви, а потом с диким рёвом в распахнутые двери вылетело и скрылось в небесах.

Долго стояли мужики, не могли двинуться. Опомнились только тогда, когда Денис открыл глаза и спросил:

– Что это было?

Бросилась к нему жена обнимать, а сама рыдает, слова вымолвить не может. Только сейчас мужики заметили, что волосы у Дениса, будто пеплом посыпаны, седые.

С этого момента изменился Денис. Стал неразговорчивым и задумчивым. Остановившись и подолгу смотрел на небо, будто что хотел там увидеть.

С тех пор сельчане не жаждали раскопать чью-либо могилу, тем более курган, да и другим не советовали. Слишком нагляден им был пример.

ТРИ НЕПРАВДЫ

В школе я поспорил с мальчишками и вернулся домой потрёпанный с оторванными на пиджаке пуговицами.

– Подрались что ли? – спросил старик.

– Да-а-а... Так. Поссорились, – с неохотой ответил я.

– Из-за чего?

– Да что они врут и других обвиняют. Вот и про меня неправду сказали. Все смеяться, а мне обидно. Вот и пришлось с ними поцапаться. И почему люди неправду говорят! – под конец воскликнул я.

– Потому что на земле три неправды появились.

– Какие? – не понял я.

– Расскажу тебе, чтобы ты немного успокоился. А то, смотрю, спать не сможешь. Смотришь, и отляжет у тебя от сердца.

* * *

Жили люди в мире и ладу. Не знали ни лжи, ни ссор, ни войн. Если требовалось что-то решить – собирались на площади и держали совет меж собой. И жили бы так дальше, не объявись три Неправды.

Неправды никогда не встречались, потому что считали, что каждая из них лучше двух других. Поэтому каждая пыталась без помощи других поспорить людей. Но как они ни пытались это сделать – ничего у них не получалось. Почему – не знали.

И как-то раз отправились они вновь творить смуту среди людей и, встретившись по пути, вступили в спор, какой Неправде первой навредить село. Долго спорили, даже два раза поспорились, а когда устали, присели отдохнуть.

– Сколько я ни старюсь, ничего у меня не получается, – говорит первая Неправда.

У двух других Неправд тоже ничего не получалось, но им стыдно было признаться. Ведь Неправда для того и Неправда, чтобы обман на людей напускать. Я если люди не воспринимают Неправду, то для чего ей жить?

– Расскажи, что ты делаешь? Потом и мы с тобой поделимся, – говорят две Неправды.

– Как прихожу, сразу стараюсь использовать всё, чем владею. Увижу человека и сразу на него напускаю обман, подкуп, клевету, зависть...

– Я тоже это делаю, но и у меня ничего не получается, – созналась вторая Неправда.

Третья Неправда, крутилась, вертелась, кряхтела, ей не хотелось сознаться, а потом она сказала:

– Может быть, мы много за один раз неправд на одного человека напускаем. А что, если нам вместе действовать и каждая по одной неправде человеку будет преподносить.

– Правильно! – обрадовалась вторая Неправда. – Надо не на одного человека нападать, а на нескольких. Когда одному человеку неправду говоришь, другие люди это распознают. Давайте так, придём в деревню, выберем каждая по человеку и начнём действовать.

– Лучше будет, если мы друзей меж собой перессорим.

– При этом надо каждому человеку только по одной неправде в голову втолковывать. А когда сразу и много, какая-нибудь неправда возьмёт и выскользнет. Ещё хуже, когда толпой неправды толкаются, войти не могут. Одной неправде никто не мешают. Она прочно укоренится в голове, если её не спеша преподносить. А мы налетим и за один день спешим натолкать человеку кучу неправд. А где много и спешка, там обязательно что-то не работает.

– Дельно говоришь, – говорит первая Неправда. – Только кто какую неправду будет говорить? Надо определиться.

– И ещё имена нам надо дать.

– Точно! А я-то думаю, что это у меня ничего не получается. А я, оказывается, безымянная. Как можно понять того, кто имени не имеет? Потому-то люди дали имена не только себе, но и животным с птицами.

– И не только им, но и предметам. Возьмём, к примеру, гору. Если её не называть горой, то, что это будет?

– Возвышенность или курган.

– А если убрать их имена?

– Тогда – ничто.

– Вот от того, что мы не имеем имён, у нас ничего не получается. Давайте, я буду Ложью, – говорит первая Неправда.

– А я возьму себе имя Клеветы, – сказала вторая Неправда.

Третья Неправда подумала и сказала:

– Тогда я буду называться Обманкой.

Согласились три Неправды и вместе продолжили путь. Зайдя в деревню, увидели играющих в прятки, детей.

– Давайте, я возьмусь вон за того мальчугана, а вы за других двоих, – предложила Ложь.

Клевета с Обманкой согласились и осторожно, чтобы дети не заметили, стали подкрадываться сзади.

Первая подкралась Ложь к вихрастому мальчугану, который спрятался в кустах и начала шептать ему на ухо:

– Колька-то подсматривает, куда ты прячешься.

Заёрзал мальчуган, голову высунил из кустов. Колька в это время отправился на поиски. Увидев друга, он закричал:

– Я тебя вижу!

– Ага! Я видел, как ты сквозь пальцы подсматривал! – в ответ закричал Вовка.

– Неправда! Я не подсматривал!

– Подсматривал! Подсматривал!

Клевета же шепчет на ухо Кольке:

– Ты специально не прятался. И вообще, как ты вчера обзывал Петьку? Свиньёй его называл.

– Ты специально не прятался! И вообще, как ты вчера обзывал Петьку? Свиньёй его называл! – вторит Колька.

– Врёшь! – со сжатыми кулаками двинулся Вовка.

– Пацаны! На площади конфеты бесплатно раздают! – крикнул Петька то, что нашептала ему Обманка.

Ребятня сорвалась и бросилась на площадь. Там никого не было. И тогда они принялись обвинять друг друга, а потом сцепились меж собой.

Смотрят Неправды на дерущихся детей и радуются. Если это удалось сделать с детьми, теперь можно перейти и на взрослых. Пустились они

по селу, увидят компанию и давай нащёптывать неправды. Люди не видят Неправд и думают, что это их собственные мысли в голове звучат. И верят в то, что Неправды нащёптывают.

Забурлило, загудело село, не берёт мир людей. Только Неправды радуются, что объединив усилия, перессорили всё село. И пошли Неправды гулять по сёлам и городам.

С тех пор не стало на Земле ни мира, ни покоя. А вскоре стали случаться война за войной. И никто не может догадаться, если про близкого ему человека появляется плохая мысль – это ему нашептали три Неправды.

Поэтому, не надо спешить верить тому, что первое приходит тебе в голову. Остановись и семь раз подумай, прежде чем один раз сделать. Ибо то, что иногда звучит у тебя в голове – то нашептала тебе Неправда.

ПРИТВОР-КАМЕНЬ

– Ты, дедушка, много мне рассказывал сказок, но про кладу не рассказывал ни одной.

– Разве? – удивился старик.

– Правду говорю.

– Как же я забыл об этом? Все дети любят такие сказки, а я, старший, со всем запомнил. Есть у меня в запасе одна сказка. Только вот детская ли – не знаю. И стоит ли тебе её рассказывать?

– Стоит, дедушка, стоит! Взрослые ведь не любят сказок. Поэтому все сказки являются детскими.

– Взрослые тоже любят сказки, только притворяются, что не любят, чтобы казаться очень взрослыми и серьёзными людьми. Это мы старики с возрастом опять впадаем в детство. Нам, старикам, не надо уже взрослеть. Мы жизнь прожили и не перед

кем нам красоваться своей взрослостью.

– Так ты мне расскажешь?

– Так уж и быть, расскажу.

* * *

По дороге к каменоломне лежал камень. Называли его Притвор-каменем. Почему он получил такое название – никто не знал. Поговаривали, что этот камень обладает необычными свойствами. Если хочешь, кого заговорить, приходи к нему в полнолуние, принеси в подарок кровь жертвы, окропи его и заговор произнеси на того, на кого желаешь. Не пройдет трёх дней, как всё исполнится.

Говорить-то об этом говорили, да ни одного примера не приводили. Только вот Кузьма, молодой парень, влюбился в горбунью. Так называли Фёклу, девицу, засидевшуюся в девках. Был ли у неё горб – никто не видел. Но ходила она сторбленной, лицом корявая. И руки у неё с короткими, похожими на обрубки, пальцами свисали до колен. Кузьма же красавец парень, стройный, высокий, голубоглазый, неожиданно влюбился в Фёклу. Отговаривали родители сына, но сын не хотел их слушать, заявив, что если не женится на Фёкле, то руки на себя наложит. Те побоялись и сдались.

Живёт Кузьма с Фёклой, а детей нажить не может. У других семьи полные, а у него кот в доме, да и жена.

Задумался Кузьма – почему к нему счастье не идёт? Фёкла говорит ему:

– Дом надо новый построить. Живём, чуть ли не в землянке. Сырость и холод. Вот и не идут к нам дети. Другим, посмотри, родители дома помогли построить. А от тебя твои отказались.

Задумался Кузьма. Действительно, родители ни чем ему не помогли. Всё внимание обратили на младших

детей. Вон и у Пашки, младшего брата, уже трое детей подрастают. И дом ему о-го-го какой отгрохали. Кузьма к родителям с обидой. А те в ответ:

– Ты же сам погнался за счастьем. Говорил, что тесть с тещей помогут. Посмотри, у них дом трещит от богатства.

– Они обещали всё наследство дочери оставить. Да и не нужно мне богатство. У меня женушка сокровище.

Так и стался Кузьма в старом, пронизываемом всеми ветрами, доме. Жена ему ещё раз намекнула: не пора ли новый дом исправить. И Кузьма решился. Отправился он на заготовку камня для фундамента. Проезжая мимо Притвор-камня, глянул и сразу подумал: “Ну чем не камень в основание дома? Крепок. Из самого гранита. И отёсан со всех сторон. Положу его под красный угол. А на него рубль серебряный царской чеканки. Заживу как царь”. Как подумал – так и сделал.

Построил он дом, но только что-то странное стало происходить по ночам. На улице ветра нет, а в трубе завывает. А потом дом разом затрясётся, будто земля под ним колышется. Из шкафов посуда со звоном на пол и вдребезги... Соскочит Кузьма – в доме никого. Только жена храпит и ничего не слышит.

В ночь на Ивана-Купалу уснул Кузьма и чувствует тяжесть, вроде как кто-то давит ему на грудь. Открыл глаза, видит – камень, который под красный угол заложил, на груди лежит, а вокруг черти пляшут и смеются. Кузьма руками камень с груди толкать, а черти прыг на него и ещё сильнее придавили. Закричал Кузьма из последних сил, да брык с постели. Тут и петухи закукарекали. Кузьма голову поднял – ни камня, ни чертей. Только рассвет в окно брезжит. Встал он, зачерпнул из ведра холодной водицы и жадно выпил. Глянул на жену, та спит, будто ничего не случилось.

Задумался Кузьма – что же делать? И решил вывернуть этот камень, да

вернуть его на прежнее место. Как только об этом услышала жена, закричала:

– Не дам камень выворачивать! Иначе дом разрушим! Где тогда жить будем?

– Лучше дом разрушить, чем черти по мне плясать!..

Услышав про чертей, Фёкла приоткрыла рот.

Нанял Кузьма мужиков, подвели те под окладной венец подпорки и вывернули камень. А Фёкла стоит, ни жива, ни мертва. Лицо её сделалось бледнее холщёвого полотна. Только пальцы с толстыми ногтями мелко дрожат.

Камень вроде не такой большой, но только к вечеру с ним управились. Погрузили его на подводу и повезли на то место, где он лежал. А на небе уже звёзды светятся, скоро и луна взойдёт. Смотрят – из земли, где камень лежал, свечение странное идёт. Вроде как из могилы с покойником, только с золотыми и серебряными отблесками. Столкнули мужики камень с телеги, и погонять коней...

Наутро всё село уже знало, что за камень Кузьма в основание дома заложил. Только со странным свечением разобраться не могут. Пойти посмотреть – бояться. Стали за версту это место обходить. И взглянуть на камень не решаются.

Успокоился у Кузьмы дом. Не стало больше его трясти. Завывания в трубе тоже прекратились. Только Фёкла стала беспокойной. Ночью спит, не спит. Ворочается с боку на бок, стонет, да губами что-то приговаривает. Что – Кузьма не расслышал, хоть и припадал к жёнушкиным губам ухом.

И как-то раз проснулась Фёкла и говорит:

– Приснилось мне, что под этим камнем клад закопан.

– Откуда ему взяться? – удивился Фёдор. – Тут отродясь никто не жил.

– Как не жил? А могилы на бугре за селом? Там ещё люди глину для печей брали.

Вспомнил Кузьма про могилки.

Странные они какие-то. Раскопали одну, а в ней скелет без головы. Вторую, а там три ноги вместо двух. Испугались люди и обратно закопали могилки. С тех пор перестали там брать глину. Бурьяном заросло то место. Да и скотина не ходила туда траву щипать. Чуют животные недобрые места.

Напомнила Фёкла про могилки, и тут-то подумал Фёдор: «Может, и права жена. Ведь на месте зарытого клада всегда свечение происходит раз в пятнадцать лет. Если золото с серебром зарыто, то и свечение такое. Так и тут. Было свечение, а теперь слабеть стало. Вскоре совсем погаснет. А вдруг там действительно клад? Вот тогда и заживу с Фёклой. Пусть тогда попробуют посмеяться и пообзывать жену горбуньей. Не жена его будет горбуньей, а сами они станут на Кузьму с Фёклой горбатиться. И что до дома с вывороченным углом? Тогда себе такие хоромы отстрою, что царский дворец с ним не сравнится».

И отправился Кузьма лунной ночью с лопатой в руках на раскопки клада. Не знал он, что клады могут быть простые, а могут быть заговорёнными, например, на голову гуся. Когда закапывают клад, то голову гуся под него подкладывают. И откроется клад с сокровищами тому, кто голову гуся принесёт и сверху положит. Но ещё страшней, если клад заговорён на сорок смертей. Сорок человек должно погибнуть и лишь сорок первому клад откроется. Так делали главари разбойников. Сорок разбойников погибнет, лишь потом главарь за лопату возьмётся.

Пришёл Кузьма, и только лопату воткнул, как она стрелой вверх взвилась и, не отскочи вовремя, она, падая, в голову бы воткнулась.

Испугался Кузьма, и бежать домой. А навстречу ему жена в ночной рубашке.

– Куда?! – кричит она. – Там клад зарыт!

Не хотел Кузьма возвращаться. Но жена впиалась ему ногтями в лицо, и

пришлось Кузьме вернуться к камню.

– Бери лопату и копай! – вскочив на камень, кричит жена.

Кузьма взял лопату, а у самого поджилки в ногах трясутся. Воткнул лопату и отскочил. Лопата на месте, вверх не взвивается.

– Не бойся! Под кладом голова куриная лежит! Мне это черти прибежали и сказали!

– Какие черти? – со страху не может сообразить Кузьма.

– Копай, тебе говорю! Я, когда тебя заговаривала, курице голову отрубила и кровью камень окропила.

Сразу и не понял Кузьма, о чём говорит жена. Взял лопату и начал осторожно копать. Копнул раз, копнул второй – что-то звякнуло. Разгрёб землю, смотрит – сундук кованный лежит. Только хотел его подхватить, как сундук двинулся внутрь земли. Кузьма ещё сильнее наклонился, пытается руками за сундук уцепиться, а тот ещё глубже проваливаться, из-под колен Кузьмы земля поплыла. Он вскочил и в сторону отпрыгнул. Смотрит – воронка огромная образовалась и под камень поползла. А на камне жена стоит и на мужа кричит:

– Лови быстрее! Иначе потеряем богатство наше!

Но Кузьма, как замер, так и стоит, шелохнуться боится. А воронка всё глубже и глубже, и камень внутрь завлекает. Распласталась Фёкла на камне, ухватилась за сундук обоим руками и верещит:

– Моё! Никому не отдам!

Завыло всё вокруг, застонало, и камень с гулом в землю пошёл и Фёклу за собой увлёк.

Стоит Кузьма и не знает, что делать. Была жена – и нет её. Только воронка глубокая светится. И тут спала с его глаз пелена. Понял он, как женила его на себе Фёкла. Любовь ли была к ней у него – понять не может. Спуталось всё в голове. Вернулся домой и упал в постель, не снимая грязных одежд. Так и пролежал до утра в полубытьи. А утром встал и рассказал всё родителям. Вскоре всё

село узнало о том, что случилось этой ночью. Отправились на то место, где был клад. Только нет воронки. Вместо неё земля ровная и трава зелёная. Будто ничего и не произошло. И камень куда-то исчез.

Стали поговаривать, что Кузьма жену свою погубил, а теперь всё на клад свалил. И камень будто бы он куда-то спрятал. Только мужики, которые камень увозили, подтвердили, что Притвор-камень их тоже чуть не погубил. Что не мог Кузьма один поднять этот камень, если они вдесятером с ним едва управились. Верили люди и не верили. Слишком всё на сказку похоже.

Хотел Кузьма второй раз жениться. Но никто дочерей замуж за него не выдавал. Остался Кузьма один в новом доме. А когда луна уходила в ущерб, слышались завывания в трубе и доносились протяжные стоны. Вроде как стонала Фёкла и звала на помощь.

ЛАСТОЧКА

Сорвались с клёна два воробья и сцепились меж собой в драке. Другие кружат над ними, трещат, но не разнимают забияк. И если бы не пёс Шарик, который с лаем бросился к воробьям, те так бы и кувыркались по земле. Но, увидев угрозу, воробьи вспорхнули на верхушку клёна, и рады тому, что остались живы.

Я наблюдал за воробьями, а потом спросил у старика:

– Дедушка, почему воробьёв не любят? Зато к ласточкам относятся с уважением.

– Ласточек грех обижать. За это можно наказание получить.

– Какое?

– Разве ты не знаешь?

– Нет, не знаю?

– И родители тебе не рассказывали?

– Они сами об этом не знают. Только говорят: “Не вздумай до ласточкиного гнезда дотрагиваться. И в

гнездо не вздумай заглядывать. Иначе все птенцы погибнут”. А почему – не объяснили.

– Ну, тогда я тебе расскажу.

* * *

Наступили тёмные времена. Стало солнце блекнуть и тускнеть. Почему – никто не знал. Что ни день, то всё тусклее и тусклее светит солнце. А когда день превратился в сумерки, холод опустился на землю. Кутаются люди в тёплые одёжки, и с надеждой посматривают на солнце.

И трава поблекла. Нет того буйного роста, что был раньше. Пора сено косить. Но что косить? Падёт скот зимой от бескормицы. И пшеница не вызреет на полях. Тогда и людям голодная смерть...

Стали молиться богам, но и боги ничего не могут сделать. Появился на земле змей страшный. Что ни день, подлетает к солнцу и откусывает от него край. Змей тот был огнедышащий. Не будь в нём огня, погибнет. Потому и стал летать к красному солнышку и откусывать его края.

И долго бы это продолжалось, не прилети ласточка в эти края. Свила она гнездо под крышей дома, что среди деревни стоит. Вскоре у неё появились птенцы. Летает ласточка под облаками, ловит мошек, чтобы деток прокормить. А корма всё меньше и меньше. Уже до самых небес долетает, чтобы хоть чуток мошек поймать. Но вскоре те исчезли совсем. И тогда ласточка взвилась чуть ли не до самого солнца. Смотрит, что-то тёмное летит прямо к солнцу. Догадалась она, что это змей отправился к светилу, чтобы откусить от него огненный край. Кинулась ласточка наперерез, прикрыла солнышко крылом от змея. Поняв, что не удастся ему откусить солнышка, набросился он на ласточку. Та вёрткая. Повернёт крыло и в другой стороне оказывается. Змей только к солнышку, а ласточка тут как тут. Клювом змея острым по голове... Тот срывается и вниз падает. А когда опомнится, то ласточка опять крылом

солнышко от него укрывает. Пытается дыхнуть змей пламенем, но мало он ещё напился солнышком. Чтобы дыхнуть во всю мощь, надо всё солнышко проглотить. Вот и вырывается из пасти змея короткое пламя с едким дымом. Ласточка крыльями махнет и в сторону отлетит. Разозлился змей и как дыхнул изо всех сил, кусок солнышка вылетел из его пасти и к солнышку прилип. Разъяренный змей от злости этого не заметил, и опять с силой пытается пламя выдохнуть.

Смотрят люди и... О! Диво! Солнце всё ярче и ярче. Но что это такое? Ласточка по небу мечется, со змеем в схватку вступает. А змей разозлился и, совсем потеряв рассудок, на ласточку набросился. Та его острым клювом клюнула и попала в глаз. Взыл от боли змей, да так, что люди от воя уши руками закрыли. Не сделай они этого – оглохли бы на всю жизнь. А змей с одним глазом не таким поворотливым стал. Бросился он во второй раз, а ласточка его клювом! И выткнула второй глаз. Ослеп змей, заревел во всю свою мощь, да так, что деревья до земли прогнулись. Листва с них сорвалась и метелью закружилась. Остались на деревьях голые ветки. Закрутился змей, не видит где небо, где земля, и куда лететь – не знает. Сорвался он вниз, думая, что летит к солнцу и ударился в землю посреди леса. Грохот раздался такой, будто бомба атомная взорвалась. Затряслась земля, закачались деревья, задрожали дома, люди с ног попадали. Такой силы был удар змея о землю. Ласточка же живой осталась. Она высоко была. Сумела увернуться от змея, но только хвост не успела вовремя убрать. Когда змей падал, щёлкнул зубами и откусить ей кусочек хвоста. С тех пор остался у ласточки хвост раздвоенный. А там, куда упал змей, образовалось огромная воронка. Когда наполнилась водой, пре-

вратилось в болото затхлое. В том месте даже деревья перестали расти. А которое попыталось пустить корни, вскоре чахло. Таким ядовитым оказался змей.

Зная, что в лесу от змея образовалось болото, люди перестали ходить туда. Кто осмелился – сгинул бесследно.

Смотрят люди на солнышко – не нарадуются. Стало оно прежним. Светит ярко и трава буйно зацвела. И зерно на полях заколосилось.

Благодарны люди ласточке, что спасла она солнце от змея и их от голодной смерти. Только воробьи быстро забыли, что сделала ласточка. Стоило той улететь в южные края на зимовку, захватили её гнездо и перьев в него натолкали. Самим лень строить дом, решили чужим воспользоваться.

Вернулась ласточка ко дню Сорока мучеников, а её гнездо занято. Воробьи с шумом набросились на неё. Кричат наперебой:

– Ты по земле не ходишь! Только в воздухе летаешь! Там и свей себе гнездо!

– Разве вы не летаете? – спрашивает ласточка.

– Летаем! Но не задаёмся, как ты. Даже на землю опуститься не хочешь, и пройти по ней. Хоть умеешь ноги переставлять?

– Чтобы в воздухе летать, не надо их переставлять.

– Ах, ты так! – возмутились воробьи и набросились на ласточку.

Не окажись та быстрой, заклевали бы её до смерти.

Видят боги такое дело и решили наказать воробьёв. Лишили их способности летать высоко. А если поднимется воробей в воздух, то не более, чем на пять минут. И лишили их дара – ходить по земле. Теперь прыгают воробьи на двух ногах и шага сделать не могут.

С тех пор стали жить ласточки вместе с людьми, никто их не тревожит. Только Пашка, мужик зловредный, всем недовольный, невзлюбил этих птиц. Построил дом, а тут ла-

сточки под карнизом гнездо свили. Рассердился он, что гнездом вид его красивого дома испортили, и решил с ними расправиться. Когда вывелись птенцы, залез в гнездо и передал им всех. Так и оставил лежать мёртвыми в гнезде. Пусть, думает, прилетят ласточки и посмотрят на свих детёнышей. Будет им наука, как без спроса гнезда где попало вить.

Увидели ласточки мёртвых детёнышей и заплакали. Плача их не слышно, только слёзы из глаз ручьём текут. Узнало солнышко про их беду и тоже заплакало. Смотрят люди на ласточек и сердце от жалости у них сжимается. Ласточки спасли не только их, но и солнышко от верной смерти, а теперь сами смерти хлебнули и не чьей-то, а детей своих. Набросились люди на Пашку, а тот гогочет и ничего не хочет понимать.

Но что это? Ласточки взвились к солнцу. Вот уже к светилу раскалённому подлетают. Кабы не сгорели. Уже не видно их. И что с ними сделалось – не знают. А потом, увидев возвращающихся ласточек, обрадовались. Но что это? В клювах у них по маленькому факелу. Для чего – понять не могут.

Ласточки вниз опустились и, когда пролетали над Пашкиным домом, выпустили огненные факелы из клювов. Упали те на крышу дома. Вспыхнул дом ярким пламенем. Факелы-то жарким солнцем дадены, горячей самого горячего железа.

Заметался Пашка, за вёдра схватился. Людей умолять, но те не двигаются. Так и сгорел дом дотла. Одни лишь угли чёрные остались.

С тех пор не селятся ласточки под карнизами домов плохих людей. А если кто посягнёт на их гнездо, жди наказания огненного за неблагодарность свою.

Люди с уважением относятся к ласточкам и не велят детям трогать их гнезда. А солнышко в благодарность за это светит ярко и обогревает всех своим теплом.

ЖЕРНОВА

Дедушка заканчивал обшивать дом. Ещё день-два и работа завершена. Получит расчёт за работу и уйдёт в неизвестном направлении. Но куда он в этот раз денет заработанные деньги? Я не удержался и спросил:

– Дедушка, а ты опять деньги будешь раздавать?

– Зачем? – глянул он на меня.

– Ну, как? – стушевался я. – Ты же сам говорил, что в детский дом ездил и подарков разных накупил.

– То подарки, а не деньги... Раздать деньги – ума большого не надо. Но только зачем? А делать подарки тем, кто нуждается – это совсем другое дело. Смотришь после этого на радостные и счастливые лица, и сам испытываешь счастье! Разве словами это передать? Это надо самому испытать. А копить деньги, а потом сидеть на них... Разве в этом счастье? Надо, чтобы другие были счастливы. Когда все вокруг счастливые, то и жизнь вокруг станет счастливой. Так уж и быть, расскажу я тебе сказку о жадном купце, и что из жадности его получилось.

* * *

Построил Фрол на берегу речки Таловки мельницу. Тогда речка была глубокой и полноводной. Густо росли по её берегам деревья и поля от горизонта до горизонта были не паханы. На них росла трава выше человеческого роста. А в ложбинах гор и сопок били ключевые родники. Ими и наполнялась Таловка. Но во времена последней войны вырубили на топку сельчане деревья, а после распахали поля. Иссякли родники, и помелела речка.

Мельница, что построил Фрол, была единственной во всей округе. Потянулись к ней люди на подводах молоть муку. Крутится с утра до вече-

ра водяное колесо, приводит в движение жернова. Иногда и по ночам Фрол молот муку. Надо было успеть, всех обслужить. Не хочет он никого обидеть.

Смотрит Гаврила, местный купец, что успешно идут дела у Фрола. Что хорошо зажил деревенский мужик. И зависть стала одолевать купца, хотя у самого десяток лавок по сёлам раскинуто. Без мельницы живёт купец богато. Совсем зажил, третий подбородок уже нависает, и живот в штаны не входит. Приходится ремешком подпоясываться, чтобы не растрясти жир...

“Эх, как же я не догадался первым мельницу построить, – переживает купец. – Но ничего, ещё не поздно. Построю сразу две мельницы. Одну выше по течению, чтобы воду Фролу перегораживала, а вторую пониже, на пути людей с подводами. Перехвачу у этого необтесанного мужика клиентов”.

Как подумал, так и сделал. Но что за чертовщина. К Фролу едут мужики, а Гавриловы мельницы стороной объезжают. Аль мука у него не такая из-под жерновов выходит? Да нет, вроде не хуже. Но в чём секрет?

И решил Гаврила пойти на хитрость. Спустить с верхней мельницы воду, чтобы она огромной волной смыла мельницу Фрола. Пусть даже снесёт и его нижнюю мельницу. Одна-то останется. Тогда все крестьяне будут его. Тогда и деньги потекут к нему, Гавриле. Потеря нижней мельницы окупится с лихвой.

И выбрав тёмную ночь, открыл Гаврила на верхней мельнице затворы. Хлынула вода потоком. Зашумела, забурилась, да так, что за три версты её шум слышен. Испугался Гаврила и чтобы Фрол в горячах его не покалечил, поспешил скрыться.

Всё утро он не высовывался из дома. Ближе к обеду отправил жену узнать, что говорят крестьяне. Когда вернулась жена, Гаврила к ней с вопросами...

– Молчат, – ответила она.

– А мельница Фрола?..

– Как везли мужики зерно, так и везут.

Не поверил Гаврила сказанному, запрыгнул на коня и через сопки на мельницу... Смотрит, колесо, как крутилось, так и продолжает крутиться. И плотина целая. Пришпорил Гаврила коня и к мельнице ближе... В это время Фрол вышел на улицу. Увидел он купца и говорит:

– Кто-то воду из твоей плотины этой ночью спустил.

– Вот гады! Вот бандиты! – приторно возмущается купец. – Узнаю, кто это сделал, засужу пожизненно! На каторгу отправлю! – А потом осторожно: – Твоя мельница как?.. Устояла?

– Что с ней сделается? Я обводной канал вырыл. Вода по нему в запасной резервуар ушла. Когда вода в речке спадёт, будет, чем колесо крутить.

Только сейчас купец заметил, что выше плотины, где заросли ивняка, канал прорыт. А за кустами огромный котлован полон воды.

“Эх, как же я раньше не догадался, – стал корить себя купец. – Но ничего. На то я и купец, если десять лавок имею. Чтобы таким хозяйством, как у меня, владеть, надо голову иметь. У кого такая? Только у меня. Не как у этих бестолковых от сохи. Придумаю что-нибудь”.

Принялся купец выведывать у мужиков, в чём секрет, что они муку на помол к Фролу возят. Те только плечами пожимают. И тут увидел купец, как дети, купающиеся в плотине, голыми руками поймали тайменя. “Что за диво, чтобы такую рыбу и голыми руками”... – удивился он.

Но мужики подтвердили, что в плотине у Фрола много рыбы. А почему – никто не знает. Купец решил разузнать секрет. Ведь в его прудах только плотва и та тощая. Не связался ли Фрол с нечистой силой? Не зря, говорят, мельникам водяные помогают.

Вечером, как только стемнело, спрятался купец в кустах, смотрит, Фрол метёлкой собрал мучную пыль

и в реку кинул. Рыба закишела, заплескалась, будто вода кипятком занялась.

“Вон, оно, в чём дело. Мукой не только рыб кормит, но и, похоже, водяного прикармливает. Колесо-то вон как у него крутится. Не то, что на моих мельницах. В три раза быстрее. Черти, наверное, помогают ему. Им что на земле – что под землёй, что на воде – что под водой. Везде твари рогатые одинаково себя чувствуют. Вода ведь в реке одна и та же, одинаково должна крутить водяные колёса”, – подумал купец и стал пробираться сквозь кусты.

На поляне он услышал чьё-то присутствие. Выглянул – два мужика сидят друг напротив друга и в карты играют. Один лохматый с кривыми ногами, а другой с водянистыми глазами без век, на выпучку. “Тоже мне нашли место”, – ухмыльнулся купец и шагнул к мужикам.

Он и сам не прочь в карты поиграть. Всем премудростям с детства научился. Если садился играть, обязательно выигрывал. Умел мухлевать. Потому большое подспорье имел от выигранных в карты денег.

Присел Гаврила чуть в сторонке и наблюдает, как мужики карты раскидывают. Сразу не разобрал, что это леший с водяным на зайцев и крыс играют.

Проиграв, водяной вытащил за длинный хвост крысу из ивовой корзины и отдал лешему. Тот засунул серую тварь за пазуху и опять за карты...

– Можно мне с вами? – не утерпел Гаврила.

Мужики обернулись, окинули взглядом с ног до головы купца и пододвинулись.

– На что играть будешь? – спросили они.

– Да хоть на мельницу, что в верховьях стоит, – сказал купец, и похолодело у него внутри.

Понял он, что это леший с водяным в “дурака” играют. Отступить-ся? А как? Нечистая сила быстро на

словах ловит. Болтнёшь лишнего – не отступят. А попытаешься – беды не оберёшься.

Услышав про мельницу, водяной захохотал, да так, что вода из его рта хлынула фонтаном. Леший тоже схватился сучковатыми руками за живот.

– А вы на что играть будете? – не сдаётся Гаврила.

– На крыс с зайцами.

– Так не пойдёт, – смекнул Гаврила, что может занять в случае выигрыша.

– А ты что предлагаешь? – спросил у него водяной.

– Если выиграю, чтобы отбоя от клиентов на мельнице не было. Чтобы засыпали в жернова один мешок, а муки выходило два. А у соседа только четверть отрубей... И то, никому не нужных. И ещё, чтобы пруд водой за одну ночь наполнился.

– Мы всё, что хочешь, сделаем, – сказали и раскинули карты на троих.

Но как ни старались, не могли выиграть у Гаврилы. И тут они заметили, что у купца те же тузы, что и у них. Не должно быть такого, но тот откуда-то их извлекает. То ли из рукава, то ли ещё откуда – не могут понять. Стали обвинять Гаврилу, что тот нечестно играет. В колоде должно быть четыре туза. А их получается то восемь, то двенадцать.

Кинул Гаврила карты и кричит:

– Пересчитайте!

Считают леший с водяным, а в колоде как было четыре туза, так и осталось.

Раскинули карты вновь. Получилось то же самое. Тузов по счёту больше на руках, чем в колоде должно быть. Закончили играть и опять пересчитывать колоду... Но в ней четыре туза.

– Хватит, – приподнялся Гаврила, вроде как собрался уходить. – Я и так вас семь раз обыграл. Пора выполнять обещанное.

– Как в карты играли, так и выполняй, что обещали, – заверили домою с лешим.

На следующий день глянул купец

– на верхней плотине ветер волны гоняет и через насыпь воду переливает. Услышав скрип колёс, обернулся – крестьяне на подводах зерно везут. Засуетился Гаврила и мельников погонять. И что за диво! Из мешка зерна два мешка муки получается. Купец, конечно, не растерялся, четверть себе отсыпать...

Зато у Фрола жернова вхолостую крутятся. Купец смотрит и посмеивается. Только Фрол спокоен. Профилактику мельнице делает. Вроде как второе колесо пристраивает.

Прослышав про то, что у купца много муки из зерна выходит, потянулись люди из других краёв. С ночи очередь занимают, бранятся, на кулаках сходятся.

“Эх, заживу теперь я. Мельницы без простоя днём и ночью крутятся”, – радуется купец.

Но через неделю, кто намолотил муку, обратно с мешками приехали и на купца с кулаками двинулись.

– Вы чего? – попятился тот.

– А того! – со злобой закричали мужики. – Мука, что у тебя мололи, вперемешку с заячьим и крысиным помётом!

– Я-то тут причём? Укрывать надо было муку от зайцев и крыс! А вы...

– Мы, мешки как положили, так и не развязывали! Или зайцы с крысами их развязали?

– Откуда мне знать? Я рядом с мешками не сидел и не видел, кто их развязывал!

– Ах, ты так! – взревели мужики, и пошли охаживать купца кулаками по бокам.

Насилу тот вырвался. Домой он три дня не появлялся. Отсиживался в кустах. Надеялся увидеть домового с лешим и предьявить им счёт. Но кроме ядовито-громкого смеха он ничего не слышал. Пытался уши затыкать, но смех проникал сквозь голову и через три дня купец двинулся умом. Выскочил из кустов, скинул с себя одежды и нагишом пустился по селу. Посмотрели мужики на купца, что взять с полоумного? На том и успокоились.

Сами же хотели получить лишка, вот и получили за свою жадность муку с помётом.

Заработала у Фрола мельница на полную мощность. И хотя нет у него конкурентов, не берёт он с крестьян лишнего. Только за работу.

Вскоре развалились купеческие мельницы. Даже жернова не пожела-ли взять у него бесплатно. С тех пор лежат эти жернова на склоне сопки недалеко от речки, как напоминание о жадном купце.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

ИЛИ

СКАЗ ПРО ВИТЬКУ ЧУДАКА

Дед Ерёма, получив расчёт за обшивку дома, сразу не отправился на остановку. Он отошёл в сторону и напоследок стал любоваться работой. Смотрел, склоняя голову то в одну сторону, то в другую. Подходил к стене и гладил по доскам рукой. Потом опять отходил на расстояние. Казалось, что он не хочет расставаться со сделанной работой.

– Дедушка, дом смотрится очень красиво, – решил успокоить старика я.

– Любая работа должна быть сделана с душой. Иначе для чего браться за инструмент?

– Все, кто не посмотрит на наш дом, теперь будут удивляться – какой мастер это сделал.

– Все ли?

– А как иначе?

– Не всегда так бывает, внучек.

– Почему?

– Не видят люди, что среди них имеются настоящие мастера. Смотрят за границу, а что рядом не видят. А когда увидят – поздно бывает. А так, за чудака принимают. Как с Витькой. Делал парень для людей поделки из камня, только не видели в нём мастера, смеялись над ним. А когда заметили – поздно было.

– Рассказал бы ты мне, дедушка, про это, – стал я спрашивать старика.

Я боялся, что уйдёт старик, и не узнаю я про Витьку чудака.

– Присядем на дорожку, сказал старик и сел на завалинку. Его взгляд ушёл куда-то вдаль, а потом старик начал рассказывать.

Эта была последняя история, рассказанная им. Расскажу её и я вам.

* * *

Разные бывают чудачки. Но объединяет их одно – желание творить. Надо отдыхать, сидя, например, у телевизора. А они, забыв про отдых, что-то пишут, тешут, строгоют... И было бы для чего! Их же творения не съешь, на хлеб не намажешь и хату из них не построишь. Потому не зря у Витьки Харлова дом подбоченился.

Парня с раннего детства тянуло к скульптуре. Поначалу лепил фигуры. Придёт на кирпичный завод, наберёт из-под вальцов глины и изобразит какую-нибудь рожицу. А однажды умудрился вылепить деда Игната – мастера-наладчика. Стоит тот в прорезиненном фартуке и потёртой солдатской фуражке, сгорбился, шею вытянул, вроде как наблюдает за процессом производства. А изо рта трубка торчит. Получилось забавно. Вскоре глина подсохла и дала трещины. Фуражка свалилась, глаза развернулись в стороны, а потом и трубка отвалились. После этого стали деда называть двуликим Янусом. Игнат, обзлившись, долго не пускал мальчонку на завод.

Тогда Витька приновился к дереву. И так наловчился строгать, что прямо на глазах из-под лезвия появлялись дивные фигурки. Нарезет всяких пташек и зверушек и раздаст детям. Те радуются, и Витька, глядя на них, расцветает в улыбке. А вскоре вытянулся он не по годам и стал создавать большие скульптуры. Вот вырезал старика Хоттабыча и поставил в детском садике. Затем Илью Муромца на коне. И пошло-поехало. Что ни день – новое произведение. Смотрят люди, удивляются. Но не мастерству, а переводу дерева. Ему бы материал

пустить на поправку дома, в крайнем случае, на дрова распилить, а он его на “ветер” пускает. Был бы лес чужой, а то – свой! Не раз ему на это намекали. А Витька улыбается, будто не он чудак, а деревенские ничего не смыслят.

Взять хотя бы того же деда Игната! Он две войны прошёл. Руками своими хозяйство на ноги ставил. Трёх Витек с их понятиями на него одного не хватит. И он пытался парня направить на путь истинный. Так нет, этот Витька и деда Игната не послушал. И как бы назло всем умудрился водрузить на здание администрации двуглавого орла с распростертыми для полёта крыльями. Константин Петрович как увидел над входом громадину, так затрясся от злости.

– Кто позволил? – закричал он, потянулся и сорвал орла. То ли от дрожи в руках, то ли от тяжести не удержал птицу. Та гулко ударилась о бетонные ступени и раскололась на две части.

– Слабо дерево, – глядя на обломки, спокойно произнёс Виктор. – Вон и другие фигуры потрескались, – кивнул в сторону детского сада. – Надо бы из камня...

– Мне еще камня над головой не хватало! – чуть не подпрыгнул Константин Петрович, начальник местный, и, протаранив плечом дверь, скрылся в здании.

После этого случая Витька исчез. А вскоре появился с горящими глазами и выпалил:

– Всё!

– Что? – от испуга присел Сенька Пестов.

– Камень нашёл!

– Тыфу ты! Я-то думал: случилось что? А тут, эка невидаль, какой-то камень. Мало их за деревней валяется?

– Это необычный камень. Большой такой, – развел Витька руки вишь, – зелёный, змеевиком называется. Из таких вазы в Колывани делали.

– Никак за вазы взялся? – усмехнулся Сенька.

– Лягушку хочу сделать. Из камня будет прочно и детям на радость.

– У них что, родителей нет?
– Есть, – не заметил Витька издевки.

– Вот пусть они и радуют своих отпрысков.

– Да кто же из них сможет изваять скульптуру? А я попробую.

– Ну, пробуй, пробуй, – сказал Сенька и собрался уходить.

– Постой. Мне помощь твоя нужна.

– Я в подсобники не нанимался.

– Да нет! Мне надо камень погрузить и привезти. Ты же на экскаваторе работаешь. Мы к нему телегу прицепим.

– Не могу. Руководство запретит, – остановился Сенька, вроде как уже согласный привезти камень.

– Да я договорюсь! За технику заплачу и с тобой рассчитаюсь! – уцепился Витька.

“Эх, чудак! – посмотрел на него Сенька. – Да если руководство прикажет, никуда не денусь. Правда, работать на дядю не так интересно, как на себя”. Вздохнув, сказал:

– Ну, если заплатишь... Камень-то далеко?

– У горы Ревневой за Андреевским. Прямо на берегу Белой.

– Ого! День туда, день обратно. Да еще, поди, в выходной?

– Я вдвойне заплачу, – заверил Витька.

Семен согласился оказать услугу. Тем более руководство разрешило ехать в рабочий день. Но цену не сбавил. Витьку же за язык никто не тянул, а слово дороже денег.

Выехали утром. Забрезжил рассвет, и на землю белой пеленой опустился туман. На улице было зябко, зато в кабине трактора, несмотря на его ветхость, исправно работала печь, выдавая поток тёплого воздуха. Витька разомлел. Клонило в сон. И он бы уснул, если бы трактор на ухабах не подкидывало. Чтобы не удариться лбом о металл, приходилось с усилием разжимать веки и искать опору. Ковш позади скрипуче стонал, словно жаловался на свою тяжёлую долю.

Только Сенька держался бодро. Устался вперед и жмет на газ, не замечая Витькиных проблем, будто хочет показать, что не просто деньги достаются.

“Беларусь” с разгона взбегал на подъёмы, выплевывая чёрными кольцами дым, и с затаённым дыханием скатывался вниз. И вспомнил Витька детские годы, когда он качался на качелях. Вот так же, как и трактор, он затаивал дыхание, падая вниз. И что-то защемило в груди.

– С сердцем что? – обеспокоился Сенька.

– Да так... Детство вспомнил.

Трактор весело катил по дороге. Одиноким березняк, растущий по сопкам, сменился невысокими соснами, которые, по мере продвижения, увеличивались в размере. Вдали показался девственный лес с огромными деревьями, которые раскидистыми лапами пытались дотянуться до дороги и укрыть её от солнечного света. Вскоре проехали через бурливший когда-то жизнью Андреевский поселок, а теперь останки его домов напоминали скелет павшего животного.

– Далеко ещё? – поинтересовался Сенька.

– Километров пять. Вон гора возвышается.

Сенька направил трактор в указанную сторону. Выехали на берег небольшой, но бурной реки.

– Вон туда, у пихты.

Подъехав к дереву, Сенька заглушил двигатель, прыгнул на землю.

– Ну, показывай где камень.

По бодрому голосу было понятно, что тряска ему нипочём, привык. Зато Витька едва спину распрямил.

– Вон он, – показал рукой на мелководье.

Из воды виднелся большой округлый камень.

– Что, другого не нашлось? Обязательно в воде? А если трактор сядет?

– Не сядет. Я тут все проверил.

– Давай другой погрузим. Вон тот, например, – кивнул на глыбу, лежащую в стороне от реки.

– Тот из гранита. А этот в самый раз под цвет лягушки. К тому же и формы такой.

Сенька присмотрелся. Действительно, вон и лапы по сторонам, а вот и голова. Стоит немного потрудиться, привести формы в соответствие – и лягушка готова.

– А цеплять чем будем?

– Ты ковшем ковырни, а я трос подсуну.

Сенька сел за рычаги. Но сколько ни пытался поддеть камень и удерживать его ковшем, тот соскальзывал с зубьев и падал на прежнее место, которое облюбовал тысячи лет назад. Витка пытался поддержать камень, но не мог. С него текла вода, но холода он не ощущал, вставал и принимался за прежнее дело. Руки от напряжения дрожали, ноги подкашивались.

– Давай отдохнём, – предложил Сенька.

– Не. Сначала дело, потом отдых, – ответил Витька.

– Возьми лом, – сказал Сенька. – Когда зацеплю, подсунь, чтобы продеть стропы.

Витька попытался что-то сделать, но его мотало вместе с ломом. “Эх ты, хвощ ходячий”, – глядя на худое Витькино тело, подумал Сенька и крикнул:

– Я камень поддену, а ты лом под него быстро толкни, а потом стропы продерни!

И вот заветный камень в телеге...

Домой, как казалось Витьке, не ехали, а летели. Вернулись глубокой ночью. Разгрузили камень рядом с деревянным сараем, который Витька превратил в мастерскую. Весть о том, что он собирается сделать лягушку, быстро разлетелась по селу, и к мастерской потянулись зеваки. Стояли и молча наблюдали, как камешек за камешком откалывается от глыбы. Всем хотелось скорее увидеть результат. Но ни в первый день, ни во второй, ни в третий его так и не увидели. Скоро из зрителей остались только дети. Витька их не подпускал, боясь поранить осколком. Разрешал подойти, когда садился на отдых. Ребятишки любов-

но гладили камень, некоторые пытались на него взобраться, но Витька строго следил за этим. Если просили поддержать зубило в руках, позволял. Даже разрешал ударить пару раз молотком.

Вскоре лягушка была готова и водружена в парке на мраморном плитняке. Устанавливали ночью, чтобы никто не видел. Утром, как и положено, Витька сдернул белое покрывало под торжественный марш, звучащий из магнитофона. Люди ахнули. Зелёная лягушка сидела с короной на голове. Её блестящие глаза зорко следили за людьми. Казалось, крикни, она миг исчезнет в зарослях и навсегда.

– Теперь бы надо сделать бассейн для ребятишек, – видя, что всем понравилась его работа, сказал Витька.

– Конечно, надо, – вдруг загудела толпа.

И Витька испытал такой прилив сил и энергии, которых не испытывал, наверное, с самого рождения.

А через неделю явился корреспондент из районной газеты, хмурый и недовольный. Он только что проехался по полям и Константин Петрович уговорил его посмотреть творение местного скульптора.

Витька с нетерпением ждал выхода газеты, и когда её получил, сердце затрепетало. Вот и статья: “Местный Самоделкин, или как люди забавляются”. Витька не поверил глазам. В голове крутились последние строки: “Много у нас всяких “Самоделкиных”. Все пытаются претендовать на высокое искусство, но нет у них таланта. Занимались бы лучше другими добрыми делами”. Витька сжал кулаки. Разорвав газету, откинул обрывки в сторону. Порыв ветра подхватил обрывки, как ненужный хлам, и покатил их вдоль забора.

В тот же день село забурило. И не столько сельчане встали на защиту Витьки, сколько подсмеивались над ним. А наутро кто-то отколол правую лапу лягушки. Витька приклеил её на место. На следующий день это повторилось. Мужики при встречах

усмехались, приветствуя: “Здорово, Самоделкин”. К ним присоединились и ребяташки.

И вскоре он не стал появляться на улице. Сельчане заметили, что по ночам в его мастерской горит свет и от туда слышится стук.

И вот ранним сентябрьским утром, когда деревья нарядились в золото и рубины, и над горизонтом заалело солнце, люди ахнули. На крыше Дома культуры, расправив крылья, готовилась к полету сверкающая волшебная птица. Казалось, будто она светилась изнутри.

– Эко диво! – приставив руку ко лбу, изумился дед Игнат. – И надо же было такую красу сотворить. Видать, всю душу в неё вложил. Вот вам и Самоделкин. На славу постарался. Птицу счастья для всех сотворил. Ты, Семён, случаем не знаешь, что за камень такой он применил? Всеми цветами радуги переливается.

– Не, не знаю.

– Да как же так? Вы же вместе с ним на гору ездили.

– Может, он на Саввушинском озере выковырнул?

– Там мелкий хрусталь. Как стекло битое. А здесь большой кусок приспособил.

– А может, он из стекла отлил, а теперь сидит на чердаке и лампочкой подсвечивает?

– Ты бы, Семен, слазил да посмотрел.

– А чего это – я?

– Ты же с ним за камнями ездил. Может, забыл про этот. А взглянешь – вспомнишь.

И полез Сенька на крышу. Осторожно ступая по коньку, подошел к птице.

– Ну что там? – кричат снизу.

– Ничего не вижу. Никакой тут лампочки нет.

– Да ты под птицей глянь!

Сенька начал поднимать птицу, та накренилась и выскользнула из рук. Народ ахнул. А птица, ударившись об землю, рассыпалась на мелкие прозрачные осколки.

– Из хрустала, – сделал заключение дед Игнат. – А где ж Витька?

– Дядя Витя умер! – подбежал мальчуган.

– Как?! – присела толпа.

– Ночью лёг, а утром не встал. Говорят, сердце отказало, – тяжело переводя дыхание, выпалил тот.

Дед молча снял выдавшую виды фуражку. За ним последовали остальные мужики.

– Эх! Для нас старался... Сердце надрывал... А мы не уберегли, – сказал и, наклонившись, начал собирать осколки хрустала в фуражку. Осколки Птицы счастья.